

Малукало Алексей Николаевич

**КУБАНСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО В
1860-1914 ГГ.:**

**ОРГАНИЗАЦИЯ, СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ И
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ, СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТАТУС**

Издание: *Малукало А. Н.* Кубанское казачье войско в 1860-1914 гг. — Краснодар: Кубанькино, 2003

Малукало А. Н. **Кубанское казачье войско в 1860-1914 гг.:**
организация, система управления и функционирования, социально-
экономический статус. — Краснодар: Кубанькино, 2003. — 216 с.

Из введения: Объектом исследования является кубанское казачество в пореформенный период. С середины XIX в. до начала Первой мировой войны российское казачество в целом, Кубанское казачье войско в частности подверглись значительным преобразованиям, оказавшим огромное влияние практически на все стороны жизни казаков. Однако до сих пор, за редким исключением, вне поля зрения исследователей оставались мотивы непосредственных разработчиков и исполнителей реформ, восприятие преобразований казачеством, их ожидания и чаяния. Предлагаемое исследование не преследует цели разрешить абсолютно все спорные и малоизученные вопросы казачьей истории, это скорее попытка пригласить читателя к совместному обсуждению многих проблем, требующих осмысления и дальнейшей научной разработки.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

К историографии вопроса

Основные опубликованные источники

ГЛАВА I. Образование Кубанского казачьего войска и развитие системы

управления во второй половине XIX — начале XX вв.

1.1. Объединение Черноморского и Кавказского линейного казачьих войск

и подготовка казачьих законоположений

1.2. Реформирование системы управления Кубанского казачьего войска во

второй половине XIX — начале XX вв.

ГЛАВА II. Военная служба и повинности Кубанских казаков

2.1. Воинская повинность и развитие взглядов на казачьи войска

2.2. Участие в войнах, конвойная, внутренняя служба и другие повинности кубанских казаков

ГЛАВА III. Социально-экономическое разитие войска и казачьего хозяйства

3.1. Структурные изменения в социально-экономической сфере во второй половине XIX — начале XX вв.

3.2. Социально-экономическое положение кубанского казачества в конце XIX — начале XX вв.

Заключение

Список сокращений

Библиографический список

Приложение 1

Приложение 2

Приложение 3

Приложение 4

*Моим дорогим родителям —
Николаю Николаевичу и Нине Васильевне —
с глубокой благодарностью и любовью посвящаю*

Введение

Актуальность обращения к истории кубанского казачества, казалось бы довольно изученной темы, определяется несколькими факторами. Интерес к прошлому российского казачества со стороны научной общественности, широких слоев населения и участников возрождения казачества — мощного процесса, развернувшегося в постперестроечное время, не ослабевает до сегодняшнего времени.

Кубанское казачье войско (далее — ККВ) является самым структурированным и развитым на сегодняшний день казачьим обществом. На пересмотр оценок исторического прошлого и процессы становления современного российского казачества значительное влияние оказали Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» от 26 апреля 1991 г. и Указ Президента РФ от 15 июня 1992 г. № 632 «О мерах по реализации Закона Российской Федерации «О реабилитации репрессированных народов» в отношении казачества». С этого времени процесс казачьего возрождения выходит за рамки общественного движения, принимает целенаправленный и организованный характер, а казачьи организации получают государственный статус. Согласно Указам Президента РФ «О реформировании военных структур, пограничных и внутренних войск на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации и государственной поддержке казачества» от 15 марта 1993 г. и «О Главном управлении казачьих войск при Президенте Российской Федерации» от 20 янв. 1996 г. казачьи организации получили возможность координации деятельности на федеральном уровне, за казаками было признано право на несение государственной службы, в том числе военной, таможенной, природоохранительной.

Таким образом, общество заинтересовано в возможностях адаптации возрождающегося казачества к современным условиям, поиска оптимальных путей его использования. Однако эффективное решение задач по управлению и организации казачьей службы невозможно без

всестороннего и глубокого изучения различных аспектов казачьей истории. В первую очередь это касается развития системы управления казачьими войсками, административного устройства, существенно влияющих на организацию службы казаков, взаимоотношения с центральной властью, социально-экономического положения казачества.

Значимость данной проблематики обусловлена и возросшим интересом к проблемам историографического изучения прошлого российского казачества в рамках масштабного переосмысления истории России в целом. Об актуальности казачьей проблематики свидетельствуют периодически проводящиеся международные научные и научно-практические конференции, посвященные изучению места и роли казачества в истории России. Такие конференции были проведены в 1982 и 1984 гг. в Черкесске, в 1991 г. в Нальчике, в 1992 г. на Тамани, в 1993 г. в Анапе, в 1995 г. в Ростове-на-Дону, в 1996 г. в ст. Полтавской Краснодарского края, в 1999 г. в Санкт-Петербурге, в 2002 г. в Геленджике. На этих конференциях обсуждались вопросы военной истории, этносоциальной характеристики казачества, проблема самоидентификации современного казачества и пути его дальнейшего развития.

Круг обсуждаемых вопросов не случаен. На сегодняшний день собран огромный фактический и аналитический материал по социально-экономическому развитию Кубанской области, вопросам землевладения и землепользования, крестьянской колонизации области и роли иногороднего населения в развитии экономики края. Проанализированы процессы расслоения в казачьей станице, факты участия казаков в революционных выступлениях. Неплохо отражена история отдельных полков Кубанского войска, населенных пунктов области. Однако малоизученными остаются вопросы развития системы управления ККВ в рассматриваемый период, эволюция порядка отбывания воинской повинности, положение казачьего хозяйства в связи с выполняемыми повинностями и военной службой. Практически не рассматривалась эволюция войска как единой военно-хозяйственной и административной единицы.

Именно поэтому в данной монографии исследуются преобразования системы управления и административного устройства Кубанского войска, развитие взглядов на казачьи войска и регулирование воинской повинности, влияние реформ на социально-экономическое положение казачества в связи с отбыванием воинской и иных повинностей.

Выбранный период — с 1860 г. по 1914 г. — обуславливается следующим. Нижняя хронологическая рамка соответствует дате появления войска. Верхняя соответствует реформам системы управления войска в ходе военных преобразований 1905–1912 гг. и началом I мировой войны, в ходе которой Российская империя вступила в полосу затяжного кризиса, революций и, как следствие, исчезновения войска как военной и административной единицы, казачества как военного сословия.

Территория Кубанского казачьего войска и Кубанской области в историческом, географическом, социальном, экономическом, демографическом отношении представляет большой научный интерес и значимость. Кубань занимала одно из ведущих мест в агропромышленном производстве и хлебоэкспорте страны. Кубанская область являлась местом компактного проживания казачества, что придавало известные особенности характеру социально—экономических, правовых и социокультурных процессов.

Интересно отметить, что границы войсковых земель и границы области не всегда совпадали. Например, земли Шапсугского берегового батальона и двенадцати станиц, причисленных к Ставропольской губернии, в состав Кубанской области не входили, однако числились как часть войсковых земель.

Для любого исследования важна методологическая база — отправная точка, своеобразная направляющая, позволяющая решить поставленные задачи. Автор стремился в своем исследовании опираться на важнейшие принципы исторического познания — историзм и объективность. Это своеобразный способ мышления, предполагающий стремление к пониманию «духа эпохи», вникание в психологические особенности современников событий, оценка исторической действительности в соответствующих изучаемой эпохе категориях морали и этики.

Объектом исследования является кубанское казачество в пореформенный период. С середины XIX в. до начала Первой мировой войны российское казачество в целом, Кубанское казачье войско в частности подверглись значительным преобразованиям, оказавшим огромное влияние практически на все стороны жизни казаков. Однако до сих пор, за редким исключением, вне поля зрения исследователей оставались мотивы непосредственных разработчиков и исполнителей реформ, восприятие преобразований казачеством, их ожидания и

чаяния. Такой подход к восприятию действительности более характерен для писателей и дипломатов, но именно так мы зачастую находим более реальное объяснение событиям. Личный опыт подсказывает, что наши поступки и решения далеко не всегда определяют некие «объективные обстоятельства». И если признать наличие таких закономерностей, то справедливым будет признание того, что наши действия непосредственно обусловлены не ими, а нашими представлениями о событиях и их связи. Так же автор стремился к отказу от априорной заданности и предвзятости, обусловленной политическими и любыми иными конъюнктурными и личностными пристрастиями.

Предлагаемое исследование не преследует цели разрешить абсолютно все спорные и малоизученные вопросы казачьей истории, это скорее попытка пригласить читателя к совместному обсуждению многих проблем, требующих осмысления и дальнейшей научной разработки.

К историографии вопроса

В соответствии со сложившейся традицией историографию принято разделять на дореволюционную, советскую и современную.

Целесообразным так же будет рассмотреть доступную постреволюционную эмигрантскую и зарубежную литературу по указанной проблематике, хотя, безусловно, подобный анализ будет носить фрагментарный характер.

В обширной литературе о казачестве можно выделить три сквозных направления: обобщающие работы, посвященные российскому казачеству в целом; региональные — по отдельным войскам; местные работы — освещающие историю отдельных полков, станиц.

В пореформенный период продолжался процесс формирования казачьих войск. С середины столетия были созданы Забайкальское (1851 г.), Амурское (1858 г.), Кубанское (1860 г.), Уссурийское (1889 г.) казачьи войска. В 1910 г. было утверждено положение об Иркутском и Красноярском казачьих дивизионах, регулирующее службу казаков в Иркутской и Енисейской губерниях. Кроме того, во второй половине XIX в. казачьи войска дважды подвергались масштабным преобразованиям — в 1860–1870-е гг. и в 1905–1912 гг., а Кубанское войско — трижды, еще и в 1880-е гг. Именно это объясняет практическое отсутствие обобщающих работ, освещающих

пореформенный период развития российских казачьих войск в дореволюционной историографии.

Единственным исключением является исторический очерк Главного Управления казачьих войск в составе многотомного издания, приуроченного к столетию Военного министерства. [\[1\]](#) Это издание до сих пор не имеет аналогов. В нем довольно полно отражается история создания и развития центральных и местных органов управления казачьими войсками, изменения в порядке землепользования и отбывания воинской повинности. Несмотря на обилие фактического и цифрового материала, данная работа имеет ряд существенных недостатков, присущих в той или иной степени всей дореволюционной историографии. Исследование носит компилятивный и описательный характер, источниковая база ограничивается законодательными и статистическими материалами, объяснительная составляющая изменений в той или иной области жизнеустройства войск сведена к минимуму. Так, в отношении Кубанского казачьего войска лишь реформы порядка управления 1880-х гг. имеют некоторое объяснение, сведенное в конечном итоге к личной инициативе кн. А.М.Дондукова-Корсакова. [\[2\]](#)

К обобщающим работам можно отнести военно-статистический обзор казачьих войск М.Хорошхина, в котором автор пытается дать сравнительный анализ военного потенциала казачьих войск исходя из экономического благосостояния казачьего хозяйства. [\[3\]](#)

Непосредственно истории Кубанского казачьего войска было посвящено две крупные работы Ф.А.Щербины. Это очерк «Кубанское казачье войско, 1696–1888 г.», изданный в Воронеже в 1888 г.; а также второй том фундаментального исследования «История Кубанского казачьего войска». [\[4\]](#) Как видно из заглавия, первая работа ограничивается 1888 г., вторая же вообще серединой 1860-х гг. Указанные исследования в основном затрагивают вопросы колонизации края, казачьего землевладения и землепользования, самоуправления, насыщены фактическим материалом.

Весьма условно к обобщающим работам о Кубанском казачьем войске можно отнести популярные очерки К.К.Абазы и П.Я.Бугайского, наполненные яркими зарисовками из казачьей жизни, военного быта. [\[5\]](#) Однако, серьезного научного интереса указанные работы не представляют.

Довольно обширное место в дореволюционной историографии занимают работы по отдельным проблемам истории войска и области, населенным пунктам, полкам и военным вопросам. Одним из важнейших событий в жизни кавказского казачества стало заселение Закубанья и связанные с этим военно-административные реформы. Видимо, инстинктивно чувствуя значимость данного события в жизни войска, многие исследователи посвятили свои работы истории переселения казаков за Кубань, статистическим выкладкам, анализу изменений в характере казачьего землевладения, опубликованию источников и других материалов. Среди авторов такие ученые как П.П.Короленко, Ф.А.Щербина, Е.Д.Фелицын, Аурих, М.В.Венюков, И.Бентковский, П.Кирилов. [\[6\]](#) В большинстве работ в той или иной мере присутствует хронология возникновения новых поселений, встречаются весьма любопытные характеристики кавказских администраторов, руководящих переселением, однако, как и всей дореволюционной историографии, им присущ ряд недостатков. Несмотря на богатую фактографию, в указанных работах недостаточно аналитичности, часты повторы в использовании цифрового и фактического материала.

Одним из самых важных для Кубани был вопрос о земле — казачьему землевладению и землепользованию, их эволюции в пореформенный период, когда произошли значительные изменения, важнейшему вопросу размежевания казачьих земель, посвящены работы Ф.А.Щербины, Н.С.Иваненко, Л.Тмутараканского. [\[7\]](#)

Что выгодно отличало работы по социально-экономической проблематике дореволюционных авторов от, скажем, работ советского периода, так это стремление взглянуть на хозяйственно-экономическое положение казачьего хозяйства в контексте общего положения областной экономики, отбывания казаками повинностей. Это было и методологически более верным, и позволяло получить более точное представление о реальном благосостоянии казаков, особенно в разных районах области. Именно в таком ключе написаны работы Л.Македонова, В.Щербины по казачьим хозяйствам Закубанья. [\[8\]](#) Экономическим возможностям казачьих хозяйств, в том числе в связи с воинской повинности посвятили свои работы Л.М.Бобырь-Бухановский и П.П.Орлов. [\[9\]](#)

Несомненный интерес представляют работы, посвященные истории отдельных полков Кубанского казачьего войска. В основном они появились под влиянием пышного празднования 200-летия войска.

Произведения насыщены сведениями из истории переселения жителей полков на Кубань, описанием участия в военных походах и кордонной службе, яркими личностными зарисовками. [\[10\]](#) К сожалению эти работы, удачно определенные О.В.Матвеевым как «полковая историография», так и не были обобщены в едином труде по истории Кубанского войска.

В периодических и продолжающихся изданиях были опубликованы и «точечные» исследования — по истории отдельных населенных пунктов Кубанской области. В этих работах прослежена история основания станиц, источники пополнения численности жителей, представлены интересные этнографические и статистические материалы. [\[11\]](#)

Непосредственно военной составляющей кубанских казаков были посвящены некоторые работы по подготовке казаков льготного и приговорительного разрядов, обучению в казачьих школах. [\[12\]](#)

Несомненный интерес представляет работа Н.Краснова о влиянии развития коневодства и скотоводства на отбывание казаками воинской повинности — автор чутко уловил, что изменения в экономике казачьих областей ведут к сокращению традиционных отраслей хозяйства и, как следствие, к упадку военной мощи казачьих войск. [\[13\]](#)

Таким образом, дореволюционная историография представляет обширный комплекс исследований по различным вопросам истории Кубанского казачьего войска. Особенностью изучения пореформенного периода было то обстоятельство, что исследователи являлись современниками многих событий, которые не представляли для них историографического интереса в собственном смысле этого слова.

Вопросам развития землевладения и землеобеспеченности казачества, влияния этих факторов на способность к выполнению службы посвящены многочисленные работы, поскольку это были злободневные и животрепещущие вопросы. Более скромное место занимают работы по истории отдельных полков и населенных мест. Поскольку казаки постоянно сталкивались со службой, то особенности отправления казаками воинской повинности практически не анализируются современниками. Практически вне поля зрения дореволюционных исследователей остались вопросы развития системы управления Кубанским казачьим войском, развития взглядов на казачью службу и

законодательства в этом вопросе, характера и объема выполняемых казачеством повинностей.

Для советской историографии основной задачей был поиск предпосылок «великой октябрьской социалистической революции». Обязательным было цитатничество из наследия классиков марксизма-ленинизма, основная парадигма научного поиска — область социально-экономической истории и революционного движения. Именно эти факторы определили характер советской историографии, так или иначе затрагивающей вопросы казачьей истории.

Истории Кубанского казачьего войска как военно-административной единицы советская историография не уделяла внимания. Именно поэтому в исследованиях указанного периода выделить группы работ по истории казачества, предложенных выше — обобщающие, региональные и местные — не представляется возможным. Сведения об истории казачества включены в социально-экономические исследования истории Северного Кавказа и Кубани, работы о классовой борьбе в регионе.

Непосредственно в первые годы после революции отношение к казачеству было крайне негативное, как к кулацкой контрреволюционной силе. Определяющими для первых работ советского периода были оценки В.И.Ленина, который, как указывал И.Я.Куценко специально о казачестве не писал, но «оперировал всеми составляющими войсковой сословности». [\[14\]](#)

Именно с этих позиций написана одна из первых работ по истории Кубани Г.Ладохи, посвященная гражданской войне. Казачество однозначно определялось автором как «оплот буржуазно-помещичье контрреволюции», «особое привилегированное сословие». [\[15\]](#) Выводы эти были сделаны исходя из анализа землеобеспеченности казачества, причем на основе усредненных цифр, без учета выполняемых повинностей. [\[16\]](#)

Столь категоричное отношение к значительной части населения Северного Кавказа не могло долго определять развитие научной мысли. Уже в 1924 г. И.Гольдентул публикует работу по земельным отношениям на Кубани, где довольно корректно рассматривает размеры земельных владений и обуславливает антагонизм между казаками и иногородними совершенным бесправием иногороднего населения и

«происками» между «мелкобуржуазной интеллигенцией и полуинтеллигенцией обоих лагерей». [\[17\]](#)

В следующем, 1926 г., появилась работа М.Лолы, преследующая цель популярно объяснить казаку-хлеборобу причину противостояния с иногородними и показать «истинного врага» всех трудящихся — «панов». [\[18\]](#)

Данные работы свидетельствуют о значительной корректировке во взглядах на казачество, стремлении выделить в среде казачества «союзников пролетариата». Именно этим объясняется исследование процесса расслоения в среде казаков в исследовании И.Кулиша, выводы которого во многом не устарели до сего дня. [\[19\]](#)

С другой стороны, была опубликована работа Н.Л.Янчевского, где автор крайне негативно оценивает роль и значение казачества в процессе хозяйственно-экономического освоения региона, указывает на тормозящую роль в развитии экономики казачьего землевладения. [\[20\]](#) Довольно близко к Н.Л.Янчевскому по содержанию и взглядам исследование Н.Т.Лихницкого. [\[21\]](#)

В дальнейшем, вплоть до 1960-х гг. работ, даже косвенно затрагивающих казачью проблематику, практически не было. В последующее тридцатилетие был опубликован значительный комплекс работ, в основном по проблемам социально-экономической истории края.

Несомненный интерес представляет комплексное исследование этнографии кубанских казаков, проведенное в рамках всесоюзной программы института этнографии им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН. Итоги масштабной работы до сих пор не имеют аналогов по полноте представленного материала. [\[22\]](#)

Также следует выделить работы А.С.Бежкович по истории заселения Кубани и П.А.Щацкого, в которой проанализирован процесс формирования населения в связи с развитием земледелия. [\[23\]](#)

Проблемам развития капитализма на Северном Кавказе посвятили свои исследования такие ученые как П.А.Щацкий, А.В.Фадеев, В.С.Гальцев, В.П.Крикунов, Л.И.Футорянский, В.Н.Ратушняк, П.П.Матющенко, и др. [\[24\]](#) В указанных работах этого периода, рассматривались вопросы распределения земельного фонда Кубанской области, материально-

производственной базы казачьих и крестьянских хозяйств, крестьянской колонизации и влияния этих процессов на социально-экономическое развитие региона, структурные изменения в экономике. Полученные результаты и выводы имеют безусловную научную ценность и значимость. В этих исследованиях оценка социально-экономического положения казачьего хозяйства анализировалось в сравнении с положением крестьянства. Выводы основывались исходя из размера земельного надела, количества сельскохозяйственных орудий и машин, применения наемной рабочей силы — но далее этого, как правило, исследователи не шли. Вне поля зрения остались расходы казачества на отправку воинской — основной и иных государственных повинностей.

Другим приоритетным направлением было изучение классовой борьбы и участия казачества на стороне революционных и контрреволюционных сил. Этим вопросам посвятили свои исследования М.М.Бабичев, Г.А.Луцик, И.Ф.Мужев, М.Ф.Панарин, П.Перепченко, В.А.Трехбратов, Л.И.Футорянский и некоторые другие исследователи. [\[25\]](#) В указанных работах, как правило, заострялось внимание на участии казачьих частей в выступлениях и отказах подчиняться начальству, причем подчеркивалось, что данные факты носили «массовый характер» (М.М.Бабичев), что свидетельствовало о значительном классовом расслоении в среде казаков, разделении частью казачества основных лозунгов революции. Как представляется, указанные авторы несколько преувеличивали степень революционности кубанских казаков. Во многом это объяснялось общей тенденцией на усиленный поиск предпосылок, в том числе и социально-экономических, социалистической революции.

Несомненным достижением рассматриваемого периода следует признать создание обобщающих трудов по истории народов Северного Кавказа, заселения и хозяйственно-экономического освоения края, положения отдельных категорий населения — крестьянства. [\[26\]](#)

В 1920–1980-х гг. была проделана огромная работа по изучению истории развития экономики Северного Кавказа, Кубани. Несмотря на трудности и ограничения свободного научного творчества, такие исследователи как А.М.Анфимов, П.А.Шацкий, В.Н.Ратушняк и некоторые другие создали полноценную картину развития капиталистических отношений в регионе, создали прочную научную базу для оценок уровня социально-экономического развития как области в целом, так и отдельных категорий населения. Однако,

практически все советские историки и исследователи не учитывали того обстоятельства, что в дореволюционной России организационной формой существования казачьего населения Кубани было Кубанское казачье войско — военно-административная единица, хозяйственный организм и военное сообщество. Подобный подход, имеющий объективные предпосылки и объяснение, как представляется, накладывал определенный отпечаток на результаты исследований, деформировал представление о реальном положении казака и казачьего хозяйства. Выводы о большей землеобеспеченности казачьего населения по сравнению с иногородним и крестьянством центральной России несомненны, однако при этом зачастую не учитывался объем выполняемых казаками повинностей. Опять таки, для историков советского периода осталась не востребованной тема развития управления войском, развития воинской повинности и вообще проблемы войска как такового.

Согласно периодизации, предложенной В.Н.Ратушняком, в конце 1980-х гг. завершился советский этап в развитии отечественного обществознания. [\[27\]](#) Действительно, с развитием гласности и демократии в стране казачья проблематика, наряду со многими другими вопросами отечественной истории, стала особо популярна. Причем, если на конференциях по истории казачества 1980-х гг. в основном обсуждались вопросы традиционные — революция, Гражданская война, то в начале 1990-х гг. ситуация кардинально изменилась. Были поставлены новые вопросы, требующие осмысления и изучения — этносоциальная характеристика казачества, военная служба и участие в войнах, вопросы расказачивания и многие другие, игнорировавшиеся в предшествующий период

Попытки создания обобщающих трудов по истории казачества России не увенчались успехом. Работа В.Ф.Мамонова, основанная на исследованиях Д.И.Эварницкого (Яворницкого), Н.М.Карамзина, Г.Ф.Миллера, Д.И.Илловайского, Н.И.Костомарова, В.О.Ключевского, А.А.Гордеева, В.А.Голобуцкого, В.А.Седова, Н.А.Мининкова и И.Я.Куценко ничего принципиально нового не содержит. Причем автор остановился на ранней истории казачества в составе польско-литовского государства, образованию первых общин в Поволжье, на Тереке, Урале. [\[28\]](#)

Еще менее заслуживающими внимания следует признать публикации Р.А.Нелепина и В.В.Глущенко. Р.А.Нелепин в двухтомном издании объединил набор очерков, зарисовок по отдельным эпизодам казачьей

истории и биографические справки, практически не связанные друг с другом. [29] В.В.Глущенко поставил целью своих многочисленных работ [30] оценить историографию о казачестве (судя по «оценке» автора весьма немногочисленную) и восполнить пробелы, проанализировать генезис казачества, его военно-политические, социально-экономические и культурные функции, изучить роль государства в жизни казачества и вклад последнего в российскую государственность. [31] Поставленной цели автору не удалось достичь. К примеру, восполнение «пробела» по пореформенному периоду истории ККВ занимает несколько строк. [32]

Более успешной следует признать работу О.В.Агафонова, охватывающую историю возникновения и развития всех 11 казачьих войск Российской империи. Опять же, исследование фрагментарно, компилятивно и в основном затрагивает вопросы военной службы казачества. [33] Как историографический факт можно отметить издание по истории казачества в серии «Иллюстрированная история отечества». В работе в яркой, красочной форме изложены основные вехи в развитии казачества России, причем до XVII в. в книге изложены совершенно мифологические факты и данные. Однако хорошо прорисованы вооружение казаков, быт и нравы. [34]

К обобщающим работам следует отнести исследование Л.И.Футорянского «Казачество на рубеже веков». [35] Исследователь сосредоточил внимание на характеристике социально-экономического положения, месту и роли казачества в первой русской революции. Работа безусловно значимая. Однако, поскольку автор пользовался среднестатистическими выкладками, обобщенными характеристиками, то нередко его выводы по отдельным войскам носят такой же обобщенный характер.

То же самое можно сказать о работе В.П.Трута «Казачий излом. (Казачество Юго-Востока России в начале XX века и в период революции 1917 года)». Исследование носит обобщающий характер, поэтому излишне схематично. Так, в разделах по «территориально-административному» устройству и повинностям автор лишь указывает на разделение казачьих областей на отделы и положение об общественном управлении станиц 1891 г., а из всех повинностей казаков затрагивает только военную службу. [36]

Современные исследователи вновь обратились к военной истории казачества России, поскольку казаки долгое время составляли

значительную часть кавалерии. Три работы, изданные в Москве и Ростове-на-Дону дают представление об основных событиях, связанных с участием казачества в войнах, содержат интересные сведения по использованию казачьих подразделений в составе регулярной армии.

[\[37\]](#)

Особого внимания заслуживает диссертационное исследование Б.Б.Игнатьева, посвященное развитию системы управления казачьими войсками во второй половине XIX начале XX вв. Ученый проанализировал эволюцию центральных органов управления, структуру и обязанности Управления казачьих войск, предложил оригинальную периодизацию. [\[38\]](#)

Необходимо отметить коллективную работу под редакцией проф. Н.И.Бондаря, посвященную традиционной культуре казачеств России, где затрагиваются вопросы управления, социально-экономического развития и военного дела. [\[39\]](#) Работа безусловно значимая, однако авторы в «Ведении» сами признают фрагментарность и некоторую компилятивность очерков.

Следует отметить, что в рассматриваемый период активно обсуждается этносоциальный статус кубанского казачества. Н.И.Бондарь сформулировал теорию, в соответствии с которой в последней трети XIX в. в среде кубанского казачества активно протекали процессы культурного обмена (особенно в Закубанье) и в результате сформировался субэтнос — кубанское казачество с развитым самосознанием, фиксированном в самоназвании — «кубанские казаки». [\[40\]](#) Данную теорию поддержал ряд исследователей. В частности О.В.Матвеев указал на ряд признаков, не характерных для сословий дореволюционной России, но которыми обладали кубанские казаки — собственная территория — «войсковая земля», эксклюзивные источники дохода и свои финансы, появление в среде казачества прослойки, воспроизводящих сословное деление населения метрополии.

[\[41\]](#)

О.В.Матвеев так же исследовал непосредственно историю кубанского казачества. В своем труде автор затрагивает вопросы зарождения казачества, участия казачества в войнах, в том числе Гражданской, казачьего хозяйства. Работа эта носит скорее научно-популярный характер, однако это не ее принижает несомненных достоинств. [\[42\]](#) Так же к истории Кубанского казачьего войска относятся работа В.Е.Науменко, Б.Е.Фролова по истории формирования войсковых

регалий, и исследование О.В.Матвеева, Б.Е.Фролова по униформологии кубанских казаков. [\[43\]](#)

Отдельно следует сказать о работе «Кубанское казачество» И.Я.Куценко. [\[44\]](#) Безусловно, огромный фактический материал, представленный в исследовании имеет определенную научную ценность. Автор в этом обширном труде более двухсот страниц потратил на доказательство особой «коварности» царизма в «приручении» казаков, создании из них надежной опоры царизма. В стремлении доказать тезис об особой контрреволюционности казачества, некой особой замкнутости, автор допускает прямые ошибки и неточности. Так автор уверен, что «в начале XX века рядовому крестьянину стать казаком было невозможно», [\[45\]](#) тогда как на самом деле пополнение казачьего сословия зачислением преимущественно крестьян было постоянным. Указывая на то, что большинство казачьих хозяйств было кулацкими и середняцкими, автор, несмотря на многострочные доказательства «консервации» сословности, тем не менее пишет, что «казачье сословие неотвратимо раскалывалось, воспроизводя все группы классового деления, присущие для пореформенной России». [\[46\]](#) Эти нестыковки вполне естественны в случае, когда работа носит тенденциозный характер, автор всеми силами стремится не к поиску истины, но к обоснованию заранее построенной схемы.

Вопросам социально-экономического развития Кубани посвящено исследование Г.С.Гужина и Л.А.Гущиной. В книге представлен значительный фактографический материал, освещающий вопросы формирования населения Кубанской области, демографической ситуации в отдельных селениях, развития промышленности и сельского хозяйства. [\[47\]](#) Сведения по истории заселения Закубанья казаками ККВ, социально-экономического развития можно почерпнуть в обобщающем труде «Очерки истории Кубани с древнейших времен до 1920 г.» под редакцией В.Н.Ратушняка. [\[48\]](#)

Отдельным проблемам царской политике в области аграрных отношений, эволюции казачьей общины, войсковому торговому обществу, административных реформ в области посвящены статьи П.П.Матющенко, И.В.Ивченко, Г.Г.Мошкович, В.Н.Мальцева. [\[49\]](#)

Несомненный интерес представляют работы непосредственно по военной истории кубанского казачества. Статьи Е.В.Рукоусева и О.Б.Германа посвящены повинностям казачества и эволюции казачьей

службы в сторону сближения с регулярной армией. [\[50\]](#) Можно отметить диссертационное исследование С.В.Телепень, затрагивающее историю Кубанского казачьего дивизиона в Польше. [\[51\]](#) Обращение к данной проблематике следует рассматривать как начало качественно нового этапа в изучении истории казачьих войск.

Празднование 200-летия Екатеринодара-Краснодара и 43-х кубанских станиц сопровождалось изданием многочисленных работ краеведов по истории отдельных населенных пунктов Кубани, в основном описательных и в содержательной части относящихся в основном к советскому периоду. [\[52\]](#) Среди не одного десятка научно-популярных и популярных публикаций следует выделить работу А.К.Басханова, М.Н.Басханова, Н.Д.Егорова по истории ст. Лабинской и Лабинского отдела. [\[53\]](#) Несмотря на компилятивность, исследование насыщено фактографическим материалом, выдержками из источников личного происхождения, красочно рисует взаимоотношения казаков и советской власти, проблемы иногородних. Вопросам формирования линейного войска на примере ст. Рождественской, Каменобродской, Сенгилеевской, Новотроицкой и Расшеватской посвящены серьезные научные исследования В.А.Колесникова. [\[54\]](#)

Таким образом, в современной историографии кубанского казачества продолжается успешное изучение социально-экономической проблематики, вопросов истории отдельных населенных пунктов. Вновь исследователи обращаются к военной истории казачества, проблемам истории казачьего войска, а не казачества вообще. Процесс казачьего возрождения и вхождения казачества в государственные структуры побудил более интенсивно изучать систему управления, войсковой организации казачества России. [\[55\]](#)

Говоря о работах авторов-эмигрантов, можно отметить следующее. В основном предметом изучения видных деятелей «Белого дела» были события революции и Гражданской войны. На страницах казачьей периодики разворачивается дискуссии о происхождении и сущности российского казачества. Часть авторов, печатавшихся в журналах «Вольное казачество», «Казаки» и «Казачья воля», видели в казаках древний нерусский народ. Представители второго направления, например В.Холмский, отстаивали версию о принадлежности казачества русскому, отчасти великорусскому народам. [\[56\]](#) При этом эти споры мало интересовали рядовое казачество, скептически относившееся к таким идеологическим баталиям. [\[57\]](#)

Иностранные авторы так же проявляют интерес к проблемам истории российского казачества. По сведениям немецкого историка Г.Удо только в Германии по данной проблематике защищены несколько десятков диссертационных исследований. [\[58\]](#)

Л.И.Футорянский отмечает также работы Дэвида Фрейда и Чарльза Оливера Гарбонеля, затрагивающие проблему участия казаков в подавлении революционных выступлений в России. При этом указанные авторы рассматривают казачество исключительно как реакционную полицейскую силу. [\[59\]](#)

Иноязычной литературе нередко присущи описательность, эмоциональность и стремление к красочным зарисовкам. Это в полной мере относится к работам Хиндуса Мориса и Ива Бреэре. [\[60\]](#) Однако в последнее время появились довольно серьезные исследования по данной проблематике. Следует выделить исследование Роберта МакНила «Царь и казачество», написанной на основе привлеченных материалов российских архивов, обширной научной литературы. Автор представил анализ процесса создания в сознании казаков мифологем, с помощью которых царизм управлял этой грозной силой. [\[61\]](#)

Интересна работа чешского историка С.Ауского «Казачи. Особое сословие». [\[62\]](#) В основном автор сосредоточил внимание на событиях революции и гражданской войны, однако дает небольшие обзоры развития управления, участия в войнах.

Глава 1. Образование Кубанского казачьего войска и развитие системы управления во второй половине XIX — начале XX вв.

Эпоха Александра II — эпоха масштабных преобразований, охвативших практически все сферы жизнедеятельности российского общества. Освобождение крестьян, изменение судебной системы, земская и городская реформы, кардинальное изменение порядка отбывания воинской повинности — военная реформа — эти преобразования определили судьбу России на десятилетия.

Историю создания Кубанского казачьего войска следует рассматривать в контексте общероссийской исторической парадигмы, то есть в общем контексте либеральных реформ 60–70-х гг. XIX в. В истории реформирования кавказских казачьих войск был ряд особенностей, обусловленных особым положением казачества в составе империи. Во-первых, казачье сословие имело внутреннее самоуправление. Во-

вторых, казаки большую часть времени находились под юрисдикцией военного ведомства, поэтому на них не распространялись автоматически общероссийские изменения в законодательстве. В-третьих, отмена крепостного права, имевшая огромное значение для всей России, напрямую казаков не коснулась. Поэтому, рассматривая преобразования в казачьих войсках, иерархия реформ по значимости будет несколько отличаться от империи в целом.

1.1 . Объединение Черноморского и Кавказского линейного казачьих войск и подготовка казачьих законоположений

В 1861 г. пост военного министра занял Дмитрий Алексеевич Милютин (1816–1912). Учитывая уроки Крымской войны, он проводит ряд важных реформ, закончившихся принятием закона 1874 г. о всеобщей воинской повинности. Для казачьих войск реформа порядка отбывания воинской повинности протекала в тесной связи с другими масштабными преобразованиями — порядка управления, самоуправления, административными изменениями.

В конце 50-х гг. XIX в. ясно обозначились недостатки в системе управления казачьими войсками и устройстве местных учреждений. Отсутствовали унифицированные программные документы по управлению войсками, назрела необходимость усовершенствования местных органов управления, необходимо было создать механизм взаимодействия с не казачьими структурами. В течение предшествующих 20 лет казачьи дела сосредотачивались в одном учреждении — Департаменте военных поселений. За это время были разработаны и изданы «Положения» по отдельным войскам, установлены способы приращения капиталов, разработки полезных ископаемых на войсковых землях и многое другое. Поэтому с упразднением Департамента военных поселений все вопросы по казачьим войскам сосредоточились в созданном 17 декабря 1857 г. Управлении иррегулярных войск (далее — УИВ). 29 марта 1867 г. оно было переименовано в Главное управление иррегулярных войск (далее — ГУИВ).

В 1856 г. наказной атаман войска Донского генерал-адъютант Хомутов ходатайствовал о разрешении учредить комитет по составлению нового положения о войске с учетом всех поправок и дополнений. При рассмотрении этого ходатайства в УИВ выяснилось, что текущие изменения и дополнения вошли частью в Свод военных постановлений, частью в ПСЗ, часть попала в Приказы военного министра, что

создавало существенные затруднения в работе местных администраций. Было принято решение испросить высочайшее соизволение на подготовку новых положений о казачьих войсках, учреждения местных комитетов для этой подготовки (по Черноморскому и Кавказскому линейному казачьим войскам (далее — ЧКВ и КЛКВ) — г. Ставрополе), что было сделано 10 октября 1859 г. Сроки для данной работы определялись в два года — с 1 янв. 1860 по 1 янв. 1862 гг. Уже 18 октября 1859 г. последовало испрашиваемое соизволение.

На Северном Кавказе начало пересмотра казачьих законоположений совпало с крупными военно-административными реформами. 8 февраля 1860 г. последовал царский указ о наименовании правого крыла Кавказской линии Кубанской областью, а левого — Терской. Все пространство от главного хребта к северу, а именно — Кубанскую и Терскую области и Ставропольскую губернию следовало именовать Северным Кавказом.[1] 23 мая последовал указ об именовании командующего войсками правого крыла Кавказской армии — Начальником Кубанской области, левого — соответственно, Терской, с сохранением по военной части званий Командующих войсками в области расположенными.[2]

Далее последовал приказ № 464 от 13 октября 1860 г. за подписью главнокомандующего Кавказской армией генерал-фельдмаршала кн. А.И.Барятинского с проектом преобразований Черноморского и Кавказского линейного казачьих войск. Согласно приказу, «для большего единства управления», Черноморское войско отныне должно именоваться Кубанским, и к нему отходят первые шесть бригад Линейного войска; оставшиеся четыре бригады, в свою очередь, отныне именуется Терским. В управлении ККВ руководствуется для части бывшего Черноморского войска — Высочайше утвержденным положением 1 июля 1842 г., для бригад бывшего Линейного войска — положением 14 февраля 1845 г. Главные управления войска остаются в г. Екатеринодаре, звание наказного атамана ККВ присваивается начальнику области и командующему войсками, в области расположенными. Непосредственное управление войском возлагается на начштаба ККВ с правами, предоставляемыми ему по должности в случае отсутствия наказного атамана. Главное военное и гражданское управление подчиняется во всех отношениях начальнику области, который по всем предметам, превышающим его власть, входит с представлением к главнокомандующему Кавказской армией. Таким образом, приоритет в администрации предоставлялся гражданским властям в лице начальника области.

Документ во всех отношениях важный, детально описывающий порядок и ход эксперимента, поскольку мера эта вводилась временно, на два года — по 1 янв. 1863 г. В течение этого времени должен был быть составлен проект положений о вновь созданных войсках. Содержал он и любопытные казусы. Так, §11 гласил, что в случае отсутствия начальника области, наказной атаман относится по всем служебным вопросам к помощнику командующего войсками этой области, который в таком случае вступает в права начальника области.[3] Как видно из вышеизложенного, командующий войсками совмещал должность начальника области, и ему же было присвоено звание наказного атамана. Естественно возникает вопрос, как, в случае отсутствия начальника области, наказной атаман будет подчиняться помощнику командующего войсками, если начальник области и наказной атаман одно лицо?

Как представляется, необходимо подробнее остановиться на данной важнейшей реформе в жизни кавказских казачьих войск. Хронология событий такова — запрос наказного атамана войска Донского на пересмотр казачьих законоположений, запрос на имя государя от Управления иррегулярных войск на учреждение местных комитетов для данной работы и последовавшее высочайшее соизволение, учреждение местных комитетов в казачьих войсках.

Для кавказских казачьих войск, после завершения Кавказской войны в 1864 г., следовало учредить комитет в каждом войске и подготовить соответствующие проекты. Однако вместо этого создаются новые административные единицы, причем в состав Кубанской области входят земли, заселенные враждебно настроенным населением, требующие «умиротворения» и построения нормальной жизни и «начал администрации». После этого создается новое Кубанское войско из механически соединенных частей и начинается заселение и хозяйственно-экономическое освоение Закубанья.

Создание Кубанской области можно объяснить и стремлением кавказского начальства «ускорить» покорение Кавказа, и «географическим стремлением» к некой целостности, что хорошо видно на карте. А вот создание Кубанского войска вызывает ряд вопросов. До сих пор появление нового войска связывали с необходимостью «большого единства управления, сообразно с настоящим положением Северного Кавказа и с общею системой администрации», [4] то есть в духе объяснений самого кн. А.И.Барятинского.[5] Либо увязывали с

«изменившимися политическими обстоятельствами» после 1859 г., когда основной задачей стало скорейшее покорение Западного Кавказа.[6] Каковы были истинные причины создания войска?

Можно ли увязывать создание Кубанского войска с созданием Кубанской области? Естественно, что казачьи части в рамках одной области выгоднее объединить в одно войско. Но в этом случае область должна была стать казачьей, то есть «войсковой землей», чего не произошло. Возможно, создание войска имело и другие причины, и область, возможно, появилась именно для создания нового войска, а не наоборот.

При создании новых административных единиц менее всего учитывались интересы казачьего населения как военного сословия. Еще в 1858 г. главнокомандующий Кавказской армией предполагал разделить Ставропольскую губернию на две части и соединить их с землями Черноморского и Кавказского линейного войск. Мысль эта была поддержана генерал-лейтенантом Г.И.Филипсоном, и по его указанию редактором временного отделения по устройству Кавказского и Закавказского краев коллежским асессором Сухаревым был составлен соответствующий проект. В г. Тифлисе был составлен особый комитет под председательством генерал-адъютанта Милютина, который, однако, пришел к выводу о невозможности такого разделения в тот момент, указывая на необходимость колоссальной законодательной работы.[7]

Здесь же уместно упомянуть о проектах переноса административного центра из г. Екатеринодара. План этот возник в 1858 г. (NB — в этом же году разрабатывался проект разделения Ставропольской губернии). Место выбрал генерал-адъютант кн. И.Н.Орбелиани в месте слияния рр. Кубани и Лабы. Реализация переноса черноморской столицы была отложена, чтобы «... не отвлекать ни войск, ни денежных средств от военных действий и колонизации страны».[8]

В чем крылась причина планируемых преобразований в конце 1850-х гг.? В стремлении разрушить автономию и самобытность черноморцев. Казаки Черноморья имели особый порядок управления и отбывания воинской повинности, эксклюзивные источники доходов и финансовых средств, своеобразный порядок землевладения и землепользования. Преобладающая часть населения Черноморья было малороссийского происхождения, и, находясь более полувека в относительной изоляции, приобрела ряд специфических особенностей в культуре, языке, самосознании. Российский офицер, прибывший на

Кавказ в середине XIX в., М.И.Венюков так писал о черноморцах: «В бывшем Черноморском войске, состоящем из малороссиян и хранящем предания Запорожской Сечи, эта отдельность (от России — А.М.) принимает вид национальности и выражается нерасположением к иногородцам, которых казаки недружелюбно называют москалями».[9]

Особенности в порядке управления воспринимались кавказским чиновничеством негативно, ясно просматривалось стремление к унификации административных учреждений. Начальник главного управления наместника Кавказского отмечал необходимость коренного преобразования административной и судебной части на Кавказе для окончательного умиротворения края, указывая, в частности, о Кубанской области, что большая часть населения (казаки и горцы) находилась в военно-административной власти, а гражданское население — имело гражданское управление. Далее барон Николай отмечал: «Такое смешение начал администрации и суда не могло не представлять значительных неудобств, составляя положение, очевидно, только временное и переходное (курсив мой — А.М.)».[10] Из выше сказанного очевидно стремление чиновников к ликвидации особого порядка управления в казачьих войсках, и настороженное отношение к самобытности населения Черномории.

Стремление к разрушению замкнутости черноморцев, приобретающей вид «национальности», красной нитью проходит через план кн. А.И. Барятинского создания Кубанского казачьего войска.[11] Однако, следует признать, что создание войска вполне оправдывает необходимость освоения Закубанья. Но вопрос в том, что было первично, что вторично — необходимость заселения или стремление разрушить черноморскую замкнутость? Совершенно верны выводы О.В.Матвеева о целенаправленном характере создания Кубанского войска.[12] Стремление черноморцев к самостоятельности было хорошо известно и кн. А.И.Барятинскому, и гр. Н.И.Евдокимову. Именно эти настроения послужили основой для планов перенесения столицы черноморцев в 1858 г. После создания Кубанского войска «...со стороны Черноморского дворянства была высказана оппозиция против этого соединения».[13] В 1863 г. в Черномории были вновь замечены стремления к отдельности, которые негативно влияли на проводимые административные реформы. Поэтому гр. Н.И.Евдокимов вновь возбудил вопрос о «безотлагательном» перенесении административного центра. Особая комиссия под председательством генерал-майора Суходольского признала место на левом берегу Кубани у впадения р. Лабы весьма пригодным для строительства новой столицы Кубанской

области. Предварительный план был одобрен государем, который указал изыскать способы и средства для реализации этого проекта, однако наказной атаман ККВ гр. Ф.Н.Сумароков-Эльстон высказался против переноса столицы по причине недостатка средств.[14] Реализация проекта вновь была отложена.

Практически одновременно (в конце 1861 г.) вновь началось обсуждение вопроса о разделении Ставропольской губернии. Был составлен проект об образовании на Северном Кавказе двух областей — Кубанской и Терской, определены границы, порядок управления (преимущество, безусловно, определялось за гражданскими властями).[15] В 1865 г. вновь обсуждался данный вопрос, причем: «комитет (местный, см. ниже — А.М.) пришел к единогласному заключению о необходимости образования на Северном Кавказе двух областей Кубанской и Терской с губернскими учреждениями, которым должны быть подчинены в полицейском и судебном отношении гражданское, казачье и инородческое население нынешних Кубанской и Терской областей и Ставропольской губернии, и в этом смысле составил проект положения с пояснительной запиской к нему».[16]

Помимо комитета для подготовки новых положений о казачьих войсках, по приказу главнокомандующего в мае 1865 г. в г. Тифлисе был составлен особый временный комитет из военных и гражданских чинов для обсуждения проекта разделения Ставропольской губернии и преобразования управления во вновь образованных областях по примеру Оренбургского края (подчинение казачьего и гражданского населения единому гражданскому управлению). Как видно из пояснительной записки к указанному проекту, менее всего составители заботились о военной составляющей казачьих войск. Так, отмечая тот факт, что население Северного Кавказа складывалось постепенно и состоит из различных народностей, имеющих различия в вероисповедании, происхождении, языке, культуре и проживающему чересполосно, указывали, что: «все эти разнородные элементы требовали соответственных, существу или цели, особенностей в управлении. Военные события, непрерывно изменяя состав населения, делали неизбежным частые перемены в учреждениях, которые продолжались до последнего времени, без общего взгляда на устройство и положение края».[17] Далее члены комитета высказывали опасения «...закрывающееся в том, что большинство населения Северного Кавказа состоит из казаков и горцев, из которых первые имеют военное устройство, а вторые находятся под военным управлением и относительно гражданского развития стоят еще ниже, чем казачье

население. С присоединением к этой воинственной массе гражданского населения Ставропольской губернии полагают (члены комитета — А.М.), что военные интересы будут непременно иметь преобладающее значение, и местная администрация, по необходимости будет стремиться к тому, чтобы из мирных поселян образовать что-то в роде военных поселений, что, разумеется, было бы весьма невыгодно для их благосостояния и составляло бы не прогресс, а напротив того шаг назад».[18]

Как видно из вышеизложенного, комитет опасался военизации мирного населения, а основную цель преобразований видел в том, чтобы «...исполнение казачьим населением лежащих на нем обязанностей сколь менее мешало развитию в среде его гражданственности и материального благосостояния».[19]

Наиболее дальновидные чиновники уже тогда предвидели возможные последствия предполагаемых административных изменений. Так, начальник УИВ генерал-лейтенант Карлгоф в записке на имя военного министра указывал, что опасения поглощения гражданских интересов военными не имеет основания. С введением планируемых преобразований, казачество постепенно переняло бы гражданские начала и отличие от остального населения стало бы заключаться исключительно в порядке отбывания воинской повинности — что-то вроде милицейской службы с вознаграждением в виде земельного надела и освобождением от податей. В дальнейшем же неизбежно произошло бы подчинение казаков общей воинской системе. Опасаться скорее нужно обратного — растворения казачества в гражданском населении. И если государству понадобятся военные услуги казаков, то правительство «...должно будет употребить некоторые усилия для сохранения казачества от всепоглощающего влияния гражданственности (курсив мой — А.М.)».[20]

Однако планы по разделению Ставропольской губернии встретили серьезное противодействие кавказского начальства, с которым нелегко было справиться даже военному министру.[21] Вполне ясно эта позиция выражена бароном Николаи, который в рапорте и письме к Д.А.Милютину указывал, что этот проект носит характер «частного труда», и что он видит существенные затруднения в разрешении интересов военных и гражданских властей в случае разделения губернии с десятилетним стажем существования. Кроме того, отмечал начальник главного управления наместника, подобное укрупнение приведет лишь к «неуспеху в управлении».[22] Эту позицию вполне

разделял и сам наместник Кавказский вел. кн. Михаил и другие чиновники.[23]

Сама возможность появления подобных проектов, объективно ведущих к разрушению общности черноморцев стала возможной в рамках общегосударственного подхода к казачеству, заключавшегося в стремлении унифицировать порядок управления в казачьих областях с общероссийским и максимально сблизить казачье население с гражданским.

Вмешаться во внутреннее устройство Черномории было довольно сложно, поскольку самоуправление в войске строилось на высочайших грамотах Екатерины II и последующих императоров, подтверждавших и расширявших казачьи привилегии. В этой ситуации создание Кубанского войска, проект переселения казаков за Кубань, проводившиеся без детально разработанных проектов, не ущемлявших прав и привилегий казачества, был именно тем инструментом, который в конечном итоге «слома» черноморцев. Безусловно, нельзя утверждать, что именно такая цель ставилась как основная в проводимых административных реформах, однако стремление к ликвидации обособленности Черномории присутствовало, несомненно.

Обратимся к событиям 1860–1861 гг., когда командующий войсками в Кубанской и Терской областях начал приводить в исполнение план кн. А.И.Барятинского по переселению казаков за Кубань целыми станицами. Естественно, что подобное переселение не могло не вызвать противодействия со стороны казаков. Волнения были как на Линии, так и в Черномории.

Волнения среди линейцев описал В.Толстов в своей «Истории Хоперского полка». Автор указывает, что должны были переселяться 5 станиц 1-го Хоперского полка — Грушовская, Северская, Круглолесская, Александровская, Сергиевская; 1 станица Ставропольского полка — Спицевская; Старо — Щербиновская и Конеловская станицы из бывшего ЧКВ. Переселение должно было осуществляться под руководством подполковника Абазина, который, якобы, и подал эту идею (переселения станицами). Далее описываются волнения казаков ст. Александровской, основная причина которой, по мнению автора, заключалась в неверии казаков, что государь-император мог дать согласие на такое разорительное для казаков действие. После того как казакам был предъявлен высочайший указ от 24 июня 1861 г. на имя наказного атамана ККВ генерал-адъютанта Н.И.Евдокимова о

приостановке переселения, казаки успокоились.[24] Таким образом, волнения линейцев связаны с нежеланием переселяться таким необычным для казачьей практики способом, что естественно привело бы к разрушению хозяйства. То есть, если верить В.Толстову, подоплека была чисто экономическая.

В землях Черномории дело обстояло несколько иначе. Весьма интересные свидетельства оставили М.И.Венюков и И.Г.Барилко. Выше упоминалось о недовольстве черноморского дворянства объединением с частью Линейного войска. Вслед за объединением последовало распоряжение о переселении за Кубань. Войсковое начальство спустило наряд станицам, однако казаки и слышать не хотели о переселении, говоря «...бросать нам в Черномории земли, высочайше дарованные Императрицей Екатериной II, разоряться и идти в глухой, дикий, непокоренный еще окончательно край — не желаем».[25] Агитировал за переселение Я.Г.Кухаренко, но неудачно, казаки его обвинили в том, что он «продал их в Ставрополь».[26] Особенно волновались депутаты от Таманского и Екатеринодарского округов, один из них (фамилии М.И.Венюков не называет, упоминая его как «К-ский»), при этом говорил казакам, что, мол, сейчас возьмут часть семей — 770, а затем всех переселят.[27]

Далее, Н.И.Евдокимов решает лично приехать в г. Екатеринодар для встречи с казаками. В назначенный день для высокого гостя была отведена квартира в доме купца Посполитаки, собрались штаб — и обер-офицеры, старики, привели музыкантов. По прибытии было заметно, что граф сильно не в духе. Он прошел в дом и немедленно пригласил к себе молодых офицеров, принялся убеждать их в необходимости заселения Закубанья для пользы войска и скорейшего умиротворения края. В ответ услышал самый решительный отказ. Взорвавшись, граф приказал многих посадить под арест и пригласил к себе стариков и старослужащих. Здесь тоже не удалось достигнуть успеха. Последние еще и упрекнули командующего, что вопреки его победным реляциям край Закубанский покоренным считать нельзя.[28] Здесь И.Г.Барилко излишне скромно, М.И.Венюков пишет, что казаки упрекали Н.И.Евдокимова в том, что он «бабами и ребятишками» хочет Закубанье завоевать.[29] Н.И.Евдокимов уехал в г. Ставрополь вместе с доктором Рымашевским и донес кн. А.И.Барятинскому, а тот в свою очередь государю, что между черноморцами «бунты и неповиновения».

Черноморские дворяне подали на имя гр. Н.И.Евдокимова прошение, которое подписали 93 человека (по другим сведениям — 107), где

просили отделить 6 бригад линейцев, вернуть имя войску, заслуженное предками, а Закубанье перед заселением очистить от неприятеля. Из подписавшихся под прошением 8 человек было арестовано.[30] Арестованных поместили в тюрьму г. Ставрополя и содержание их возложили на само войско. Кстати, в рапорте начштаба войск Кубанской области с просьбой сделать распоряжение о пересылке денег на содержание 3-х офицеров бывшего ЧКВ, обвиняемых в противодействии переселению казаков, упоминается некий войсковой старшина Камянский.[31] Возможно, это тот самый таинственный «К-ский», упоминаемый М.И.Венюковым.

Одними из основных требований черноморцев, включенных в прошение на имя гр. Н.И.Евдокимова и в дальнейшем доставленного в столицу офицером Манеровским, но так и не принятое императором, было возвращение наименования войска, отделение линейцев и заселение Закубанья на основании высочайшей грамоты, оговаривающей условия данного заселения, по примеру прежних лет.[32] Таким образом, видно, что черноморцы боролись не только против разорительного переселения, но за свою самобытность и обособленность.

В том числе и именно против этой «отдельности», как представляется, направлены были такие меры как создание области, затем — Кубанского войска, проект переселения за Кубань. Эти меры, укладываемые в общегосударственный подход по слиянию казаков с остальным населением, должны были разрушить самобытную черноморскую общность, облегчить проведение реформ в области управления, самоуправления и других. Характер противостояния предопределил негативное отношение казаков к Н.И.Евдокимову. Характеризуя деятельность последнего в качестве организатора переселенческого процесса, Ф.А.Щербина писал: «Колонизация началась с восточной стороны кубанских предгорий и, попав в крайне неумелые руки главного распорядителя графа Евдокимова (курсив мой — А.М.), на первых же порах встретила серьезные препятствия со стороны того населения, которым предположено было колонизовать Закубанский край».[33] В сборнике сведений Е.Д.Фелицына о кошевых, наказных и войсковых атаманах, Н.И.Евдокимов вообще не упоминается.[34] А ведь последним атаманом ЧКВ был Г.И.Филипсон, первым атаманом ККВ — Н.А.Иванов, а между ними, в период с 12 сент. 1860 г. по 31 авг. 1861 г. — формально Н.И.Евдокимов. Согласно приказу кн. А.И.Барятинского от 13 октября 1860 г. звание наказного атамана присваивалось начальнику Кубанской области и командующему войсками в ней расположенными, а должность эту

(командующего войсками) занимал именно Н.И.Евдокимов. Правда, надо отметить, пока автору не встречалось документов за подписью Н.И.Евдокимова как наказного атамана ККВ, однако формально до назначения Н.А.Иванова, наказным атаманом считался Н.И.Евдокимов. В соответствии с положением о ЧКВ в отсутствии наказного атамана и согласно приказу по войскам Кубанскому и Терскому № 64 от 9 декабря 1860 г. с 1 января 1861 г. исправляющим должность наказного атамана ККВ считался начштаба ККВ генерал-майор Л.И. Кусаков.[35]

Возвращаясь к теме пересмотра казачьих законоположений, следует отметить, что местный комитет возник позже, чем в других войсках и просуществовал дольше всех остальных. Для работы указанного комитета существенное значение имело то обстоятельство, что возник он уже после создания Кубанской области и Кубанского войска. Поскольку войска эти в повседневной жизни пользовались собственными положениями, то при соединении их предполагалось на первых порах для части бывшего ЧКВ использовать свое положение, а для 6 бригад линейцев — свое. Эти положения имели ряд существенных отличий, что обуславливало необходимость скорейшей унификации. Уже на первых этапах воплощения в жизнь предписаний кн. А.И.Барятинского возник ряд вопросов: 1) положения о ЧКВ и КЛКВ во многом не сходятся, какое следует брать за основу при составлении положения о ККВ?; 2) как разделяются гражданское правление ККВ и гражданское правление Кубанской области?; 3) бывшим черноморцам и линейцам были дарованы исключительные права, следует ли принять их на одинаковом основании?; 4) в ЧКВ не имеют определенной пропорции земли против народонаселения, а 6 бригад линейцев имеют. Перераспределять наделы или нет?; 5) гг. Ейск и Темрюк ничего общего с войском не имеют, следует ли при составлении положения о ККВ вывести эти города и подчинить гражданскому управлению и начальнику области?[36]

Все эти вопросы требовали скорейшего разрешения. Как указывалось выше, местный комитет предполагалось учредить в г. Ставрополе. Однако, в предписании на имя начальника штаба ККВ генерал-майора Л.И.Кусакова № 1018 от 12 ноября 1860 г. за подписью командующего войсками Кубанской и Терской областей генерал-лейтенанта Н.И.Евдокимова указано: учредить особый комитет в г. Екатеринодаре под руководством полковника Кравцова (от бывшего КЛКВ). При этом Н.И.Евдокимов изложил некоторые соображения, которые представляют несомненный интерес. Так он предлагал: 1) при составлении проекта положения о ККВ принимать во внимание оба

существующих положения — о КЛКВ и ЧКВ, при этом творчески их переработав, откинуть ненужное, необходимое добавить. Указывал на то, что не нужно стараться приблизить управление к гражданскому устройству (курсив мой — А.М.); 2) гражданское управление войск должно быть изъято от всякой зависимости от гражданской власти в области и подчинено непосредственно командующему войсками; 3) права и преимущества отдельных лиц, станичных обществ и войска в целом должны быть не исключительными, но общими; 4) вопрос о поземельном устройстве войска пока может быть отложен, однако Н.И.Евдокимов полагал, что решать этот вопрос необходимо, исходя из нормы 15 десятин на душу м.п.; 5) гг. Ейск и Темрюк необходимо изъять из ведения войскового начальства и предать в ведение гражданских властей.[37]

Этот документ свидетельствует о том, что, несмотря на негативное отношение Н.И.Евдокимова к казачьей самобытности, врагом казачества он не был. Напротив, в его деятельности видно глубокое понимание значимости казачества как военной силы и стремление к сохранению его в этом качестве.

Возвращаясь к местному комитету, отметим, что, несмотря на предписание командующего войсками области, образован он был 4 ноября 1860 г. в г. Ставрополе, под председательством генерал-майора Попандопуло, а так же членов войсковых правлений ЧКВ и КЛКВ полковника Булгарина и подполковника Лабезникова, и дежурных штаб-офицеров — полковника Цакни и подполковника Кравцова.[38] По всей видимости, первоначально комитет собрался в г. Ставрополе, где находился штаб войск Кубанской области и, возможно, планировался переезд в г. Екатеринодар после встречи с Н.И.Евдокимовым. Однако 28 дек. 1860 г. Л.И.Кусаков просит Н.И.Евдокимова перенести комитет в г. Ставрополь, чтобы в случае возникших разногласий входить с представлением непосредственно к нему, как к «начальственной власти». Здесь же была изложена просьба о введении в состав комитета генерал — майора Я.Г.Кухаренко.[39] Правда, пока нет сведений о работе Я.Г.Кухаренко в этом комитете.

Кроме того, 5 января 1861 г. в штаб войск Кубанской области пришло распоряжение от кн. А.И.Барятинского, датированное 7 дек. 1860 г., о немедленном учреждении комитета в г. Ставрополе согласно приказу военного министра от 23 октября 1859 г. (исполнение было отложено в связи с предстоящими преобразованиями) для составления проектов положений о ККВ и ТКВ, которые должны быть представлены не

позднее 1 янв. 1862 г.[40] Таким образом, комитет был официально учрежден в г. Ставрополе, согласно приказу по войскам Кубанской области №3 от 10 января 1861 г., под личным руководством Н.И.Евдокимова.[41]

Состав комитета постоянно менялся. Так, уже в конце 1860 г. состоялось назначение генерал-майора Попандопуло (бывшего начальником штаба КЛКВ) исправляющим должность наказного атамана ТКВ. Возглавил комитет генерал-майор Зотов, помимо него в состав комитета входили подполковники Короленко и Кусаков, хорунжий Валуйский. В мае 1861 г. состоялось назначение генерал-майора Зотова на должность генерал-квартирмейстера главного штаба войск Кавказской армии, на должность председателя комитета назначен был полковник Генерального штаба (далее — ГШ) Забудский. Летом 1863 г. к комитету был прикомандирован полковник Попко. В окт. 1864 г. к комитету был прикомандирован подполковник Абозин (или нелестно охарактеризованный В.Толстым в связи с событиями 1860–61 гг. на Линии Абазин? Написание фамилий часто не совпадало в документах).

17 дек. 1864 г. по приказу главкома Кавказской армией для окончательного составления проектов новых положений комитет был перемещен в г. Тифлис, где работу комитета возглавил генерал-майор Богуславский. Тогда же в состав комитета прикомандированы были войсковой старшина Абрамов, сотник Щербина.[42] В 1867 г. к комитету был прикомандирован подполковник Кияшко.[43]

Несмотря на крайне жесткие сроки предоставления проектов, комитету не удалось справиться вовремя. Неоднократно сроки работы продлевали на год, и так продолжалось до ноября 1866 г., когда дела временного комитета в г. Тифлисе были сданы в окружной штаб. Однако уже с 1 июня 1867 г. последовало высочайшее разрешение на продолжение работы комитета в г. Тифлисе, который продолжил свою деятельность под руководством генерал-майора Богуславского. Точную дату прекращения деятельности указанного комитета не удалось установить, но работал он как минимум в течение года — полутора.

С самого начала перед местным комитетом была поставлена непростая задача — создать всеобъемлющий документ, который охватывал бы все стороны жизнедеятельности войска: управление военное и гражданское, порядок отбывания воинской и иных повинностей, порядок

землевладения и землепользования, права и обязанности жителей войска и многое другое.

Комитету довольно быстро удалось создать проекты разделения вакансий в учебных заведениях, должностей в казачьем эскадроне собственного е.и.в. конвоя и иррегулярного эскадрона, временных штатов управлений ККВ.[44]

Практически одновременно, а именно 26 окт. 1861 г., последовало высочайшее повеление о создании особого временного комитета при Управлении иррегулярных войск под председательством генерал-лейтенанта Карлгофа для составления «общих оснований» для проекта положений о Кубанском и Терском казачьих войсках, а так же для «развития вопроса по землеустройству казачьих войск». Так же в состав особого комитета вошли члены общего присутствия УИВ действительный статский советник Андреев и статский советник Сахаров, депутат от ККВ и ТКВ полковник Прохорня, штаб-офицер для особых поручений при управлении ККВ полковник Попко (позже откомандированный в г. Тифлис) и находившийся в Санкт-Петербурге генерал-майор Кухаренко, а так же подполковник Ягличъ. При этом членам особого комитета было дано указание не слишком обращать внимание на положения о ЧКВ 1842 г. и о КЛКВ 1845 г.[45]

Следует обратить внимание на различие в установках, данных Н.И.Евдокимовым местному комитету и установке к работе особому комитету в столице. Если первый стремился сохранить максимальную самостоятельность войска, прежде всего в военных вопросах, то столичные власти преследовали совсем иные цели. Из всеподданнейшего отчета по военному министерству за 1868 г. следует, что «...главная мысль, которую руководствуется Военное Министерство в предположениях своих о преобразованиях в казачьих войсках состоит именно в том, чтобы объединить, сколько возможно, казачье сословие с другим, совместно с ним обитающим населением под одним общим гражданским управлением, сохранив отдельность только в военном устройстве казаков, в собственном хозяйстве войсковом и военной администрации».[46] Однако на практике оказалось, что интересы казачества как военного сословия практически не учитывались, а решения принимались в пользу гражданских властей и «развития гражданственности» у казаков.

Особый комитет в г. Санкт-Петербурге подготовил проект «главных начал» для положения о ККВ. Тем временем комитет в г. Екатеринодаре подготовил проект поземельного устройства.[47]

При подготовке проектов положений о войсках местный комитет столкнулся с рядом трудностей. Во-первых, в ЧКВ военное и гражданское управление были разделены, а в бригадах КЛКВ наоборот, были объединены. Во-вторых, в ЧКВ строевые части формировались из жителей округа, поэтому нередко одностаничники служили в разных полках. В КЛКВ напротив, строевые части формировались из жителей одних и тех же станиц. Помимо этого, сам порядок отбывания службы существенно различался. Как видно из рапорта исполняющего обязанности наказного атамана ККВ от 20 июля 1862 г. № 7620 генерал-майора Н.А.Иванова, в бригадах бывшего КЛКВ казаки служили через год, то есть год на службе, год на льготе. Имея в 7 бригадах 28 конных полков и 2 пеших батальона, полки имели 14 номеров и 1 номер батальона. При этом у линейцев было два комплекта нижних чинов и один комплект — офицеров, которые не сменялись. Казаки-черноморцы же служили год, а два находились на льготе. При этом имели 9 номеров полков и 12 номеров батальонов, в каждой части — комплект офицеров. На службе находились ежегодно по три полка и по четыре батальона. Так как каждый полк имел комплект офицеров, то, находясь на льготе, числились нередко как находящиеся на службе. Так, например, в текущем году (1862) по спискам должно было состоять на службе 23 полка и 13 батальонов, а в действительности находилось — 17 полков и 5 батальонов.[48] То есть при составлении положения необходимо было урегулировать и эти вопросы. Но главное заключалось в другом — центральные власти настойчиво стремились максимально сблизить казаков с гражданским населением, то есть, фактически — расказачить.

Препровождая краткую программу «основных начал», выработанных особым комитетом в г. Санкт-Петербурге, начальнику главного штаба Кавказской армии генерал-лейтенанту А.П.Карцову, Н.И.Евдокимов писал следующее (письмо датировано 7 нояб. 1861 г.): «Казаки составляют (неразборчиво, скорее всего — «особую» — А.М.) трудность в устройстве общих областных учреждений. Подчинить их, в домашнем быту, чисто гражданскому управлению, решительно невозможно, — иначе можно разстроить их и никак не удовлетворить гражданским управлением, следовательно, Начальник Гражданского Управления никаким образом не может заменить Атамана». По мнению гр. Н.И.Евдокимова, решительно невозможно соединить в одном лице звания и должности командующего войсками в Кубанской области,

начальника области и наказного атамана. В этом случае атаманская должность окажется в «ущербном» положении, что скажется на казачестве в негативном смысле. Далее он предлагал: «Поэтому необходимо удержать самостоятельные должности Наказных Атаманов, как в Кубанском, так и в Терском казачьих войсках, подчинив их Командующим войсками в областях и Начальникам оных и соединить, в лице Атаманов, военное и гражданское управление в областях».[49] Возможно именно поэтому Н.И.Евдокимов не подписывался как наказной атаман ККВ.

В «основных началах» были изложены совершенно противоположные взгляды на будущее устройство области и войска. Так составители указывали, что в связи с соединением в рамках области казачьего, гражданского и горского населения «... нет никакой возможности составить отдельное положение для казаков, а нужно его писать в связи с Гражданским и Туземным населением, так как каждая область будет иметь общие областные учреждения (курсив мой — А.М.)». Далее планировалось разделение территории Северного Кавказа на 2 области (то есть разделение Ставропольской губернии), и «... при разделении всех жителей Северного Кавказа по областям, гражданское население только должно присоединиться по управлению к главной массе казачьего населения, а ни в коем случае, не возможно допустить, чтобы такое присоединение сделалось наоборот». По мнению членов особого комитета «...на основании выше сказанного, при составлении областных положений, нужно заняться изложением войсковых казачьих учреждений и развить их в той мере, как окажется необходимым для введения гражданского устройства в крае. С таким развитием эти войсковые учреждения получают название областных».[50]

Будущее устройство управления в области виделось следующим образом. После окончательного умиротворения края звания наказного атамана и начальника области сольются. Пока же, временно, наказные атаманы управляют гражданской частью в крае, а звание начальника области на правах ген.-губернатора сосредотачивается в лице командующего войсками в области расположенными.[51] Совершенно очевидно, что в данных предположениях совершенно не рассматривалась возможность сохранения особого порядка управления для казаков, что служило бы некоторой гарантией сохранения казачества как военной силы.

Система управления на Северном Кавказе должна была выглядеть следующим образом: высшее управление — областное — окружное — городское — станичное — сельское — колониальное — инородческое. Областное управление делится на военное и гражданское. В гражданских учреждениях, основывающихся на общих основаниях с «местными поправками», должны будут заседать особые председатели (гражданские) и равное количество членов от казачьих и гражданских ведомств. Округа должны возглавлять либо казаки, либо гражданские чиновники, в зависимости от того, кто населяет округ — казаки или гражданские. При этом смешанных округов по составу населения не должно быть (совершенно невыполнимое условие — А.М.). [52]

В военном отношении область должна быть разделена на внутренние военные округа и передовые. В округах формируются полки и пешие батальоны, которые служат 1 год в пределах края, 3 года в отдаленных местностях, потом — выходят на льготу. Сроки службы сокращаются до 20 лет — 15 полевой и 5 внутренней (караулы, полицейские команды, прислуга в богадельнях, посыльные, личная прислуга).[53]

В июне 1862 г. командующему кавказской армией прибыл основной текст «главных начал» для составления проекта положения о ККВ и ТКВ. Основные положения этого документа следующие: а) войсковые земли располагаются в пределах области по обе стороны владения реки Кубани. Этот небольшой смысловой нюанс чрезвычайно важен. Ранее территория, занятая войскам, именовалась войсковой землей, и войско обладало безусловным коллективным правом собственности на эту землю. Теперь же за войском сохранялась часть земельных угодий, то есть, и пределы войсковой юрисдикции сокращались и уменьшались в пределах области; б) в административном плане предполагалось деление на округа. При этом, как указано выше, опять таки юрисдикция казачьей администрации ограничивалась пределами казачьих округов; в) организация порядка отправления воинской повинности предоставлялась на усмотрение местного комитета, однако практика, при которой в бывшем ЧКВ очереди формировались от округа, а в бывшем КЛКВ смены от одной станицы — решено было сохранить; г) военная служба делится на полевую и внутреннюю, сроки — 15 и 5 лет, общий — 20 лет; д) общие обязанности войска сохраняются прежними — охрана пределов войска, обязанность выставить определенное количество строевых частей в случае нужды, обязанность казакам являться на службу конными в своем обмундировании, содержать внутреннее управление и отправлять натуральные земские повинности; е) управление в области смешанное — гражданское и военное. Вопрос о

слиянии должностей наказного атамана и начальника области пока решено отложить на будущее время.

Общая установка при составлении проекта новых положений такова: «...общие виды правительства, примеряясь к своеобразному устройству и военному назначению каждого из казачьих войск, новые положения должны открыть всем этим войскам путь к развитию гражданственности в уровень с прочим населением государства». [54]

За казачьими войсками сохранялись особые права: а) самоуправление, собственные финансы и бюджет. Особо оговаривалось, что право на самоуправление не распространяется на высших начальников, то есть закреплялось отсутствие права казаков на выбор атамана; б) право на коллективное владение землей, но не всей, а той частью, которая именуется «войсковой землей». Таким образом, за казаками закреплялось уравнительное землепользование, гарантирующее выход на службу; в) предполагалось запретить оседать иногородним на казачьих землях (позже, при учреждении комитета в г. Санкт-Петербурге, наоборот, одной из основных задач было разрешение иногородним селиться в пределах войсковых земель[55]); г) казаки освобождались от государственных податей и рекрутской повинности.

Помимо особых прав, казаков предполагалось наделить и рядом общегражданских прав: правом частной собственности на движимое имущество, правом на труд в свободное от службы время. Кроме того, планировалось разработать ряд мер, обеспечивающих «развитие гражданственности» в казачьей среде, а именно разрешение свободного выхода из сословия, ограничение численности казачьего сословия, уничтожение общинного землевладения через свободную продажу войсковой земли.[56]

Вышеизложенные предположения свидетельствуют о крайней противоречивости задач, которые должны были быть разрешены в ходе составления проектов положений о войске. Практика работы местных комитетов показала несовпадение взглядов на будущность казачьих войск правительства и представителей казачества, неспособность оперативного решения поставленных задач в силу ряда причин. Именно поэтому по инициативе военного министра генерал-адъютанта Д.А.Милютин 2 октября 1865 г. были высочайше утверждены временные правила для составления казачьих законоположений,

местные комитеты упразднены (за исключением комитета в г. Ставрополе).

8 ноября 1865 г. в г. Санкт-Петербурге начал работу особый комитет по пересмотру казачьих законоположений, куда вошли представители от казачьих войск, управления иррегулярных войск, военного ведомства. Лучше всего двойственный подход к казачьим войскам, определяющий противоречивость задач, выразил государь-император на встрече с членами особого комитета, указав на необходимость максимального развития гражданских начал при сохранении боевого потенциала войск.[57] Возможность исполнения этого пожелания видится как крайне сомнительная, если не невыполнимая.

В отличие от столичных властей, 29 января 1864 г. Н.И.Евдокимов в письме А.П.Карцову признал работу комитета в г. Ставрополе успешной. К моменту написания письма основные законоположения по всем отраслям войскового устройства и управления была выработана в окончательной редакции. Просмотрев этот труд, граф нашел его «вполне удовлетворительным». Все главные вопросы войскового законодательства, как по военной, так и по гражданской части «решены основательно, и редакция отличается ясностью и систематичностью».[58]

Можно с уверенностью утверждать, что проект, одобренный Н.И.Евдокимовым, не мог удовлетворить столичное начальство в силу различных подходов к пониманию будущего устройства казачества. 14 октября 1865 г. генерал-лейтенант Ф.Н.Сумароков-Эльстон, после прочтения проекта в рапорте начальнику главного штаба Кавказской армии предлагал «...отложить на некоторое время заботу составления войскового положения в полном объеме и обширном его составе».[59] При этом наказной атаман указывал на необходимость постепенных преобразований, избегая резкой ломки: «Разнородные элементы войскового населения, раскинутого от Ейска до Туапсе и от Анапы до Ставрополя, представляет много, ныне совершенно неожиданных, движений и столкновений, которые должны неминуемо облечься в правильные формы условий и отношений, имеющие породить не одну новую главу будущего войскового положения».[60] То есть, непосредственные современники понимали сложность задачи по созданию обобщающего документа в условиях постоянно проводимых преобразований в общегосударственном масштабе, противоречивости руководящих указаний.

Несмотря на трудности, местный комитет выработал ряд проектов: об образовании на Северном Кавказе двух областей — Кубанской и Терской, о станичном и волостном управлении, о правах и обязанностях различных сословий в областях, проект положения о наделении земель казачьих войск, о местном военном управлении в военных отделах, и проект положения о Кубанском и Терском войсках. Однако большая часть результатов многолетней работы комитета оказалась невостребованной.

В чем причина столь неуспешной на первый взгляд работы местного комитета по пересмотру казачьих законоположений? Е.И. Дулимов указывает, что крестьянская реформа 1861 г., уничтожив крепостное право «...уничтожила главное отличие русского крестьянства от свободного русского казачества и тем самым заложила основу для будущего соединения этих частей одной нации. ... Непосредственным следствием реформ стало стремление властей если не уровнять, то максимально сблизить казачье сословие с остальным населением империи в общегражданском плане».[61]

Это стремление отчетливо проявилось даже в поправках, которые вносились чиновниками в проекты положений, заключающихся в стремлении разрушить целостность одного из важнейших атрибутов войска — целостность территории, зафиксированной в понятии «войсковая земля». Выше указывалось основное содержание «главных начал» для составления проекта положений для ККВ и ТКВ. В замечаниях на указанный проект начальник УИВ генерал-лейтенант Карлгоф писал, что черноморское побережье не следует именовать «войсковой землей», но «землями Кубанской области».[62] Те же соображения высказывал военный министр в письме А.Н. Карцову, указывая, что «...не будет ли признано более правильным и более полезным устроить общее управление Кубанской областью на началах гражданских, а не войсковых, наименовать все пространство области не войсковой землею, а землею Кубанской области, сохранив первое название только для тех земель, которые назначены в пользование Кубанскому войску».[63] В издании положения о заселении Закубанья эта тенденция реализовалась на законодательном уровне, что отмечал еще Ф.А. Щербина. В документе вообще не упоминается термин «войсковая земля», указывается лишь на границы «пространства, назначаемого для новых казачьих поселений».[64]

При этом правительство все же было заинтересовано в сохранении хотя бы минимального военного потенциала казачьих войск. Нельзя не

согласиться с выводами Б.Б.Игнатьева о причине неудачной работы местных комитетов, который указывал на «...невозможность решить двойственную задачу — сохранить и укрепить военную, сословную организацию казаков и в то же время уравнивать их в гражданских правах с остальным населением».[65]

Конечно, некоторые казачьи представители пытались, как могли отстоять казачьи привилегии. Возможно, именно такое стремление лежало в основе личной инициативы И.Д.Попко, который составил проект «Положения о береговых полках Кубанского казачьего войска». Это положение воспроизводило в общих чертах положение о ЧКВ 1842 г., отличие было лишь в порядке землепользования. Для переселенцев-казаков, помимо паевого надела в 20–30 десятин, планировалось выделять в частную собственность по 5–10 десятин (видна влияние положения 1862 г. о заселении предгорий западного Кавказа).[66] Официальное заключение по проекту было отрицательным по причине непригодности земель побережья для земледелия.[67] Интересно отметить, что в 1880-е гг., когда стал очевидным провал политики правительства в заселении Черноморского округа, вновь возникает вопрос о заселении побережья казаками, как наиболее приспособленном для данной цели населением.[68]

Совершенно очевидно, что этот проект И.Д.Попко, практически полностью основанный на положении 1842 г., не мог удовлетворить столичное начальство по той причине, что он содержал те нормы (приоритет войсковых учреждений, собственность на землю войска и наименование «войсковой земель» этой территории, в целом ориентация на казачество, а не на гражданское население), против которых была направлена деятельность правительства.

Помимо этого, существенную сложность для работы местного комитета представляло «запаздывание» работы по подготовке проектов от общегосударственных преобразований. Реформы крестьянская, по учебной части, по устройству быта духовенства — «парализовали совершенно действия местных комитетов».[69] Поэтому нет ничего удивительного в том, что по прошествии 4 лет работы комитета, А.Н.Карцов в записке военному министру от 13 сент. 1865 г. объясняет медлительность в работе «переходным периодом» и недостатком «прочных оснований, на которых должно быть возведено все здание будущего устройства казачьих войск».[70]

Как уже указывалось выше, в ноябре 1865 г. в г. Санкт-Петербурге начал работу комитет при УИВ для пересмотра казачьих законоположений. В основу его работы были положены следующие основания: а) не лишать казаков тех гражданских прав, какие они уже имеют; б) уравнивать казаков в правах с другим гражданским населением насколько это возможно; в) распространять все преобразования и улучшения, какие последуют в государстве на казачьи войска; г) не вводить тех начал гражданского устройства, которые еще не приняты в общегосударственном масштабе; д) по двоякому значению казачьих войск — гражданскому и военному, преимущественное значение придавать гражданскому началу.[71]

Основные вопросы, которым придавалось первостепенное значение, были: а) дозволение лицам всех сословий селиться на казачьих землях; б) даровать право казакам, владеющим потомственной собственностью на землю продавать и отчуждать ее лицам неказачьего звания; в) разработать проект положения, включающий право выхода их казачьего сословия; г) установить норму служилого комплекта, а «излишку» казачьего населения дать право освобождаться от службы «натурою».[72]

Газета «Русский инвалид» была официальным органом военного министерства, видимо планируемые преобразования вызвали и сопротивление и неприятие, что объясняет появление обширной статьи с обоснованием и разъяснением проводимых реформ, в частности по вопросу о праве выхода из сословия и права иногородних селиться на казачьих землях.[73]

Впрочем, совершенно очевидно, что с созданием комитета в столице и упразднением местных комитетов, взгляды правительства на будущее устройство казачьих войск могли реализоваться в полной мере. Если на начальном этапе работы по подготовке казачьих законоположений на местах была возможность влиять на проектируемые преобразования в сторону сохранения казачества как военной силы, что пытался сделать Н.И.Евдокимов, то с 1865 г. такие возможности представлялись как весьма и весьма призрачные.

Отношение к проводимым преобразованиям в российском обществе было не однозначным. В целом реформы воспринимались весьма позитивно. В «Иллюстрированной газете» по поводу реформ указывалось, что ныне Кубань «...вступает в общий строй гражданской жизни империи почти на тех же условиях, как и внутренние губернии.

Россия, без сомнения, отзовется с сочувствием к такому знаменательному событию».[74]

Часть казаков разделяло стремление правительства распространить на казачьи земли гражданские установления. Так, казак собственного е.и.в конвоя Сафонов писал, что с окончанием кавказской войны «свободнее вздохнуло боевое кавказское казачество, давно нуждавшееся в гражданском развитии...». При этом автор отмечает, и это замечание отражает неоднозначное восприятие исключительной заботы правительства о «гражданской» составляющей проводимых преобразований, что «...интересы России, и интересы самого казачества требуют, что бы при этом переходе казачество не утратило совершенно своего боевого значения».[75] Статья довольно интересная, тем более что автор ее сам казак, то есть выражает интересы казачества «изнутри». Пафос в тексте двойной, с одной стороны — казаки не собираются покидать боевое дежурство на благо Родины, с другой — желают иметь возможность мирно трудиться на собственное благо. То есть, противоречия правительственной программы по переустройству казачьих войск вызваны противоречивостью положения самого казачества, что отразилось и в стремлениях самих казаков.

Российское казачество — явление многогранное и многозначное, однако лучшую характеристику его дал Л.Н.Толстой, который говорил, что граница породила казачество. Именно пограничная территория создает особый уклад жизни, порождает воинские качества и особый менталитет, систему ценностей. Когда пограничная территория входит в более прочный контакт с метрополией, когда устанавливается граница как линия разграничения государственного суверенитета — тогда потребность в заселении этой земли особым полувоенным населением (казачьими и иррегулярными войсками) отпадает. Так к сер. XIX в. были упразднены Балаклавский греческий батальон, лейб-гвардейский крымский татарский эскадрон, Азовское и Дунайское (с 1856 г. — Новороссийское) казачьи войска. Правительство было заинтересовано в освоении и заселении уже внутренней территории государства гражданским населением, которое будет продуктивно трудиться, и приносить прибыль. В рассматриваемый период Кубанская область переходила в разряд внутренних территорий и, естественно, казачество как военная сила теряло свою роль и значение. Совместное проживание с мирными жителями неизбежно привело бы к утрате казаками части военных навыков, появлению стремления к освобождению от тяготей военной службы.

Часть высших должностных лиц Российской империи прекрасно осознавали неизбежность естественного слияния казаков с гражданским населением в условиях отсутствия постоянного соприкосновения с противником. Весьма верно охарактеризовал современную ситуацию с казачеством М.Т.Лорис-Меликов: «Период открытой борьбы, создавший славу казачества и дававший пищу одному из главнейших элементов, из которых сложились казачьи войска, духу молодечества, отваги и предприимчивости — миновал, явились иные требования, поставляющие преграды развитию присущих казачеству военных стремлений».[76]

Эту же мысль высказывал крупнейший историк С.Г.Сватиков. Ученый указывал, что «казачество не есть явление вечное. Оно вызвано к жизни определенными условиями исторической жизни и исчезнет как таковое, когда эти условия исчезнут».[77]

Таким образом, оценивая период создания Кубанского казачьего войска и подготовки преобразований в казачьих войсках можно сказать следующее. В целом, к середине XIX в. назрела необходимость пересмотра казачьих законоположений и унификации их.

Инициатива по проведению законодательных реформ действительно исходила из высшего управленческого звена, однако согласиться с теми исследователями, что казачье руководство на местах хотело ликвидировать сословную замкнутость казачества и что правительство «ограничилось косметическими мерами, не трогая основ функционирования войскового организма»,[78] нельзя. Скорее наоборот, именно правительство стремилось к кардинальным изменениям в положении казачьих войск.

Одновременно в общероссийском масштабе проводятся реформы, которые существенно повлияли на планы правительства в отношении казачьих войск, вносили коррективы в процесс подготовки казачьих законоположений. Основной мыслью, определяющей задачи при пересмотре казачьего законодательства, стала мысль о необходимости максимального сближения казаков с гражданским населением. При этом интересы военные отходят на второй план, в силу исчезновения неприятеля, постоянной военной угрозы. Попытки Н.Е.Евдокимова сохранить независимое военное управление от гражданской администрации в Кубанском и Терском войсках для сохранения военного потенциала войск, входили в противоречие с основными видами правительства и успеха не имели.

Преобразования в кавказских казачьих войсках сопровождались значительными военно-административными реформами, одной из целью которых было стремление к разрушению самобытной черноморской общности. Таким образом, преобразования в кавказских казачьих войсках были тесно связаны с необходимостью скорейшего завершения покорения Северо-западного Кавказа и хозяйственно-экономического освоения Закубанья, а так же ликвидации обособленности и замкнутости черноморских казаков. Именно эти задачи легли в основу планов по созданию Кубанской области и Кубанского казачьего войска, переселению казаков за Кубань. Однако остроты и интриги добавляло стремление кавказских администраторов одновременно с проводимыми мероприятиями разрушить замкнутость и обособленность черноморских казаков, что было одной из причин создания Кубанского казачьего войска. При этом целью данного объединения черноморцев и части линейцев была задача, чтобы «..слияние это было не только административное, но проникло в самый быт казаков».[79]

В целом работу местного комитета по подготовке положения о новом войске следует признать неуспешной. Причинами тому было отсутствие четкой программы по будущему устройству казачьих войск, несовпадение взглядов на будущее устройство казаков правительства и некоторых членов комитета, разногласия центральных властей и местного кавказского начальства. Одним из главных факторов являлось «запаздывание» местных комитетов в условиях проведения общероссийских реформ.

1.2. Реформирование системы управления Кубанского войска

во второй половине XIX — начале XX вв.

С XVI в. городовые казаки находились в ведении Стрелецкого приказа. В отличие от местных приказов, этот приказ с XVII в. именовался Московским Большим Разрядом и был главным центральным органом военного управления. Исключение составляли казаки городов по р. Волге между гг. Самарой и Уфой — они находились в ведении приказа

Казанского Дворца; дела сибирских казаков — в Сибирском приказе; запорожских и малороссийских — в приказе Малой России. В актах 1614, 1618 и до 1646 гг. есть указания на существование Казачьего приказа.[80]

С начала XVIII в. начинается новый этап экспансии на казачьи земли российской государственности. Некоторые исследователи считали и считают этот процесс обоюдовыгодным.[81] Так, например, Е.И. Дулимов указывает, что вхождение казачества в законодательное поле империи позволяло государству легитимно использовать казаков в своих интересах; в свою очередь казаки получали защиту от притязаний (социально-экономических и политических) других сословий и этносов, защиту от чиновничьего произвола.[82] Однако, очевидно, что и чиновничий произвол и некие «притязания» со стороны не казачьего населения могли возникнуть только при вхождении казачьих областей в сферу влияния метрополии — России.

В начале царствования Петра I общины донских, яицких и гребенских казаков считались свободными, и дела их велись через Посольский приказ. С 1719 г. управление ими было поручено Коллегии иностранных дел. Указом от 3 марта 1721 г. дела этих трех казачьих сообществ передаются в ведение Военной коллегии. Туда же поступают дела казачьих войск, образованных и вошедших в сферу влияния России в XVIII столетии — Астраханского, Терского Семейного, Терского Кизлярского, Волгского, Оренбургского. Сначала дела сосредотачивались в особом отделении коллегии — «казачьем повытьи», затем в «казачьей экспедиции», не имеющим своего штата. Обычно казачьи вопросы решались через высочайше утверждавшиеся доклады Военной коллегии, либо по рассмотрению в Сенате. Довольно часто решения принимались в обход коллегии, по докладам генерал-губернаторов и главных военных начальников областей.[83]

29 марта 1836 г. общее заведование казачьими войсками было возложено на военное министерство в департаменте военных поселений. 20 июня 1840 г. военному министерству по департаменту военных поселений была подчинена и гражданская часть по войску Донскому, что вскоре применили к остальным войскам.[84]

Численность казачьего населения возрастала постоянно и к 1857 г. достигла 2.750.000 человек, в том числе 320.000 воинских чинов полевой службы и 167.000 отставных и внутреннеслужащих. Во второй половине XIX — начале XX вв. завершается процесс формирования

казацких войск Российской империи. В 1851 г. было принято постановление об организации Забайкальского войска, 1858 г. — Амурского, 1889 г. — Уссурийского войска. В 1910 г. были утверждены положения об Иркутском и Красноярском казацких дивизионах. Одновременно с созданием казацких войск, продолжалось развитие и совершенствование системы управления казачеством.

Б.Б.Игнатьев выделяет два основных периода в развитии системы управления казацких войск России во второй половине XIX — начале XX вв.:

1. С конца 50-х гг. XIX в. до начала русско-японской войны, то есть до 1904 г. В рамках этого периода автор выделяет 3 этапа: а) подготовительный — конец 1850-х гг. — 1865 г. В течение этого этапа осуществлялась подготовка новых законоположений для казацких войск; б) 1865–1889 гг. В рамках этого этапа осуществлялось приведение системы управления казацкими войсками в соответствие с общероссийским гражданским управлением и управлением вооруженными силами; в) 1890–1904 гг. — совершенствование системы управления казацкими войсками России.

2. Второй период ограничивается хронологическими рамками 1904–1914 гг. В этот период главным направлением в проводимой реорганизации управления казацкими войсками было стремление военного министерства ликвидировать имевшиеся особенности казацких войск от регулярной армии.[85]

Авторы коллективной монографии «История казачества Азиатской России» предлагают иную периодизацию процесса реформирования казацких войск России в рассматриваемый период. Первый этап — с 18 окт. 1859 г., то есть с последовавшего повеления на учреждение временных комитетов на местах для подготовки новых положений для казацких войск, до 1865 г. Однако, когда к 1865 г. от местных комитетов не поступило проектов положений, начался второй этап реформ, работу по составлению новых казацких законоположений перенесли в столицу, в учрежденный при УИВ комитет. Этот этап растянулся до 90-х гг. XIX в.[86]

По мнению авторов указанной монографии, правительство надеялось на экономический подъем казачьего сословия «на ступень выше остальных категорий населения. Тем самым предполагалось укрепить сословную обособленность казачества, приблизив сословно-военизированную

систему управления казачьими войсками к гражданской, как того требовало Положение 19 февраля 1861 г.».[87] Кроме того, правительство стремилось укрепить землевладение и землепользование в казачьих войсках, и казачество должно было обеспечить государство военной силой. Цели этой планировалось достичь через введение уравнительного казачьего землепользования, стимулирования казачьего хозяйства через льготы. Однако ожидания правительства не оправдались ни в Оренбургском крае, ни в Сибири, ни в Семиреченском войске.[88]

С предложенной периодизацией нельзя согласиться по следующим причинам. Как указано в предыдущем параграфе, проводя подготовку реформирования казачьих войск, правительство вовсе не стремилось обеспечить государство военной силой в лице казаков и сохранить сословную замкнутость казачества, а напротив, максимально сблизить казаков и гражданское население. Авторы впадают в непонятное противоречие, указывая, что достигнуть этой самой сословной замкнутости планировалось через унификацию казачьего управления с гражданским, чего решительно невозможно было достичь таким образом.

По всей видимости, говоря о стремлении правительства сохранить казачью обособленность и военный потенциал, авторы вышеуказанной монографии, имели в виду «казачьи контрреформы», проводимые в эпоху Александра III. Внутренняя политика в его царствование (удачно охарактеризованная Н.Г.Чернышевским как политика «православного консерватизма») была направлена на ограничение ранее данных уступок, так как непосредственной угрозы революционного взрыва, по мнению властей, не существовало. Рассмотрев процесс реформирования системы управления Кубанского казачьего войска, необходимо будет вернуться к вопросу о периодизации.

Как говорилось выше, практика сосредоточения казачьих дел в одном ведомстве — военном министерстве по департаменту военных поселений доказала свою эффективность. Поэтому во второй половине XIX в. тенденция к централизации управления казачьими войсками сохраняется. Напомним, в 1857 г. вместо упраздненного Департамента военных поселений создается Управление иррегулярных войск. Далее все казачьи войска (кроме Донского) вошли в состав территорий военных округов. При проведении военно-окружной реформы военное министерство указывало, что успех данное начинание будет иметь лишь в том случае, «...если будут без изменений применяться 2 коренных,

основных принципа военно-окружной реформы: сосредоточение в военном министерстве общего направления и главного контроля действий всех административных органов и возложения всей исполнительной части непосредственно на начальников отделов военно-окружных управлений с их исключительной ответственностью и с подчинением их действие лишь местному надзору и проверке главного начальства военных округов».[89]

На самом деле учреждение военно-окружных управлений «...не коснулось внутренней администрации казачьих войск».[90] Особое законодательство обуславливало особенности быта, финансирования и местного управления на момент создания военных округов. Поэтому управление осталось прежним: войсковые учреждения — командующий войсками военного округа (ранее — генерал-губернатор) — военное министерство, то есть Управление иррегулярных войск.

Первоначально штат УИВ был весьма ограниченным. По штатам 1857 г. в Управлении числилось общее присутствие, 3 отделения, архив, типография, адъютант при начальнике управления, штаб-офицер для особых поручений и секретарь. С созданием особого временного комитета для пересмотра казачьих законоположений стало очевидно, что в прежнем составе УИВ не способно справляться с возросшим объемом работы.

29 марта 1867 г. УИВ было переименовано Главное управление казачьих войск, общее присутствие преобразовано в Совещательный комитет (позднее — комитет иррегулярных войск) с представителями от казачьих войск, а штат ГУИВ расширен. Следующее изменение наименования управления последовало 27 окт. 1879 г., когда ГУИВ стало именоваться Главным управлением казачьих войск (далее — ГУКВ).

Новые штаты должны были вступить в действие не позднее 1 янв. 1868 г. в соответствии с ними, ГУИВ включало 5 отделений, секретарскую часть, часть эзекутора, архив и совещательный комитет. Вообще, штаты ГУИВ постоянно расширялись и число их с 3 в 1857 г. через тридцать четыре года увеличилось до 10.

После утверждения в 1869 г. положения о военном министерстве, определился круг вопросов и ответственности ГУИВ, в котором сосредотачивалось заведование по военному и гражданскому устройству всех казачьих войск. Управление сосредотачивало

делопроизводство по законодательной, строевой, хозяйственной, судебной, межевой и административной частям. К обязанностям ГУИВ относилось: 1) наблюдение за соблюдением законоположений в казачьих войсках; 2) составление соображений о применении преобразований в государстве применительно к казакам; 3) наблюдение за исправным соблюдением казаками воинской повинности, качеством обмундирования и коней при выходе на службу; 4) финансовый контроль и разработка мероприятий по бездотационному существованию казачьих войск; 5) наблюдение за ходом межевых работ; 6) наблюдение за мировыми учреждениями на территории казачьих войск.

Обязанности между отделениями ГУИВ распределялись следующим образом. В первом — строевом отделении сосредотачивались все дела по личному составу войск, кадровым вопросам, по нарядам на службу, наблюдение за квартирным расположением частей, о знаках отличия иррегулярных войск и другим служебным вопросам. Второе — законодательное отделение занималось делопроизводством и изданием новых, дополнением существующих законоположений, разработкой и утверждением новых штатов. На третьем — хозяйственном отделении лежала обязанность следить за благоустройством казачьих войск, то есть за развитием инфраструктуры. Так же — надзор за денежным и вещевым довольствием войск, финансовый контроль за войсковыми капиталами, составление смет по ГУИВ. Четвертое — межевое и строительное отделение занималось контролем межевых комиссий, разработкой вопросов по развитию в казачьих войсках статистической и межевой части, статистическим учетом и контролем в войсковых землях, вопросами зачисления, исключения и перевода из казачьего сословия лиц низших сословий. В пятом — судебном отделении сосредотачивались военно-судная часть, иски по казенному имуществу и интересам, надзор за неблагонадежными, сектантами, вопросы по административной высылке горцев, вопросы о чрезвычайных происшествиях в войсках. Инспекторская часть занималась вопросами по личному составу ГУИВ, секретарской и журнальной частью.[91]

В 80-е гг. XIX в. в казачьих войсках произошел ряд существенных изменений. В 1881 г. было упразднено Оренбургское генерал-губернаторство, в 1887 г. — к области войска Донского присоединены Таганрогское градоначальство и Ростовский уезд Екатеринославской губернии, в 1888 г. в ведение ГУКВ были переданы территории и города Кубанской и Терской областей. Расширение подведомственных территорий требовало, по мнению чиновников ГУКВ, расширения

штатов управления. Утверждая новые штаты 15 окт. 1888 г. Александр III писал: «Вообще весьма нежелательно усиление центральных управлений, но если это действительно необходимо, то нечего делать. Но вообще у нас администрация слишком расширяется».[92] Это свидетельствует о понимании царем пагубности излишней централизации.

По новому штату в ГУКВ добавлялось еще одно отделение и мобилизационная часть. Ранее мобилизационные вопросы решались в разных отделениях, однако, в 1888 г. мобилизационный комитет под председательством начальника ГШ высказался за сосредоточение всех вопросов по мобилизационной части в одном ведомстве, причем заведование этой частью рекомендовалось возложить на офицера ГШ. Помимо этого, добавилась должность помощника начальника ГУКВ по гражданской части, а все отделения управления были поделены на две части. Три отделения занимались гражданскими вопросами и возглавлялись чиновниками, три — военными и возглавлялись, соответственно, офицерами.

Как представляется, именно излишняя централизация управления привела к необходимости увеличения штатов, а объемы вопросов по казачьим войскам, требующим разрешения через ГУКВ и высочайшее утверждение, постоянно возрастали. Это привело к расширению полномочий ГУКВ, точнее комитета казачьих войск. Теперь комитет мог самостоятельно решать следующие вопросы: 1) утверждать торги на любую сумму; 2) ассигновать сверхсметные кредиты, перечислять кредиты внутри смет по расходным статьям на сумму не выше 1000 руб. в год; 3) производить всякого рода расходы вне сметы до 5000 руб., если они не превышают сметы вообще; 4) снимать дисциплинарные и денежные взыскания при известных обстоятельствах; 5) возвращать неверно зачисленные суммы из войсковых доходов; 6) продавать войсковое имущество; 7) утверждать правила содержания больных в войсковых лазаретах; 8) утверждать правила использования леса из лесных дач в войсках; 9) разрешать дела по ссудам из капиталов общественного призрения, казачьих сумм; 10) утверждать земельные планы; 11) разрешать обмен землями между войсками, станицами и отдельными лицами; 12) утверждать таксацию земель, правила межевых съемок.[93]

Несмотря на замечания Александра III, 25 дек. 1901 г. штат ГУКВ опять был увеличен. Теперь в состав управления входили начальник и три его помощника, канцелярия и десять отделений с 32 столоначальниками и

более чем 100 писарями. Еще через полгода «...для экономического благосостояния в казачьих войсках были учреждены должности агрономов, гидротехников, и горных инженеров», поэтому «в видах объединения мероприятий (курсив мой — А.М.), какие принимались этими специалистами», в ГУКВ были также учреждены должности горного инженера и лесничего.[94]

Саморасширение любой системы имеет предел, перешагнув который система начинает отрицать саму себя и делиться, либо продолжается антиразвитие, уничтожающее систему изнутри. Именно к этому пределу, как представляется, приблизилось ГУКВ к началу XX в. Действительно, сложно представить саму возможность эффективной координации лесного и агрономического дела из объединенного управленческого центра в Санкт-Петербурге, скажем, Дона и Амура. Некоторые высшие чиновники империи прекрасно понимали необходимость расширения полномочий местных органов управления. Так гр. И.И.Воронцов-Дашков, после восстановления должности наместника кавказского, писал: «Я не допускаю возможности управления Кавказом из центра, на основании общих формул, без напряженного внимания к нуждам и потребностям местного населения...».[95] Это высказывание в равной мере можно отнести к любой территории.

Осознание пагубного влияния излишней централизации управления было присуще и рядовым гражданам. В 1909 г. в «Окраинах России» появилась статья с красноречивым названием «Уничтожение казачества». Автор не указал фамилию, однако можно предположить, что он был из казачьей среды. Статья появилась как ответ на публикацию книги г-на Новицкого «На пути к усовершенствованию государственной обороны» (к сожалению, оригинал указанной работы не удалось разыскать), в которой автор высказывает суждение о необходимости упразднения казачьих войск и ГУКВ, в том числе по причине «неудовлетворительного управления». Автор статьи, полемизируя с г-ном Новицким, указывает на существенные недостатки в системе управления, основным из которых является излишняя централизация. В 1905 г. в ГУКВ поступило 29.131 бумаги, исходящих же было 27.952. При 200 рабочих днях 50 человек справились бы с этим объемом работы, обрабатывая по 3 бумаги в день. Автор считает, что необходимо восстановить институт казачьих представителей при ГУКВ, предоставить более широкие полномочия местным властям.[96]

Понимание необходимости децентрализации управления подталкивало к расширению прав, хотя бы в хозяйственно-экономической области, местных администраций. В 1898 г. «с целью децентрализации дел Главного Управления казачьих войск, возник вопрос о расширении компетенции местных начальств, путем передачи на их окончательное решение хотя бы некоторых наименее важных дел».[97] С этой же целью, в соответствии с положением военного совета от 26 авг. 1901 г., в ГУКВ приступили к «разработке оснований» для дальнейшей децентрализации.[98]

Обозначившаяся тенденция к сужению полномочий ГУКВ и расширению прав местных должностных лиц и учреждений, означала усиление влияния военного ведомства в центре. Процесс отмирания ГУКВ ускорила русско-японская война.

Уже на начальном этапе войны выявились недостатки в системе управления казачьими войсками. Б.Б.Игнатьев считает главными среди них следующие: органы управления оказались слабо подготовленными в главном — «четком переходе с рельсов мирного времени на военное, а так же не смогли обеспечить надежное управление казачьими войсками, как на театре военных действий, так и на территориях областей казачьих войск. Главное управление казачьих войск оказалось не в состоянии обеспечить своевременное от мобилизованные казачьих частей, отправляемых на фронт, даже в масштабах «частных мобилизаций», которые не затрагивали все казачьи войска полностью».[99] Были и другие недостатки, связанные с системой комплектации казачьих войск офицерами, обучения личного состава, отсутствием навыков ведения современной войны и подготовки к ней. Все эти недостатки были присущи в той или иной мере всей русской армии. Анализ уроков войны 1904–1905 гг. позволил приступить к реформированию русской армии в целом, системы управления казачьими войсками в частности.

18 авг. 1909 г. царь поручил военному министру В.А.Сухомлинову разработать предположения о преобразовании военного ведомства с целью устранения существующих недостатков. Основные недостатки министр видел в следующем: сложность системы управления; неправильное распределение обязанностей; несогласованность в деятельности хозяйственных управлений; отсутствие единства в вопросах порядка прохождения службы; обособление казачьих дел от соответствующих дел регулярных дел.

В связи с чем предлагал следующие меры: признать за военным министром эксклюзивное право доклада царю по военным вопросам; обсуждение важнейших вопросов поручать специальному комитету генштаба; разработку всех вопросов организации, дислокации, боевой подготовки и организации армии сосредоточить в главном управлении генштаба; на помощника военного министра возложить обязанность объединить деятельность хозяйственных органов военного министерства; устранить обособленность в управлении казачьих войск.[100]

Таким образом, участь ГУКВ практически была предрешена. 10 и 15 авг. 1910 г. было утверждено положение «О реорганизации Главных управлений Военного Министерства», в соответствии с которым ГУКВ было упразднено, согласно циркуляра Главного штаба № 161 дела переданы в соответствующие управления ГШ.

При ГШ был создан особый казачий отдел, в ведении которого остались исключительно вопросы гражданского устройства казачьих войск и внутреннего управления. При этом военное министерство, учитывая уроки прежних лет, стремилось во внутреннем управлении передать больше полномочий наказным атаманам, особенно по хозяйственной части, сосредоточить главные вопросы во всех отраслях управления в войсковых правлениях.[101]

Вообще после русско-японской войны казачья общественная мысль активизировалась. Казак войска Донского А.Рябченко (человек, по всей видимости, незаурядный, в чине действительного статского советника) 19 июня 1909 г. подал вел. кн. Михаилу записку о преобразованиях управления казачьими войсками и мерах по улучшению их экономического благосостояния. Великий князь лично передал документ государю-императору, который направил его в императорскую главную квартиру, откуда 4 авг. 1909 г. проект был направлен к военному министру. У В.А.Сухомлинова данная записка пролежала «под сукном» до 15 фев. 1911 г., после чего, без рассмотрения, была подшита «к делу»[102].

В данной записке А.Рябченко указывал, что с упразднением 20 дек. 1897 г. комитета казачьих войск (куда входили представители от казачьих войск), ГУКВ «превратилось в мертвую канцелярию, которая нередко решала дела в ущерб интересам казаков, лишенных права через своих представителей сказать что-либо в свою защиту». С упразднением ГУКВ и низведением его до отдела ГШ, штаб получил в

распоряжение «...одиннадцать как бы отдельных государств, из которых каждое имеет свою громадную территорию, разнообразные природные богатства, свои капиталы, особую организацию по военному и гражданскому управлению и проч. При таких условиях едва ли можно Генеральному Штабу достойным образом управлять казачьими войсками». После первой неудачи, автор записки обращался в военное министерство повторно, в связи с чем содержание ее (записки) было доложено военному министру лично в докладе 8 окт. 1912 г. Однако, В.А.Сухомлинов наложил резолюцию «Без последствий». [103]

А.Рябченко не успокоился и 2 июля 1916 г. лично представил военному министру записку для доклада государю, поскольку, по мнению автора, проводящиеся реформы «систематически ведутся с целью упразднения казачьих войск и обращения казаков в гражданское состояние».[104]

Не останавливаясь подробно на проекте А.Рябченко, отметим, что автор предлагал восстановить самостоятельное управление казачьими войсками в отдельном главном управлении под руководством августейшего атамана, восстановить формы представительства от казачьих войск в виде совета, которому предоставлялись бы довольно широкие права, от экономических вопросов до утверждения в должностях чиновников в казачьих областях.

Данный проект, вместе с подобным проектом М.М.Арцибашева (пока не обнаружен — А.М.), был направлен из канцелярии вел. кн. Михаила Александровича в действующую армию для доклада императору.[105] Дальнейшая судьба проекта неизвестна, видимо в условиях надвигающегося революционного кризиса не было возможности заниматься данным вопросом.

Таким образом, во второй половине XIX — начале XX вв. система высшего управления казачьими войсками претерпела значительные изменения. Периодизация, предложенная Б.Б.Игнатьевым, довольно точно указывает хронологические рамки двух этапов реформирования высшего управления — с конца 50-х гг. XIX в. до начала русско-японской войны, и с 1905 по 1914 гг. Содержанием первого этапа, которому предшествовала всеобъемлющая подготовка, было сосредоточение центрального управления казачьими войсками в управлении иррегулярных войск, переименованного сначала в Главное управление иррегулярных войск, потом — в Главное управление казачьих войск. С расширением функций и полномочий ГУКВ, происходило расширение штатов, что сказывалось на качестве

управления, осуществлявшегося по единому шаблону, без учета положения отдельных войск. Недостатки в управлении привели к перераспределению функций в пользу местных административных учреждений. Данная тенденция подтверждала не способность эффективного централизованного управления и необходимость преобразований.

В ходе русско-японской войны обнажились недостатки русской армии в целом, казачьих войск в частности. Обсуждение опыта, приобретенного в ходе войны, привело к значительным преобразованиям в армии и в системе управления казачьих войск, ставших основным содержанием второго этапа реформирования системы высшего управления казачьими войсками. Реформы заключались в ликвидации существующих отличий в положении казачьих частей от регулярных войск. Данные преобразования объективно вели к ликвидации различий в положении казачества в целом от остального населения империи, что породило стремление к воссозданию особого управления казачьими войсками, однако в силу объективных причин (война, начавшаяся революция) данным начинаниям не удалось получить развития (имеются в виду реформы).

В развитие системы местного самоуправления и управления кавказскими казачьими войсками, В.Н.Мальцевым была предложена следующая периодизация. Автор выделяет несколько этапов. Первый охватывает 60-е гг. XIX в., содержанием которого является постепенный отказ от чисто военных форм управления и переход к элементам гражданского устройства. Второй этап охватывает период с 1869–70 по 1888 гг., и в этот период происходит распространение гражданских начал в казачьей среде. Третий этап, с 1888 по 1905 гг., характеризуется усилением административных и военных методов руководства. Начавшийся после 1905 г процесс поиска путей переустройства общественной и хозяйственной жизни казачьих войск не был завершен к 1917 г.[106]

Данная периодизация, как представляется, не свободна от некоторых неточностей. Автор не всегда учитывает цели и задачи, преследуемые в проводимых преобразованиях, конкретное содержание реформ. Первый этап, по В.Н.Мальцеву, характеризуется подготовкой новых законоположений для казачьих войск, однако постепенное усиление гражданской администрации происходило ранее и усилилось в ходе проводимых преобразований в сер XIX в. Второй этап и начало третьего правильнее было бы отнести к 1883–1885 гг., когда была учреждена

комиссия в г. Тифлисе по реорганизации порядка управления кавказскими казачьими войсками и учреждена должность войскового наказного атамана кавказских казачьих войск. Содержание же третьего этапа — стремление к сохранению казачества как военной силы и опоры царизма, для чего правительство принимало меры по сохранению сословной изоляции — то есть усиливался военно-административный элемент в управлении.

Говоря о развитии местного управления Кубанским казачьим войском в рассматриваемый период, необходимо отметить, что употребление словосочетания «развитие системы управления» для кавказских казачьих войск несет значительную долю условности, если не иронии. Дело в том, что как раз системность в преобразовании местной администрации зачастую присутствовала в незначительной степени, а преобразования проводились в интересах текущего момента. Более или менее единая концепция в устройстве местной администрации проявилась только в сер. XIX в. Эту концепцию можно охарактеризовать как стремление к перемещению полномочий от войсковых учреждений к управленческим структурам кавказской администрации, развитие гражданских управленческих институтов.

При учреждении управления Кавказской областью в 1827 г. специально оговаривалось, что «земли войска Черноморского управляются по особым правилам, для них существующим».[107] Указанные правила были утверждены в том же 1827 г. В соответствии с «Положением об управлении Черноморского войска» управление сосредотачивалось в войсковой канцелярии по военным и хозяйственным вопросам, под председательством наказного атамана. Военное управление Черномории сосредотачивалось в лице наказного атамана, в свою очередь подчинявшегося через командующего войсками Кавказской области — командующему Отдельным Кавказским корпусом. [108]

В 1840 г. гражданская часть в Кавказской губернии и в Черномории была подчинена начальнику Кавказской области, который одновременно являлся командующим войсками Кавказской области.[109] Подчинение гражданской части непосредственному начальнику Кавказской области было вызвано отдаленностью Черномории, да и вообще Северо-Западного Кавказа от г. Тифлиса и невозможностью эффективного управления. Таким образом, намечалась с одной стороны тенденция к передаче части управленческих функций на места, с другой — усиление влияния на гражданскую часть войска кавказского начальства.

Сравнивая положения о ЧКВ 1842 г. и положение для КЛКВ 1845 г., становится очевидным некая непоследовательность правительства в учреждении местного управления. Это было вызвано либо отсутствием четкого плана в создании системы управления для казачьих войск Кавказа, либо невозможностью прямого вмешательства во внутреннюю жизнь ЧКВ.

В Черномории не было единства в управлении казаками. Власть полкового командира ограничивалась периодом нахождения казака на действительной службе. По возвращении домой он попадал сразу под юрисдикцию трех ведомств: по военной части — подчинялся военному окружному начальнику; по гражданской части — окружному суду; по вопросам отбывания земских повинностей — сыскному начальнику.[110] На Линии вся полнота власти (в 1–6-ой бригадах) — гражданской, военной и судебной — сосредотачивалась непосредственно в руках полкового командира.[111] Таким образом, налицо противоречивость в установлении местной администрации, обуславливаемая, как представляется, различными подходами к решению судеб казачества.

В 1855 г. Черномория была подчинена непосредственно главкому Кавказской армией по военным вопросам. В апреле 1856 г. по гражданской части и вообще по внутреннему управлению изъята их ведения командующего войсками на Кавказской линии и подчинена непосредственно главкому. Наказной атаман так же подчинялся непосредственно главкому.[112]

В августе 1856 г. звание и должность командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории было упразднено. Правый фланг Кавказской линии, центр и Черномория стали именоваться Правым крылом Кавказской линии и учреждена должность командующего войсками правого крыла с правами, ранее принадлежавшими по должности командующему Кавказской линией.[113]

Данные изменения на первый взгляд противоречат суждению о тенденции к перераспределению властных полномочий и усилению гражданского начала. Однако именно в этот период уже разрабатывались проекты по соединению черноморцев и части линейцев для разрушения черноморской общности, и в этом ключе подчинение наказного атамана непосредственно главкому имело смысл для постепенной ликвидации его самостоятельности. Должность

наказного атамана ЧКВ, по всей видимости, планировалось упразднить. Это объясняет появление специального распоряжения об оставлении при командующем правым крылом кавказской линии генерал-лейтенанте Г.И.Филипсоне звания наказного атамана ЧКВ, так как ожидается от генерал-адъютанта кн. А.И.Барятинского особое соображение о новом разделении Черноморского и Кавказского линейного казачьих войск (курсив мой — А.М.).[114]

1860 г. был насыщен судьбоносными для кавказского казачества преобразованиями в управлении и административном делении. 8 февраля высочайшим повелением указано именовать правое крыло Кавказской линии Кубанской областью, левое — Терской. Все пространство к северу от главного кавказского хребта, а именно Кубанскую и Терскую области и Ставропольскую губернию, именовать Северным Кавказом.[115] Уже 23 мая командующий войсками правого крыла Кавказской линии стал именоваться начальником Кубанской области, с сохранением по военной части наименования и должности командующего войсками Кубанской области.[116]

Как указывалось в предыдущем параграфе, согласно приказу № 464 от 13 октября 1860 г. за подписью главкома кавказской армией генерал-фельдмаршала кн. А.И.Барятинского, уже 19 ноября того же года одобренный государем и получивший статус закона,[117] звание и должность наказного атамана ККВ присваивалась начальнику области и командующему войсками. Данные распоряжения следовало рассматривать как временные, до подготовки местным комитетом положения для ККВ и утверждения его императором. Однако не зря говорят, что нет ничего более постоянного, чем временное. Комитет со своей задачей не справился, поэтому дальнейшее развитие управления закреплялось в отдельных законодательных актах.

Одним из вопросов, не терпящих отлагательства, было утверждение временных штатов для нормальной работы администрации. Уже к 6 янв. 1861 г. проект с внесенными поправками был утвержден и введен в виде опыта по 1 янв. 1863 г. согласно приказу главкома Кавказской армией.[118] А в 1862 г. данные штаты были высочайше утверждены государем-императором. Согласно указанным штатам, военное управление сосредотачивалось в войсковом дежурстве, гражданское — в войсковом правлении. Во главе войска стоял наказной атаман.[119]

6 янв. 1865 г. в именном указе «О некоторых преобразованиях в военных управлениях в Кубанской области» (следует обратить

внимание на формулировку, то есть отказ от употребления слов «войско», а употребление словосочетания — «в Кубанской области», что, безусловно, было знаковым событием) предполагалось: а) звание наказного атамана ККВ соединить со званием командующего войсками Кубанской области в одном лице и присвоить наименование: «Начальника Кубанской области и Командующего войсками, в оной расположенными». Обязанности начштаба ККВ возложить на начштаба войск Кубанской области, именуя его «Начальником Штаба войск Кубанской области». Должности наказного атамана и начштаба Кубанского войска упразднить; б) для внутреннего управления ККВ учредить должность «Помощника Начальника Кубанской области по управлению кубанским казачьим войском». В обязанности помощника включить председательство в войсковом правлении, право докладывать начальнику области дела, находящиеся в его ведении. В отсутствии начальника области — исполнять обязанности атамана и вообще «вести все поручения по части внутреннего быта войска и его администрации»; в) для управления войсками 19-й пехотной дивизии (на начальника которой ранее была возложена должность командующего войсками правого крыла Кавказской линии) учредить отдельное управление и должность начальника дивизии по особой временной инструкции, до издания нормального положения по войску и области; г) в управлении войск Кубанской области упразднить должности помощника командующего войсками (ранее он заведовал казачьими войсками), и некоторые другие должности (адъютантов, обер-офицеров для поручений).[120]

В 1869 г. была упразднена должность командующего войсками области. «До общего преобразования административного управления» было решено звание наказного атамана Кубанского войска соединить со званием начальника Кубанской области, с подчинением ему по последнему званию местных войск в пределах Кубанской области и Черноморского округа. С данными преобразованиями должность помощника начальника области по делам ККВ упразднялась, из военного дежурства образовывался войсковой штаб.[121]

В этом же 1869 г. были преобразованы административные учреждения Кубанской области. Область была разделена на пять уездов, ближайшее определение границ уездов оставлялось на усмотрение наместника. Уездные правления учреждались в гг. Ейске, Темрюке, Екатеринодаре, ст. Баталпашинской и укреп. Майкоп. Общее управление Кубанской и Терской областями планировалось учредить на общем губернском праве, за несколькими «изъятиями»: а) должности наказного атамана и

начальника области соединить в одном лице, с подчинением главноначальствующему гражданской частью на Кавказе и главнокомандующему Кавказской армией; б) начальнику Кубанской области подчинить местные войска; в) до учреждения земских учреждений, на областное правление возложить обязанность делопроизводство и счетоводство по народному продовольствию, дорожной части, заведованием государственным имуществом; г) уезды в полицейском отношении подчинить уездным начальникам.[122]

Устройство управления вновь образованных областей имело существенные трудности в плане разрешения вопросов разделения полномочий между военными и гражданскими учреждениями, устройстве управления горских народов и многочисленные кадровые вопросы. В данной связи весьма целесообразным было передать на усмотрение наместника всех установлений по указанным вопросам, разрешения недоразумений.[123]

В 1870 г. последовало несколько важных распоряжений по устройству управления в области. Были утверждены и введены новые правила и штаты по административной и судебной частям. В соответствии с ними приоритет и количественный, и в управлении получили гражданская часть и гражданские чиновники.[124] Вновь последовали изменения в административном устройстве. Во-первых, было подтверждено право наместника «постепенно» вводить преобразования в административном устройстве. Во-вторых, были перечислены 12 станиц ККВ и 1 от ТКВ в гражданское ведомство (Надежинская, Михайловская, Татарская, Старомарьевская, Спицевская, Бешпагирская, Сергиевская, Грушевская, Калиновская, Северная, Круглолесская, Александровская и Железноводская от ТКВ). В-третьих, с 1 янв. 1871 г. предписывалось ввести новое управление на следующих основаниях: а) Кубанская область образуется из земель ККВ, городов, селений государственных крестьян, солдатских слободок, колоний и горских округов. Областным центром избран г. Екатеринодар. Область разделяется на пять уездов — Екатеринодарский, Ейский, Темрюкский, Майкопский и Баталпашинский. В связи с чем укреп. Майкоп и ст. Баталпашинская переходят в разряд городов (с небольшой оговоркой — по изыскании денежных средств на содержании полиции и предоставлении начальником области по общественному устройству); б) с 1 янв. 1871 г. предписывалось открыть действия новых административных учреждений; в) с того же дня — упразднить гражданскую канцелярию начальника области, управления портовых городов Ейска и Темрюка.[125]

В 1876 г. были учреждены еще два уезда — Закубанский и Кавказский на сходных основаниях, границы которых были утверждены только в 1877 г.[126]

В военном отношении земли ККВ были разделены на полковые округа, которые были в 1878 г. разделены на три военных отдела, причем военно-административное деление не совпадало с гражданским. В состав Екатеринодаоского вошли Екатеринодарский, Полтавский и Таманский полковые округа. Таманский отдел составили Урупский, Лабинский, Хоперский округа. Уманский отдел был самым большим и включал Уманский, Кавказский, Кубанский, Ейский полковые округа. [127] Управления Темрюкского и Баталпашинского военных отделов были упразднены 15 авг. с передачей дел из первого в управление Екатеринодарского отдела, второго — в Майкопский отдел.[128] Причиной к сокращению количества военных отделов было вызвано стремлением к экономии денежных средств в преддверии крупных расходов при реформе порядка отбывания воинской повинности. 24 марта 1879 г. были утверждены штаты внутреннего военного управления ККВ, в соответствии с вышеизложенным делением на отделы и округа.[129]

Одним из важных шагов в развитии «гражданственности» в среде казачества было утверждение 13 мая 1870 г. «Положения об общественном управлении в казачьих войсках». Этот документ заслуживает пристального внимания, поскольку на два десятилетия определял порядок самоуправления и в полной мере отражал правительственную политику по отношению к казачеству, тенденцию к стиранию сословных различий. Подробный анализ эволюции местного самоуправления представлен в работах И.В.Ивченко,[130] здесь же следует ограничиться наиболее важными, на взгляд автора, положения.

Согласно указанному документу станичное общество составляют все, без различия сословий, жители станицы с принадлежащими поселениями любого типа. Соответственно станичный сход составляют все без исключения домохозяева, принадлежащие к станичному обществу. Иногородние имели право голоса при обсуждении дел, касающихся лиц не казачьего сословия.[131] То есть, получили право голоса при решении большинства хозяйственных вопросов. На станичного атамана были возложены административно-полицейские функции. Право представительства в станичном правлении и избираемость должностных лиц дали возможность зажиточным казакам

практически сосредоточить в своих руках все управление, привело к махинациям в аренде земли, злоупотреблениям.[132]

Таким образом, в 1860–70-е гг. в управлении Кубанского войска произошли значительные изменения, отражавшие в целом правительственную политику по отношению к казачьим войскам. Фактически должность наказного атамана находилась в зависимости и в подчинении от должности начальника области. Это свидетельствует о приоритете гражданских властей и гражданских интересов над военными. Исчезла территориальная целостность войска, земли которого наряду с частновладельческими, городскими и государственными, стали входить в состав области. Это так же наносило удар по войсковой организации, открывало доступ иногородним на казачьи земли, что и было законодательно закреплено в 1868 г. Даже в станичном управлении сказывалось стремление к усилению гражданских интересов. Это проявилось в предоставлении прав на сходах иногороднему населению, закреплению за атаманами функций гражданских и полицейских чиновников, что сказывалось на военной составляющей.

Однако не все администраторы считали роль казачества исчерпанной. С 1882 по 1890 гг. главноначальствующим гражданской частью на Кавказе и командующим войсками Кавказского военного округа был генерал-адъютант и генерал от кавалерии князь Александр Михайлович Дондуков-Корсаков. При нем были произведены обширные реформы по благоустройству управляемой территории, много сделано для развития инфраструктуры и проведены значительные преобразования в управлении краем и кавказскими казачьими войсками.

Под непосредственным руководством А.М.Дондукова-Корсакова было выработано новое положение об управлении Кавказом. При проведении данной реформы князь руководствовался следующими соображениями, изложенными в докладе на имя императора: «При сложности существующего механизма управления, разнообразных местных условий народной жизни, массе постоянно возникающих новых потребностей и необходимости, прежде всего, стремиться к ограждению всеми мерами общественной безопасности и порядка в стране, население которой, в значительном проценте, не отличается высоким уровнем нравственности — трудно и ожидать, чтобы администрация действовала повсеместно с одинаковым рвением, в пределах законности, и могла с достаточным вниманием вникать в нужды населения».[133] Таким образом, приоритеты определены очень четко

— общественная безопасность и улучшение качества работы местной администрации.

Для достижения улучшения работы местных органов власти главноначальствующий предпринял ряд мер. Во-первых, была предпринята ревизия административных учреждений. В Кубанской области данную ревизию провел действительный статский советник Кучаев. Последний установил ряд фактов, свидетельствующих о притеснении казаков со стороны гражданских властей. Казаки продолжали платить гербовый сбор, от чего крестьяне были освобождены. Многочисленные нарушения допускались при размежевании земель, в результате чего войско лишилось части земель и стеснялось право казаков на рыбную ловлю. Гражданские власти всячески покровительствовали иногороднему населению в ущерб казачьей администрации и интересам.[134] Это далеко не полный список «казачьих обид». По результатам ревизии были приняты меры «с устранением виновных от должности и привлечением к судебной ответственности».[135]

Во-вторых, изменен порядок управления Кавказским и Закавказским краями. 26 апр. 1883 г. должность наместника Кавказского была упразднена.[136] В этот же день было утверждено «Учреждение управления Кавказского края». В соответствии с новым положением ближайшее управление Кавказским краем целиком и полностью возлагалось на главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, его помощника и Совет главноначальствующего.[137]

Далее последовала реформа управления кавказскими казачьими войсками. Эта мера преследовала и другую цель — сохранение боевого потенциала казачьих войск. По мнению А.М.Дондукова-Корсакова, современное состояние кавказских казачьих войск нельзя оценивать иначе, как «ненормальное». Правительственные реформы за предыдущие 15–20 лет привели к совершенному расстройству экономического быта казаков. В первую очередь к такому бедственному положению казачества привело разрешение поселяться на казачьих землях иногородним, которые уже превышают численно казачье население, а так же раздача закубанских земель в частную собственность. Теперь казаки вынуждены арендовать удобные смежные со станичным юртом земли и сдавать в аренду свои, находящиеся далеко от станиц. Однако «едва ли не главной причиной упадка казачества в крае составляет та двойственность в военной и гражданской власти, которой они подчиняются».[138]

Основным содержанием предполагаемой реформы управления должно было стать: а) подчинение всего населения областей (Кубанской и Терской) в полицейско-административном отношении военному министру; б) сосредоточение высшего управления в лице войскового наказного атамана кавказских казачьих войск, присвоив это звание командующему войсками Кавказского военного округа; в) соединение областного и войскового хозяйственных правлений, должностей окружного начальника и атамана отдела в одном лице.[139]

Для разработки указанных вопросов, А.М.Дондуков-Корсаков считал целесообразным создать специальную комиссию. 28 авг. 1883 г. последовало высочайшее соизволение на учреждение комиссии, которая была созвана 5 дек. 1883 г. в г. Тифлисе под председательством генерал-лейтенанта Г.А.Леонова. Так же в состав комиссии вошли представители от министерства внутренних дел, военного, юстиции, финансов, государственных имуществ, государственного контроля и представители от кавказских казачьих войск.[140]

Как указано выше, комиссия начала работу 5 дек. 1883 г. В час дня прибыл А.М.Дондуков-Корсаков. Он произнес речь, в которой напомнил собравшимся о значении казачества как военной силы, указал на упадок его боевых качеств и экономического благосостояния.[141] Одной из мер по преодолению создавшейся бедственной ситуации в казачьей среде была реформа порядка управления.

Порядок управления Кубанской областью в период с 1861 по 1871 гг. выглядел так:

Схема 1. 2. 1. [142]

просмотреть схему >>>

Очевидные недостатки подобного порядка управления заключались в следующем. Казаки подчинялись всецело наказному атаману, однако одновременно они подчинялись командующему войсками области в военном отношении как часть войск области — отсюда складывалась двойственность в подчинении казаков, что порождало неизбежные накладки, противоречия. Однако и наказной атаман и командующий войсками подчинялись в свою очередь военному министру.

По высочайшему указу от 30 дек. 1869 г. порядок управления областью и войсками в период с 1871 г. выглядел следующим образом:

Схема 1. 2. 2. [143]

просмотреть схему >>>

С 1871 г. должности наказного атамана и начальника области были соединены, однако по двум должностям подчинение было двум министерствам — военному и внутренних дел. Таким образом, казак как гражданин подчинялся административным органам МВД, как военный — военного ведомства. При этом непосредственную исполнительную власть имело МВД, а военное министерство лишь могло требовать исполнения своих распоряжений через посредство органов МВД. Поэтому «гражданский элемент взял перевес над военную стороною быта казачьего населения, а воинственные и враждебные соседи тотчас же стали подавлять гражданина и безоружного казака». [144]

Проектируемая организация управления должна была выглядеть следующим образом:

Схема 1. 2.3.. [145]

просмотреть схему >>>

Подобным изменением порядка управления члены комиссии предполагали достичь следующего: а) проведения во всех инстанциях одного начала, сохраняя военную обособленность казачества; б) восстановления «военно-боевого и внутреннего сторожевого» значения казачества; в) разрешение вопросов и казачьего и горского населения в войсковом правлении позволить учитывать интересы всех сторон в равной степени; г) при этом, члены комиссии считали, что: «Все вместе взятое наиболее соответствует историческому складу жизни, как казаков, так и местного туземного населения, для которого чрезмерная мягкость, волокита и многовластие равнозначуци безсилию самой власти».[146]

В целом предложения комиссии включали предложения: а) область разделить на военные отделы, лишь в местах исключительно заселенных гражданским населением — выделить округа; б) права и обязанности окружных полицейских начальств оставить без изменений.

В отделах же — возложить полицейские обязанности на атаманов отделов, управление отделов подчинить военному ведомству; в) сосредоточить в войсковом правлении межевые дела, по войсковому и государственному имуществу, предметы ведения присутствий по крестьянским и городским делам и по воинской повинности; г) к Кубанской области присовокупить Черноморский округ; д) все учреждения подчинить начальнику Кавказского края; е) принять меры по уменьшению числа иногородних в отделах и по уменьшению их наплыва; ж) разработать и принять новые положения об общественном управлении в казачьих станицах. [147]

Большая часть из предложенных преобразований была принята к исполнению. В 1884 г. было принято постановление об устройстве управления казачьими войсками на Кавказе. Согласно документу при штабе войск Кавказского военного округа учреждался особый четвертый отдел — казачий. А.М.Дондукову-Корсакову было предоставлено звание Войскового наказного атамана кавказских казачьих войск. Так же за ним остались все права по отношению к казачьим войскам, которые были присвоены по званию командующего войсками Кавказского военного округа. До преобразования управления Кубанской и Терской областями, все делопроизводство сосредотачивалось в штабе войск округа, так же как и точное определение прав и обязанностей по званию войскового атамана.[148]

В период 1886–1891 гг. завершилось преобразование управления кавказских казачьих войск в соответствии с планами А.М.Дондукова-Корсакова. В 1886 г. было высочайше утверждено «Учреждение Управления Кавказского края».[149] Высшее управление краем сосредотачивалось в руках главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, соединяющего должность командующего войсками Кавказского военного округа и войскового наказного атамана кавказских казачьих войск. Вертикаль власти выглядела так: главноначальствующий (и командующий войсками, и войсковой атаман) и его помощник — Совет главноначальствующего — управления отдельными частями разных ведомств — местные административные учреждения. В 1887 г. были изменены пределы властных полномочий главноначальствующего гражданской частью на Кавказе — ему предоставлялись широкие права по высылке административным порядком лиц неблагонадежного поведения из пределов края, утверждению в экстраординарных случаях сверхсметных расходов, раскладов по земским повинностям и смет на строительство казенных зданий.[150]

В 1888 г. были преобразованы управления Кубанской и Терской областей, определены круг обязанностей и полномочий войскового наказного атамана кавказских казачьих войск, принято положение об управлении отделами Кубанской области по военной части. Управление основывалось на объединении административного устройства с гражданским управлением поселенных в областях войск. Подтверждалось присвоение звания Войскового наказного атамана Кавказских казачьих войск командующему войсками кавказского военного округа. Ему вверялось главное местное управление Кубанской областью с входящими в ее состав ККВ, городами, гражданским населением.[151]

Кубанская область разделялась в административном отношении на семь отделов — Ейский, Темрюкский, Екатеринодарский, Майкопский, Кавказский, Лабинский, Баталпашинский, власть в которых сосредотачивалась в руках атаманов отделов. Существенно расширялись права атаманов по отношению к казачьему населению в плане воинской дисциплины, отбывания воинской повинности.[152] Управление областью соединялось с административным заведованием войском и сосредотачивалось в областном правлении под руководством наказного атамана и начальника области. Через Войскового наказного атамана административное и полицейское управление передавалась в ведение военного министра.[153]

Изменение порядка общественного управления в казачьих войсках в 1891 г. завершило преобразования порядка управления кавказскими казачьими войсками. Уже на стадии составления проекта вносились поправки в сторону расширения прав станичных атаманов и ограничения прав иногородних. Так специально разъяснялось, что к станичному обществу принадлежат только лица войскового сословия, так как другие лица должны числиться за своими обществами.[154] В соответствии с положением, иногороднее население потеряло ряд представительских прав, ужесточались правила проживания гражданского населения на землях казачьих юртов, увеличивалась посаженная плата. При этом станичное общество, по сути, связывалось круговой порукой для обеспечения исправного выхода на службу казаков.[155] Несмотря на ряд позитивных моментов, как, например, меры по усилению независимости судей, исправному отбыванию казаками воинской повинности, в целом положение было направлено на усиление военно-административного влияния в казачьей среде.

Следует остановиться на влиянии изменений в управлении на работу местной администрации. По результатам поездки наказного атамана в 1873 г. по области картина вырисовывается такая. Делопроизводство и состояние дел в управлении отделов Баталпашинском, Майкопском, Екатеринодарском, Темрюкском и Ейском, Н.Н.Кармалин оценивал словами — «порядок и благоустройство». А вот войсковые тюрьмы «везде нехороши», войсковые больницы содержаться удовлетворительно, здания используются не по назначению. Караульные команды, местные команды, вообще внутреннеслужащие казаки — неопрятны, неисполнительны, одеты не по форме. Служебные требования к ним не соблюдаются, отсюда многочисленные жалобы на качество службы казаков. В станичных правлениях делопроизводство ведется небрежно, хаотично. При этом строевые части находятся в отличном состоянии.[156]

Вышесказанное свидетельствует о верной оценке А.М.Дондукова-Корсакова дурного влияния на казаков распространения «гражданственности» в казачьей среде и управлении На «гражданке» казаки неопрятны и небрежны, попадая под руководство военных на службе — дисциплинированы, аккуратны, внимательны.

В 1891 и 1894 гг. были проведены две ревизии административных учреждений Кубанской области. Первая проводилась по высочайшему повелению генерал-лейтенантом Нарбутом и полковником Барановым. Ревизии подверглись областное правление, войсковой штаб, некоторые правления отделов и станичные правления. В результате проверки по военной части выявились многочисленные злоупотребления и нарушения законности — беспорядки и медлительность, неправильное распределение дел по частям, отсутствие общего надзора и руководства, злоупотребления при производстве в урядники и проч. Такая картина была абсолютно во всех ревизируемых управлениях. [157]

В 1894 г. проводилась ревизия областного правления по поручению и.д. начальника области и наказного атамана генерал-лейтенанта Я.Д.Маламы. В результате ревизии были получены неутешительные сведения. Делопроизводство ведется небрежно, царит формализм и рутина, многие служащие не знают обязанностей и стремятся не к решению дел, а к «отписке» и «очищению нумеров».[158]

Полученные результаты на первый взгляд парадоксальны — ведь реформы А.М.Дондукова-Корсакова должны были привести к исправлению недостатков в гражданском управлении казаков, тогда как

результаты ревизий отрицательные по всем отраслям управления. Данные факты свидетельствуют об отсутствии благотворного влияния на дела местной администрации усиления в управлении военного начала, несмотря на желания А.М.Дондукова-Корсакова. По всей видимости, причина заключалась не в принадлежности личного состава канцелярии к казачьему сословию или гражданскому чиновничьему корпусу. Причина крылась в кризисе системы управления в целом. Развитие капитализма неизбежно вело к исчезновению казачества как военного сословия, и никакие преобразования управления не могли привести к консервации сословности, только замедлить процесс, но не остановить.

Интересно отметить, что к выводу о тупике в развитии казачьих войск после изучения военного, административно-управленческого и финансового аспектов приходит и американский исследователь Роберт МакНил.[159]

В дальнейшем, до русско-японской войны значительных изменений не происходило. Однако в этот период шла подготовительная работа по передаче части полномочий, особенно расширяющие права наказного атамана и атаманов отделов по хозяйственно-экономическим вопросам, на места. Так, разрабатывалось положение по предоставлению права указанным должностным лицам разрешать отлучки казакам сроком до года на заработки.[160]

Как указывалось выше, после русско-японской войны произошли значительные изменения в центральном управлении казачьими войсками. В связи с нарастанием революционного кризиса была восстановлена должность наместника Кавказского, который стал совмещать высшую власть по всем отраслям управления — гражданской и военной. Звание наместника предполагало властные полномочия главкома войск в наместничестве расположенных, Войскового наказного атамана кавказских казачьих войск.[161]

В период перед первой мировой войной в местном управлении кавказскими казачьими войсками не происходило значительных изменений. В основном изменения произошли в сторону расширения прав наказного атамана в решении хозяйственно-экономических вопросов. Наказному атаману предоставлялись права изыскивать новые оброчные статьи, утверждать торги. Наконец последовало разрешение станичным атаманам по приговорам станичных сходов разрешать отлучки казакам до года на заработки.[162]

Одновременно продолжался поиск наиболее эффективных схем организации системы местного управления, впрочем, как и высшего (см. выше). Так, Н.Баратов указывал на недостатки реформы А.М.Дондукова-Корсакова, отмечал, что первоначально должность Войскового наказного атамана мыслилась как самостоятельная. В результате же ее сделали как присоединенную к должности командующего войсками Кавказского военного округа, что лишало возможности самостоятельного рассмотрения казачьих вопросов.

Опыт русско-японской войны привел к реорганизации штабов военных округов. К существующим трем управлениям — генерал-квартирмейстера, дежурного генерала, начальника военных сообщений — было учреждено «управление казачьими и горскими делами». Автор же считает необходимым создать «войсковой штаб кавказских казачьих войск», в котором сосредоточить бытовые и хозяйственные вопросы по казачьим войскам. Такая реорганизация позволила бы начальнику штаба войск округа заниматься исключительно своим делом, а система управления казачьими войсками «получит ту необходимую для правильной организации законченность и жизненность, которых не имела».[163]

Таким образом, подводя итоги, следует отметить следующее. Возвращаясь к вопросу о периодизации процесса реформирования системы управления кавказских казачьих войск, можно сделать следующие выводы. В целом с предложенной Б.Б.Игнатьевым периодизацией системы высшего управления можно согласиться. Однако в рамках первого периода для развития управления кавказскими казачьими войсками необходимо сделать существенные коррективы.

Подготовительный период, по терминологии исследователя, необходимо рассматривать в контексте правительственной задачи, удачно охарактеризованной Е.И.Дулимовым, как задачи максимального сближения казачьих войск с гражданским населением, максимальной унификации административного устройства казачьих областей по образцу имперских территорий.[164]. Именно в таком ключе подготовлены и приняты важнейшие правительственные постановления, касающиеся управления и самоуправления кавказских казачьих войск.

Проводимые в середине XIX в. реформы объективно способствовали развитию капитализма, при котором предполагается равенство

производителей и собственников на основе ликвидации всех «полуфеодальных сословий».[165] Процесс естественного размывания сословных рамок охватил практически все сословия, в том числе и дворянство. В пореформенный период происходил процесс постепенной утраты дворянством своих сословных привилегий и сближения его с другими сословиями. К 1917 г. все сословия юридически утратили свои специфические сословные права. Дворянство, наряду с другими сословиями, постепенно трансформируется в классы и профессиональные группы. То есть, фактически происходит размывание основной социальной опоры царизма.[166] Таким образом, социальная база царизма — привилегированные сословия — сужалась.

Практически уже в процессе проводимых общероссийских преобразований правящий режим столкнулся с невиданным до сих пор развитием общественного движения охватившего все слои российского общества. В этих условиях правительство было заинтересовано в сохранении казачества как реальной военной силы в первую очередь для борьбы с революционным движением и поддержки правящего режима. Кризис 1870–1880-х гг. привел к подмене основных законов исключительными, усилению административного произвола, репрессивным мерам по отношению к земствам, принятию исключительных мер по охране общественного порядка и спокойствия.[167] Именно с целью сохранения военного потенциала в сер. 1880-х гг. по инициативе кн. А.М.Дондукова-Корсакова начинается подготовка к преобразованию управления кавказскими казачьими войсками, содержанием которых было стремление ослабить последствия реформ казачьих войск 60–70-х гг. XIX в., усилению опоры правящего режима в лице казачества.

Таким образом, соглашаясь с периодизацией развития высшего управления казачьими войсками, предложенной Б.Б.Игнатьевым, в развитии системы управления кавказских казачьих войск период с сер. 1850-х гг. до 1904 г. будет делиться следующим образом: 1850-е — сер. 1865-х гг. — подготовка проектов казачьих законоположений в рамках правительственного подхода на максимальное сближение казачьих войск с гражданским населением, максимальную унификацию административного устройства казачьих областей по образцу имперских территорий; сер. 1860-х — сер. 1880-х гг. — реформирование кавказских казачьих войск, направленное на приведение в соответствие с общей системой гражданского управления населения России; сер. 1880-х — 1904 гг. — реформа кавказских казачьих войск кн. А.М.Дондукова-Корсакова, основная цель которой

— сохранение сословной замкнутости казачества, поддержание боевых качеств, создание в лице казаков прочной социальной базы царизма и дальнейшее развитие, и изменения местных законоположений по самоуправлению с указанной целью.

Второй период, 1904–1914 гг., Б.Б.Игнатьев характеризует как период, главным содержанием которого была реорганизация управления казачьими войсками с целью ликвидации имевшихся особенностей казачьих войск от регулярной армии. Стоит добавить, что верхняя хронологическая рамка весьма условна, поскольку и в ходе войны продолжался поиск решений управленческих вопросов, рассмотрение соответствующих проектов. Местное управление существенно не изменилось, однако происходит расширение дисциплинарных прав войскового и наказных атаманов в связи с необходимостью противостояния революционным потрясениям. Одновременно военное министерство стремится расширить права местного начальства в решении социально-экономических вопросов с целью поддержания казачьего благосостояния.

В целом во второй половине XIX — начале XX вв. не сложилось законченной системы, управления кавказскими казачьими войсками, в полной мере отвечающей потребностям времени и интересам правительства. Постоянные изменения в стране, затрагивающие самые основы режима, требовали поиска адекватных мер по сохранению либо изменению существующего порядка вещей. Необходимо отметить, что в случае с казачьими войсками правительству удалось найти способы к сохранению в казачьей среде своей социальной опоры, в том числе через реорганизацию системы управления и самоуправления. Однако эти меры не могли полностью нейтрализовать естественное стремление к разрушению всяческих сословных рамок и законодательных ограничений в условиях развития капиталистических отношений.

Примечания:

[1] ПСЗ 2. Т.35 (1860). СПб., 1861. Ст. 35421.

[2] Там же. Ст. 35822.

[3] ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2302. Т. 1. Ч. 1. Л. 3об.

[4] Там же. Л. 2.

[5] Казачьи войска. Каткая хроника казачьих войск и иррегулярных частей. Справочная книжка Главной Императорской квартиры/Под ред. В.К.Шенка. Сост. В.Х.Казин. СПб., 1912. С. 117; Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 года/Под ред. Б.А.Трехбратова. Краснодар, 1997. С. 233.

[6] Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. В 2-х т. Т. 1. Тифлис, 1907. С. 195–198.

[7] ГАКК. Ф. 318. Оп. 1. Д. 517. Т. 1. Л. 78–79, 100–101.

[8] РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 17. Л. 114 об.

[9] Венюков М.И. К истории заселения Западного Кавказа, 1861–1863 гг.//Русская старина. 1878. № 6.-С. 252–253.

[10] Отчет по главному управлению Наместника Кавказского за первое десятилетие управления Кавказским и Закавказским краем Его Императорским Высочеством великим князем Михаилом Николаевичем. 6 декабря 1862–6 декабря 1872. Тифлис, 1873. С. 61.

[11] Отношение ген.-фельдм. кн. Барятинского к военному министру ген.-адъют. Сухозанету, от 2-го апреля 1861 года, № 514//АКАК. Т. 12. Ч. 3. Док. № 764. С. 1051.

[12] Матвеев О.В. Кавказская война на Северо-Западном Кавказе и ее этнополитические и социокультурные последствия. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Краснодар, 1996. С. 28–29.

[13] РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 17. Л. 114 об.

[14] Там же. Л. 115–119 об.

- [15] Там же. Л. 154–170 об.
- [16] ГАКК. Ф. 318. Оп. 1. Д. 517. Т. 2. Л. 102.
- [17] РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 17. Л. 155.
- [18] Там же. Л. 157.
- [19] Там же. Л. 157.
- [20] Там же. Л. 256–157 об.
- [21] Там же. Л. 254–254 об.
- [22] Там же. Л. 375–379 об.
- [23] Там же. Л. 463–469.
- [24] Толстов В. История Хоперского полка Кубанского казачьего войска. 1696–1896. Тифлис, 1901. Ч. 2. С. 130–148.
- [25] Барилко И.Г. Переселение за Кубань Черноморского (ныне — Кубанского) войска в 1860-м и 61-м годах по проекту князя Барятинского и Главнокомандующего правым флангом — Закубанским графа Евдокимова. (Воспоминание)//КОВ. 1911. 8 окт. № 213.
- [26] Венюков М.И. К истории заселения Западного Кавказа, 1861–1863 гг.//Русская старина. 1878. № 6. С. 264.
- [27] Там же. С. 265.
- [28] Барилко И.Г. Указ. соч.
- [29] Венюков М.И. Указ. соч. С. 266.
- [30] Там же. С. 266–267.
- [31] ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 176. Л. 1–1 об.
- [32] Барилко И.Г. Указ. соч.

[33] Щербина Ф.А. Колонизация Кубанской области//Киевская старина. Киев, 1883. Т. VII. С. 540.

[34] Фелицын Е.Д., Щербина Ф.А. Кубанское казачье войско. Репринтное издание. Краснодар, 1996. С. 260–416.

[35] ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2302.Т. 1. Ч. 1. Л. 103.

[36] Там же. Л. 9–9 об.

[37] Там же. Л. 10–10 об.

[38] Там же. Л. 13 об.

[39] Там же. Л. 97–98 об.

[40] Там же. Л. 146–147.

[41] Там же. Л. 152.

[42] Там же. Л. 238, 250, 505, 590–590 об, 602–602 об.

[43] Там же. Ф. 252. Оп. 2. Д. 465. Л. 211–211 об.

[44] Там же. Л. 17–17 об, 18–18 об, 28–28 об, 62–73.

[45] Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. XI. Ч. 1–2. С. 311–312.

[46] Там же. С. 428.

[47] Там же. С. 412.

[48] ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2302. Т. 1. Ч. 1. Л. 478–478 об.

[49] Там же. Ф. 318. Оп. 1. Д. 517. Т. 1. Л. 46 об-47.

[50] Там же. Л. 51 об, 53.

[51] Там же. Л. 54–54 об.

[52] Там же. Л. 56–63 об.

- [53] Там же. Л. 65 об-77 об.
- [54] Там же. Л. 178–203 об, 207.
- [55] РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 111. Л. 41.
- [56] ГАКК. Ф. 318. Оп. 1. Д. 517. Т. 1. Л. 208–209 об.
- [57] Столетие Военного Министерства. Т. XI . Ч. 1. С. 413–419.
- [58] ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2302. Т. 1. Ч. 1. Л. 540–540 об.
- [59] Там же. Ф. 318. Оп. 1. Д. 517. Т. 2. Л. 3.
- [60] Там же. Л. 3 об-4.
- [61] Дулимов Е.И. Казачество в системе политико-правовых отношений России (Спецкурсы по «Истории казачества»)//Казачий сборник. Ростов н/Д: ДЮИ, 1998. С. 42.
- [62] РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 17. Л. 69.
- [63] Там же. Л. 105 об-106.
- [64] Фелицын Е.Д., Щербина Ф.А. Кубанское казачье войско. Репринтное издание. Краснодар, 1996. С. 234–235.
- [65] Игнатъев Б.Б. Развитие системы управления казачьих войск России (вторая половина XIX — начало XX вв.): Дис... канд. ист. наук. М., 1997. С. 27.
- [66] РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 17. Л. 399–418 об.
- [67] Там же. Л. 423–424 об.
- [68] Дукмасов И. О заселении Черноморского побережья Кавказа казачьим войском. М., 1887. 27 с.
- [69] РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 17. Л. 38 об.
- [70] Там же. Л. 121.

- [71] По вопросам о преобразованиях в казачьих войсках//Русский инвалид. 1869. 24 мая. № 61.
- [72] То же//Там же. 1869. 27 мая. № 62.
- [73] То же//Там же. 1869. 15 июля. № 83.
- [74] Преобразования управления Кубанскою и Терскою областями//Иллюстрированная газета. Т. 25. 19 фев. № 8. — Спб., 1870. С. 114–115.
- [75] Сафонов (Собственного Его Величества конвоя казак). Новые заботы Кавказского казачества с окончанием Кавказской войны//Современная летопись. Воскресное прибавление к «Московским ведомостям». 1865. Апрель. № 13.-С. 9.
- [76] РГИА. Ф.866. Оп. 1. Д. 46. Л. 6 об.
- [77] Цит. по: Маркедонов С.М. Феномен российского казачества//Социально-политическая ситуация на Кавказе: история, современность, перспективы. М., 2001. С. 117–118.
- [78] Абрамовский А.П., Кобзов В.С. Управление и воинская повинность оренбургского казачества во второй половине XIX — начале XX века. Челябинск, 1997. С. 4.
- [79] Венюков М.И. К истории заселения Западного Кавказа, 1861–1863 гг.//Русская старина. 1878. № 6. С. 253.
- [80] Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. XI. Ч. 1–2. С.14.
- [81] См., напр.: История лейб-гвардии казачьего Его Величества полка. 1775–1813–1875–1917/Сост. Б.Р.Хрещатицкий. СПб., 1913.406 с.: ил.
- [82] Дулимов Е.И. Казачество в системе политико-правовых отношений России (Спецкурсы по «Истории казачества)//Казачий сборник. Ростов н/Д: ДЮИ, 1998. С. 35–36.
- [83] Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. XI. Ч. 1–2. С. 14–17.

[84] Там же. С. 399–401.

[85] Игнатъев Б.Б. Развитие системы управления казачьих войск России (вторая половина XIX — начало XX вв.): Дис... канд. ист. наук. М., 1997. С. 87–97.

[86] История казачества азиатской России. В 3-х т. Т. 2. Вторая половина XIX — начало XX века. Екатеринбург, 1995. С. 24–32.

[87] Там же. С. 44.

[88] Там же. С. 50–51.

[89] Военно-окружная система на Кавказе, в Оренбургском крае и в Сибири//Русский инвалид. 1865. 6 (18) авг. № 171.

[90] Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. XI. Ч. 1–2. С. 421.

[91] Там же. С. 421–427.

[92] Там же. С. 570.

[93] Там же. С. 564–570.

[94] Там же. С. 673 и далее.

[95] Воронцов-Дашков И.И. Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1907. С. 157.

[96] П — в С. Уничтожение казачества//Окраины России. 1909. 12–19 сент. № 37–38.

[97] Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. XI. Ч. 1–2. С. 703.

[98] Там же. С. 705.

[99] Игнатъев Б.Б. Развитие системы управления казачьих войск России (вторая половина XIX — начало XX вв.): Автореферат дис... канд. ист. наук. М., 1997. С. 16.

[100] Игнатьев Б.Б. Развитие системы управления казачьих войск России (вторая половина XIX — начало XX вв.): Дис... канд. ист. наук. М., 1997. С. 118–119.

[101] Там же. С. 120, 163–165.

[102] РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 2053. Л. 278.

[103] Там же. Л. 278–278 об.

[104] Там же. Л. 279.

[105] Там же. Л. 282.

[106] Мальцев В.Н. Управление и самоуправление казаков Кубанской и Терской областей во второй половине XIX — начале XX века//Возрождение казачества (история, современность, перспектива). Ростов н/Д, 1995. С. 50–51; Его же. Административные реформы в казачьих областях Северного Кавказа во второй половине XIX в.//Проблемы истории казачества. Волгоград, 1995. С. 94–106.

[107] ПСЗ 2. Т. 2 (1827). СПб., 1830. Ст. 878. § 6.

[108] Там же. Ст. 1058.

[109] Там же. Т. 15. (1840). СПб., 1841. Ст. 13450.

[110] Там же. Т. 17 (1842). СПб., 1843. Ст. 15809. § 83, 264.

[111] Там же. Т. 20 (1845). СПб., 1846. Ст. 18739. § 162–166, 249, 251.

[112] Там же. Т. 31 (1856). СПб., 1857. Ст. 30408.

[113] Там же. Ст. 30850.

[114] Там же. Т. 33 (1858). СПб., 1860. Ст. 33042.

[115] Там же. Т. 35 (1860). СПб., 1862. Ст. 35421.

[116] Там же. Ст. 35822.

[117] Там же. Ст. 36327.

- [118] ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2302. Л. 175 —175 об.
- [119] ПСЗ 2. Т. 37 (1862). СПб., 1865. Ст. 38–39.
- [120] Там же. Т. 40 (1865). СПб., 1867. Ст. 41659.
- [121] Там же. Т. 44 (1869). СПб., 1873. Ст. 46652.
- [122] Там же. Т. 44 (1869). СПб., 1873. Ст. 47585.
- [123] Там же. Ст. 47850.
- [124] Там же. Т. 45 (1870). СПб., 1874. Ст. 48413, 48429 а.
- [125] Там же. Т. 45 (1870) СПб., 1874. Ст. 48876.
- [126] Там же. Т. 51 (1876). СПб., 1878. Ст. 55514; Т. 52 (1877). СПб., 1879. Ст. 57414.
- [127] Там же. Т. 53 (1878). СПб., 1880. Ст. 58547.
- [128] ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 24453. Л. 53–53 об.
- [129] ПСЗ 2. Т. 54 (1879–18 февр. 1880). СПб., 1881. Ст. 59441.
- [130] Ивченко И.В. Казачья община Кубани в трудах дореволюционных авторов//Из дореволюционного прошлого кубанского казачества. Краснодар, 1993. С. 156–164; Ее же. Эволюция казачьего самоуправления на Кубани (на материалах законодательства)//Проблемы истории казачества. Волгоград, 1995. С. 13–31.
- [131] Положение об общественном управлении в казачьих войсках (Высочайше утверждено 13 мая 1870 г.)//КСК на 1891 г. Екатеринодар, 1891. С. 200–220.
- [132] Топчий А.Т. Буржуазные реформы 60–80-х гг. и проблемы уралосибирского казачества//Казачи Урала и Сибири в XVII — XX вв. Екатеринбург, 1993. С. 15.
- [133] РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 313. Л. 11.

[134] Очерк развития административных учреждений в Кавказских казачьих войсках. Тифлис, 1885. С. 62–64

[135] РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 313. Л. 11 об.

[136] ПСЗ 3. Т. 3 (1883). СПб., 1886. Ст. 1521.

[137] Там же. Ст. 1522.

[138] РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 431. Л. 4 об-5 об.

[139] РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 1974. Л. 15 об-16.

[140] Там же. Л. 15.

[141] Там же. Л. 1–1 об.

[142] Там же. Л. 6.

[143] Там же. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2093. Л. 6 об.

[144] Там же. Л. 4 об.

[145] Там же. Л. 7.

[146] Там же. Л. 5.

[147] Там же. Л. 17.

[148] ПСЗ 3. Т. 4 (1884). СПб., 1887. Ст. 2134; ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 4505. Л. 2–3.

[149] Учреждение управления Кавказского края. Свод гражд. закон. Том II, часть 2, изд. 1886 года//КСК на 1891 год. Екатеринодар, 1891. Паг. 2.С. 1–17.

[150] ПСЗ 3. Т. 7 (1887). СПб., 1889. Ст. 4559.

[151] Там же. Т. 8 (1888). СПб., 1890. Ст. 5076.

[152] Там же. Ст. 5460.

- [153] Там же. Ст. 5077.
- [154] РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2099. Л. 1.
- [155] ПСЗ 3. Т. 11 (1891). СПб., 1894. Ст. 7782.
- [156] ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 921. Л. 9–10.
- [157] РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 1848. Л. 1–19 об.
- [158] Там же. Д. 1851. Л. 9 об, 10, 13 об, 38–39 об.
- [159] McNeal, Robert H. Tsar and Cossack, 1855–1914. Oxford: Macmillan and St. Anthony's College, 1987. p. 220.
- [160] ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 6350. Л. 2.
- [161] ПСЗ 3. Т. 25 (1905). СПб., 1908. Ст. 25891.
- [162] Там же. Ст. 26100.
- [163] Баратов Н. Организация высшего местного управления Кавказскими казачьими войсками и горскими народами Северного Кавказа//Военный сборник. № 2. СПб., 1913. С. 157–162.
- [164] Дулимов Е.И. Российская власть и казачья государственность на Дону. Концепция спецкурса по специальности «Юриспруденция»//Казачий сборник. Ростов н/Д: ДЮИ, 2000. С. 28.
- [165] Дулимов Е. И. Казачество в системе политико-правовых отношений России (Спецкурсы по «Истории казачества»)//Казачий сборник. Ростов н/Д: ДЮИ, 1998. С. 43.
- [166] Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). Т.1. СПб., 2000. С. 94, 141–142.
- [167] Захарова Л.Г. Земская контрреформа 1890 г./Под ред. П.А.Зайончковского. М., 1968. С. 56–59.

Глава 2. Военная служба и повинности кубанских казаков

В данной главе, как представляется, целесообразным будет рассмотреть вопросы эволюции законодательства в отношении воинской повинности кубанских казаков, рассмотреть взгляды современников на казачьи войска и специфику использования казачьих частей в составе регулярных сил.

В советской историографии казаков было принято называть «полупривилегированным сословием» или «привилегированным крестьянством». Надо отметить, что подобный подход несколько удивляет своей категоричностью. Почему-то до революции казачьи администрации всех уровней указывали на обнищание казачества и занимались поиском мер по поддержанию казачьего сословия. Однако в постреволюционный период казаки в работах исследователей стали весьма зажиточными по сравнению с иногородними и обладающими привилегиями. Таким образом, необходимо выяснить объем указанных привилегий и соотношение их с выполняемыми повинностями. Следует отметить, что в данной главе специально не исследуется стоимость снаряжения и строевой лошади — «справки», необходимой каждому казаку при выходе на службу. Этот вопрос будет специально разобран ниже.

2.1. Воинская повинность и развитие взглядов на казачьи войска

Составители исторического очерка о воинской повинности А.И.Никольский и Н.А.Чернощев, выделяли в развитии порядка отправления казаками военных обязанностей по отношению к государству три периода.

I. Первый охватывает XIV — XVI вв. В этот период казаки представляли из себя особый служилый класс людей великорусских княжеств и Московского княжества.

II. Вторым периодом делится на два этапа. Первый этап — с XVI в. до эпохи Петра. Это так называемый «московский» этап, когда наряду с «государевыми», формируются вольные казачьи сообщества на окраинах государства. Вторым этапом — с эпохи петровских преобразований до военной реформы 1874 г. В течение этого этапа происходило вхождение казачьих подразделений в состав регулярной армии как иррегулярной кавалерии.

III. С момента принятия устава о воинской повинности для войска Донского — 1875 г., начался новый этап в развитии воинской

повинности казаков. Эту эпоху авторы очерка охарактеризовали как эпоху «слияния общих и казачьих порядков». Причины подобных изменений — в крестьянской реформе, покорении Северного Кавказа, реформе воинской повинности и изменившихся условиях обороны страны.[1]

Существенное отличие Черноморского и Линейного казачьих войск от Донского, заключалось в отсутствии стихийной предыстории, периода совершенной вольности. Эти войска изначально возникли по воле правительства, поэтому изначально в них присутствовала большая упорядоченность в отбывании воинской повинности.

Первоначально, черноморцам поручалась «бдение и стража пограничная от народов закубанских».[2] Однако уже при Александре II начался процесс упорядочения процесса отбывания воинской повинности и военной организации ЧКВ. В 1802 г. 3.429 служилых черноморцев расписали по десяти конным шестисотенного состава полкам и десяти пешим пятисотенного состава батальонам. В 1811 г. началась служба черноморцев в Лейб-гвардейском казачьем полку. По-прежнему основная нагрузка на плечах черноморских казаков лежала в деле защиты кордонной линии, хотя черноморцы принимали участие и во всех войнах империи.[3]

В 1817 г. при войске была сформирована конно-артиллерийская рота, а через два года состав строевых частей увеличился на один конный полк. Таким образом, 11 конных полков, 10 пеших батальонов и конно-артиллерийская батарея удерживали 270 км. границы с более чем 100 пикетами, 60 постами и батареей. Для внешней службы формировался сводный полк от всех кавказских казаков. В 1832 г. из чинов этого полка был сформирован Лейб-гвардии Кавказский линейный полуэскадрон, вскоре разделенный на две очереди.

Согласно положению о ЧКВ 1842 г. территория Черномории разделялась на три военных округа — Таманский, Екатеринодарский и Ейский. Войско обязано было выставять 12 конных полков, 9 пеших батальонов, 3 конно-артиллерийские батареи, Лейб-гвардии Черноморский казачий дивизион и гарнизонную артиллерийскую роту. Для укомплектования всех строевых частей требовалось 12 тысяч человек. Срок воинской службы определялся в 25 лет полевой и 5 — внутренней.[4]

Служба линейцев также заключалась в пограничной страже и выставлении частей для службы вне пределов Кавказского края. Сроки службы были такие же, как и у черноморцев. По положению о КЛКВ, линейцы должны были выставять команду казаков императорского конвоя, 17 конных полков сведенных в 8 бригад, 3 конно-артиллерийские батареи, дивизион в составе Кавказского сводного иррегулярного полка при действующей армии.[5]

Поражение в Крымской войне вызвало всплеск интереса к проблемам русской армии, тактики и стратегии современной войны, обсуждение необходимых преобразований в армии. Было как минимум две важнейшие проблемы, требующие скорейшего разрешения — сокращение расходов и уменьшение численности армии, не уменьшая при этом обороноспособность страны.

Расходы на армию возрастали постоянно, особенно в годы Крымской войны. В 1853 г. эти расходы составляли 103.479 тыс. руб. сер.; в 1854 г. — 178.694 тыс. руб. сер.; в 1855 г. 239.823 тыс. руб. сер. Исключительно тяжелое положение финансов страны повлекло значительное сокращение военных расходов в 1857 г., которые составили 101.848 тыс. руб. сер. В целом же военные расходы составляли около 25% бюджета страны, но при этом этих сумм было явно недостаточно для создания армии по европейскому образцу.[6]

К 60-м гг. XIX в. назрела необходимость коренного преобразования основ отбывания воинской повинности и армии в целом. Необходимо было ввести всеобщую воинскую повинность и систему кадровой комплектации офицерским составом. Данные нововведения позволили бы использовать значительно большие людские и материальные ресурсы.[7]

Воззрения Д.А.Милютина, возглавившего военное ведомство и проводившего военную реформу, представляли сплав достижений лучших представителей военно-теоретической мысли того времени (Астафьева, Горемыкина, Теляковского и др.). Военный министр стремился приспособить вооруженные силы страны к новым условиям — «условиям развивающегося капитализма».[8] В основе проводимой реформы было стремление Д.А.Милютина увеличить число постоянных тактических единиц, уменьшить нестроевой элемент, превратить резервные войска в реальный «боевой резерв», уменьшить численность армии в мирное время за счет запаса.

Практически во всех странах в период феодализма существовали различные военизированные группы населения, выполнявшие специфические функции, связанные с военной службой в самом широком смысле. К таким группам можно отнести реконкистадоров на Пиренейском полуострове; кнехтов в Швейцарии; гайдуков, клефтов, граничар на Балканах; гайдамаков на Украине; гуркхов в Индии; самураев в Японии и др. Возникали они обычно в периоды смут, в условиях пограничных конфликтов, религиозных войн, осуществления колонизаций. В начальный период основным занятием данных образований являлась война полуразбойного характера. Однако позже они либо переходили на службу государства на договорных началах, либо исчезали.[9] Так что в этом смысле в российском казачестве нет ничего сверх уникального.

Уникальность российского казачества обуславливается уникальностью исторического пути России. Вплоть до начала XX в. в стране были огромные территории, требующие колонизации, что выступало своеобразным «гарантом» существования казачества, наиболее приспособленного для решения колонизационных задач. С другой стороны, в стране, отягощенной феодальными пережитками, с режимом, опирающимся на довольно узкую социальную базу, казачество как опора самодержавия было «обречено» на «поддержку» со стороны правительства и «защиту» от размывания как военного сословия.

П.А.Зайончковский указывал, что подготовка и осуществление военных реформ осуществлялись в условиях борьбы между консерваторами и либералами, «по разному представляющими себе пути укрепления одного из основных орудий самодержавия — дворянского государства — армии».[10] В середине XIX в. «победу» в этой борьбе одержали либералы во главе с Д.А.Милютиным. Естественно, что передовые армии Европы практически не знали уже иррегулярных соединений, поэтому и казачество в составе вооруженных сил России в теории не могло играть сколь либо значительной роли. Эта вспомогательная роль и положение четко отразилось в Уставе о воинской повинности, где в списке армейских единиц казачьи войска поставлены после армии и запаса, перед войсками из инородцев.[11] Таким образом, казачьи войска не вошли в «основной состав» кавалерии и рассматривались как войска вспомогательные.

В «Главе 1» достаточно подробно изложены взгляды правительства на будущее казачьих областей, которое виделось в слиянии казачьего населения с гражданским. Отличие казачьего и не казачьего населения

заклучалось бы лишь в порядке отбывания воинской повинности, да и то временно.

Обращаясь к рассуждениям должностных лиц Кавказа того времени, ясно видно понимание неизбежности и необратимости процесса рассказывания военного сословия. М.Т.Лорис-Меликов писал: «...и казачество заметно утратило уже прежний характер той сторожевой цепи, которою искони прикрывались окраины России сопредельные с враждебным и хищническим населением востока, и хотя нет сомнения в том, что оно служит и будет служить лучшим залогом сохранения спокойствия на Северном Кавказе (а в Терской области особенно), но, тем не менее, нельзя не признать, что активная роль казачества уже едва ли окажется здесь необходимою, оно будет влиять скорее одним присутствием своим, вселяя в горцев нравственное убеждение в полной невозможности сдвинуть русское население с места».[12]

Весьма ценно замечание М.Т.Лорис-Меликова, указывающее на изменение характера службы казаков с окончанием Кавказской войны. По мнению наказного атамана ТКВ, в нынешних условиях (то есть в 60-х гг. XIX в.) казаки несут службу не военную, а полицейскую. Собственно военная служба для них теперь была уже службой на кордонах русско-турецкой и русско-персидской границ, отдаленных от мест проживания, которые казаки должны были собственно охранять в предшествующий период. В этих условиях ККВ и ТКВ, как и Донское войско, переходят в разряд «внутренних войск», то есть могут давать переселенцев для новых войск, своим присутствием способствовать сохранению мира на Кавказе. Однако, по мнению М.Т.Лорис-Меликова, «...роль и задача казачества (выделено автором — А.М.) на Северном Кавказе уже окончена, в том, конечно, смысле, в каком казачество наиболее оказывало услуги России, т.е. в смысле вооруженной охраны пределов ее, и упрочнения за нею, путем постепенной колонизации, территории, занимаемой силою оружия».[13]

Исходя из выше сказанного, М.Т.Лорис-Меликов предлагал разделить казаков на две части, первой из которых разрешить выход из казачьего сословия, облегчить занятия мирным трудом. Для второй же, видимо из «природных казаков», наоборот — приоритетным оставить военную службу, чтобы дать выход их «энергии».[14]

Такие взгляды были довольно распространены. Так исполняющий должность наказного атамана ККВ генерал-лейтенант Н.А.Иванов писал о будущем устройстве казачьих войск на Кавказе: «Ибо, как ни полезно

казачество, в известных случаях, но излишек его, для государства, во многих отношениях, бесспорно, тягостен».[15]

Часть казачества, безусловно, поддерживала данные взгляды. Анонимный автор письма в газету «Русский инвалид» высказывал сходные суждения, указывая на то, что «...исчез неприятель, а вместе с тем и те условия казацкой жизни, которые сделали из него неутомимого и недремлющего бойца». Теперь соседство с иногородним населением, мирно трудящимся, призывает казаков более к хлебопашеству, чем к ратной доблести.[16]

В обществе отношение к казачьим войскам было еще более бескомпромиссно. Литературно-политическая газета «Голос» в 1871 г. поместила заметку, в которой содержалась весьма критическая оценка вышедших к тому времени 5 томов «Сборника правительственных распоряжений по казачьим войскам». Особое раздражение редакции вызывало увеличение расходов на содержание войск, в том числе на управленческий аппарат. Практически ставился вопрос о целесообразности существования казачьих войск вообще: «Нет, конечно, нужды говорить, что эти прибавки вызвались потребностью благоустройства казачьих войск; но когда речь идет о спорном вопросе, о необходимости самого существования этих войск, то естественно возникает дилемма: отягощение государства в пользу силы, которой боевые качества не могут быть совершенны, не есть ли расход малопродуктивный?»[17]

По поводу боевых качеств казачьих подразделений высказывались различные мнения. Так, упоминаемый выше анонимный корреспондент «Русского инвалида», оценивал прошедшие полковые сборы ККВ в 1868 г. как вполне успешные, указывая на несомненные достижения казаков в строевой подготовке, умении маневрировать. В.Кравцов те же сборы, прошедшие в трех округах Черномории и закубанских полках, оценивал как «большой частью весьма удовлетворительные и даже хорошие». Далее автор писал о казаках: «их наступление и отступление с пальбою были живы и проворны, их атаки полковыми лавами, с гиком по казачьему обычаю, отличались стремительностью и быстротой, а при переходе церемониальным маршем, посотенно, рысью и в карьер, лучшего равнения, кажется, на мой взгляд, едва ли и желать нужно».[18]

Почему оценки качества казачьих подразделений отличались? В рассматриваемый период на кавалерию возлагались задачи охраны

войск на марше, глубокая разведка, подкрепление пехоты в наступлении.[19] Все эти задачи как нельзя более лучше могли выполнять казаки. Как представляется, критика казачества исходила из уст столичных обывателей, мало знакомых с казачьим бытом и в выводах своих исходящих их правительственного подхода, заключавшегося в уверенности исчерпания казаками своей миссии. Лично же наблюдавшие казаков в деле, предлагали совершенно иные подходы и взгляды.

Несмотря на все обсуждения казачьих вопросов, законодательство развивалось в соответствии с взглядами чиновников военного министерства, и исходя из правительственных взглядов и государственных интересов. Общее направление в регулировании военной повинности казачьих войск заключалось в облегчении отбывания службы и унификации казачьих подразделений с регулярной кавалерией. Таким образом «казачество сохранило свое существование, но, вместе с тем, были приняты решительные меры к тому, чтобы приблизить быт и устройство этого сословия к тем условиям жизни, в которые было поставлено прочее население империи».[20]

В царствование Александра II произошло значительное сокращение сроков службы. В 1856 г. общий срок службы был сокращен до 25 лет, из которых 22 года приходилось на полевую службу, а 3 — на внутреннюю. В дальнейшем законодательное отделение при УИВ предложило срок службы сократить до 22 лет, из которых бы 15 приходилось на полевую службу, а 7— на внутреннюю. 8 сент. 1863 г. данные предложения были разосланы на рассмотрение командирам отдельного Сибирского корпуса, Оренбургского и Кавказского, генерал-губернатору Восточной Сибири. В ответе на имя военного министра главнокомандующий Кавказской армией писал: «...прошу Ваше Превосходительство исходатайствовать эту милость у Государя Императора и объявить ее одновременно с обнародованием об окончании войны с Кавказскими горцами».[21] 12 июля в Высочайшей грамоте для ККВ в честь покорения Кавказа объявлялось о предполагаемом сокращении сроков службы полевой — до 15 лет, внутренней — до 7. В тот же день данные сроки утвердились специальным указом.[22]

В целом в 60-е гг. XIX в. большая часть правительственных распоряжений была связана с преобразованиями казачьих войск на Северном Кавказе и созданием двух новых войск — Кубанского и Терского. В военном отношении важнейшие распоряжения относились

к порядку формирования строевых частей, изменению значимости родов войск.

В 1861 г. было высочайше указано сводно-иррегулярный дивизион в действующую армию высылать исключительно от ККВ.[23] В этом же году было утверждено положение о Лейб-гвардейских Кавказских Казачьих эскадронах Собственного Его Императорского Величества Конвоя. В соответствии с документом, Лейб-гвардии Черноморский казачий дивизион соединялся с Лейб-гвардии Кавказским казачьим эскадроном собственного е.и.в. конвоя. Состав конвоя образовывали три лейб-гвардейских эскадрона, меняющихся посменно, через два года. В состав эскадрона от ККВ командирится 4 офицера, 13 унтер-офицеров, 123 казака; от ТКВ — 1, 5, 41 соответственно.[24]

Надо отметить, что в законодательстве этого периода полностью отсутствует какая ни будь системность и упорядоченность. Распоряжения издавались исходя из сиюминутных потребностей и выделить общее направление не представляется возможным.

Строевые части бывшего Черноморского и Кавказского линейного войск изменили свои наименования по имени нового войска. Тот есть 1–9-й Черноморские полки стали именоваться 1–9-м Кубанскими полками. Линейцам «повезло» меньше — 1–2-й Кавказские, 1–3-й Лабинские, 1–2-й Урупские, Кубанские, Ставропольские, Хоперские полки стали именоваться по номерам — 10–22-й полки Кубанского войска. То же самое касалось пеших батальонов и артиллерийских бригад.[25]

С водворением за Кубанью новых станиц продолжалось формирование новых полков и бригад. Управление осуществлялось на основании статей положения о КЛКВ. Каждый полк должен был составить отдельный полковой округ с полковым правлением. Соединять полки в бригады предполагалось исходя из интересов кордонной службы.[26] В период с 1861 по 1867 гг. было сделано около десятка распоряжений по перечислению станиц из полка в полк, из бригады в бригаду, по формированию новых полков. За это время в Закубанье было водворено более сотни станиц, сформированы 23–27-й, Абинский и Псекупский конные полки, составившие 7-ю и 8-ю бригады.[27] Однако уже в 1866 г. правления 7-й и 8-й бригад были упразднены, так же как и 22-й и 23-й конные полки. 24-й и 25-й полки образовали отдельные округа с полковыми правлениями, а нумерация полков изменилась следующим образом: 24-му полку присвоен номер 22, 25-му — номер 23

соответственно, 26-му — номер 24 и 27-му — номер 25.[28] То есть новые полки формировались по мере водворения новых станиц. Окончательное же распределение населенных пунктов области по 7 военным отделам и 11 полковым округам состоялось в 1888 г. по приказу по ККВ № 211.[29]

Исключение в смысле системности составляют распоряжения по артиллерийской части войска, в которых видно последовательное стремление к усилению казачьей артиллерии. В соответствии с распоряжением, сделанным в 1861 г., артиллерия ККВ усиливалась за счет 13–14-й батарей бывшего КЛКВ.[30] В этом же году должность командира конно-артиллерийской бригады была упразднена, а командование казачьей артиллерии возлагалось на помощника начальника артиллерии Кубанской области.[31] Как ни странно, уже в 1865 г. должность командира конно-артиллерийской бригады была восстановлена, а должность помощника начальника артиллерии упразднена.[32]

В 1861 г. в целях «единства управления» в ведении начальника артиллерии Кубанской области были переданы все состоящие на Нижне-Кубанской кордонной линии и в пределах Черномории 85 орудий с принадлежностями. Прислугу для орудий планировалось назначать из казаков полевой артиллерии, гарнизонную артиллерийскую роту ККВ — упразднить.[33]

В 1865 г. в полном соответствии с видами правительства на армию вообще, конно-артиллерийские бригады ККВ были переформированы. Все 5 батарей переведены в мирное время в 4-х орудийный состав, предполагающий развертывание в случае военных действий до 8-ми орудийного состава. Для этого предполагалось содержать двойной комплект нижних чинов в мирное время, излишек прислуги — считать находящимися на льготе. На артиллерийские должности предполагалось назначать только лучших казаков, с утверждения наказного атамана. Все льготные части ежегодно призывать на учения с 16 апр. по 1 июня.[34]

Вышеперечисленные мероприятия свидетельствуют как в пользу тезиса о бессистемности в развитие военного законодательства, так и подтверждают тезис об усиленном внимании к артиллерии, как перспективному роду войск.

Одним из важнейших документов данного периода является положение о воинской повинности ККВ, принятое в 1870 г. Данный документ регулировал отбывание воинской повинности казаками в новых исторических условиях. Поголовная служба казачьего войска была отменена. В мирное время ККВ должно было выставять десять конных полков, два пластунских батальона, пять артиллерийских батарей, отдельный дивизион в г. Варшаве, два эскадрона императорского конвоя. В военное время количество полков и батальонов увеличивалось втрое. Не служащие казаки именовались казаками неслужилого разряда и обязаны были ежегодно уплачивать определенный налог в войсковой капитал. По достижению 19 лет все жители войска м.п. обязаны были являться к жеребьевке на службу. Срок службы устанавливался в 15 лет строевой — 1/3 действительной, 2/3 — на льготе; плюс 7 лет внутренней службы. Конным полкам были присвоены наименования: 1 — Таманский, 2 — Полтавский, 3 — Екатеринодарский, 4 — Уманский, 5 — Урупский, 6 — Лабинский, 7 — Хоперский, 8 — Кубанский, 9 — Кавказский, 10 — Ейский (полки второй и третьей очереди именовались 2-м и 3-м полками соответственно).[35]

В 1874 г. было присвоено старшинство ККВ, пластунским батальонам и конным полкам. Старшинство войска устанавливалось по старшинству Хоперского полка — 1696 г.[36]

Практически сразу после введения в действие положения 1870 г. возник ряд вопросов, требующих рассмотрения на местах. В ККВ такая работа была возложена на специальный комитет при наказном атамане под председательством И.Д.Попко. Комитет создавался как постоянно действующий, но со сменяющимся составом, для рассмотрения всех спорных вопросов в ходе масштабных преобразований.[37]

Одним из вопросов, неоднократно обсуждавшихся на протяжении всего пореформенного периода, был вопрос о прохождении казаками службы, в том числе и вопрос об обмене очередями. В 1866 г. по данному вопросу командующий отдельным гвардейским корпусом высказывался резко отрицательно, указывая на то, что подобная практика «приносит вред как самой службе, так и чистоте нравов казаков, редко случается, чтобы казак нанимался по нужде, а большей частью им руководят другие побуждения. Между тем, бросая семью на долгое время, он делается ей совершенно чуждым и, по возвращению домой, вносит в дом, весьма часто раздор, а иногда и разврат. Нередко случается слышать жалобы родителей и жен на разстройство их хозяйств,

вследствие того, что сыновья и мужья покидают их, часто против их желания, нанявшись на службу».[38]

В 1872 г. в комитет при войсковом штабе и наказном атамане рассматривал предложения ГУИВ, по всей видимости продиктованные стремлением искоренить недостатки в порядке отбывания воинской повинности. Комитет предлагал установить 4-летний срок полевой службы с однократным выходом на службу, для этого ежегодно сменять $\frac{1}{4}$ личного состава. Казаков служилого разряда предполагалось разделить на три возрастных ряда. Первый «полковой комплект по возрастам» включал бы 22, 23, 24, 25-летних казаков; второй и третий комплекты — 20, 21, 26, 27, 28 и 29, 30, 31, 32, 33-летних казаков соответственно. В этом случае обмен очередями стал бы весьма затруднителен, а математический порядок в отбывании службы казаками был бы, наконец, установлен.

Комитет при войсковом штабе указывал следующее. В соответствии с положением 1870 г. сроки службы в пределах Кавказского края устанавливаются командующим войсками округа, вне пределов края — военным министром. Данное распределение полномочий по установлению сроков полевой службы опиралось на понимание того, что реальные сроки необходимо устанавливать исходя из реальных военных потребностей, состояния каждого отдельного казачьего хозяйства и множества других случайностей, не видных в столице, но составляющих жизнь реального казака. Смены осуществляются таким образом в соответствии с административными распоряжениями военного министра и главкома, в три очереди, по личным очередям. Льготные казаки делятся на две смены только в силу необходимости разделить «первоочередных» от «дальнеочередных». Таким образом, у местного начальства и самих казаков остается возможность маневра при определении на действительную службу для действительно нуждающихся в отсрочке. При принятии к руководству предложений ГУИВ, не остается никаких возможностей как для законных отсрочек, так и для личного обмена очередями. К тому же, при переводе на льготу сразу пяти возрастов получается избыток казаков, которых следует в таком случае насильственно зачислять в неслужилый разряд с ежегодной платой, что многим просто не выгодно.

В настоящее время сложилась оптимальная система, по мнению членов комитета. Льготные казаки разделены на два комплекта — первоочередной и второочередной (или дальнеочередной). Некомплект в строевых частях пополняется за счет первоочередных казаков,

разделенных на сотни. На их место зачисляются малолетки из второй очереди, имеющие безусловную годичную льготу перед выходом на службу. Вторая же очередь, или «дальнеочередники», пополняются за счет вновь призванных малолетков и выходящих на льготу казаков строевых частей.[39]

Это весьма показательный пример, как столичные власти, не имеющие, или не желающие иметь, представление о положении на местах, стремились к бездумной унификации как казачьих законоположений, так и самой жизни казачества. В основе данных устремлений, как представляется, лежало не стремление к защите интересов казачьего населения, но типичное стремление чиновника к упрощению действительности, видимо, для простоты составления отчетов и документации.

Из документов 60–70 гг. XIX в. следует отметить уравнивание в выплате жалованья офицерам в строевых частях ККВ с регулярными войсками.[40] Эта мера вызвана, по всей видимости, стремлением привлечь к службе в казачьих войсках офицеров, поскольку ощущался недостаток местных кадров. Вообще о местном (точнее — черноморском) дворянстве столичные власти были весьма невысокого мнения. Так члены столичного комитета по пересмотру казачьих законоположений в «главных основаниях» для положения о ККВ писали о черноморском дворянстве следующее: «Большинство из дворян крайне бедно, необразованно, требовательно и неспособно ни к какой полезной деятельности, неспособно даже к казачьей службе... желать надобно, чтобы... явился новый, живой благотворительный элемент, способный внести ... в боевые ряды их иной дух, облагородить их понятия и службу».[41]

Таким образом, естественный источник пополнения офицерских вакансий — местное дворянство — не мог удовлетворить спрос. Поэтому правительство вынуждено было привлекать для службы в казачьих войсках офицеров из регулярных частей. Зачастую в войска шли карьеристы и желающие покрасоваться в красивой форме франты, поэтому качественный состав офицерского корпуса оценивался невысоко.

Итак, в 60–70-е гг. XIX в. основным содержанием в реформировании воинской повинности ККВ стало сокращение срока службы и уменьшение численности казаков на действительной военной службе. Преобладающими в это время стали взгляды на кавказское казачество

как на внутренние войска, утратившие свое боевое значение и по необходимости переходящие в русло мирной жизни. Программы по реформе воинской повинности, системы в принятии законов не было, поскольку сами войска находились в процессе реформирования, армия в целом переживала период изменений. Однако можно выделить несколько существенных моментов. Во-первых, это усиление артиллерии. Во-вторых, стремление к улучшению качественного состава офицерского корпуса. В-третьих, принижение значения казачьих формирований в регулярной армии (проектируемой по европейскому образцу) до роли вспомогательных войск.

Стремление рассматривать историю казачества в контексте общероссийской исторической парадигмы оправдывает себя и в случае с развитием взглядов на казачество как военную силу. Безусловно, всякие воззрения появляются не вдруг, однако перемена во взглядах на казачьи войска, ставшая основой проводимых мероприятий, весьма соответствует общей атмосфере эпохи Александра III.

Прежде чем обратиться непосредственно к развитию взглядов на казачьи войска, необходимо сказать несколько слов об изменениях в организации армии в целом. При Д.А.Милютине корпусная организация армии была заменена военно-окружной. При такой организации в округе высшим войсковым соединением стала дивизия, низшая тактическая единица — батальон. Предполагалось, что такая организация армии будет максимально близкой к полевому устройству армии в военное время. Существенными недостатками данной системы являлось отсутствие связи между родами войск, что лишало командиров возможности отработки единых оперативных и стратегических задач, но самое печальное заключалось в том, что высшие командные кадры не получали в мирное время опыта управления крупными военными соединениями.[42]

Кн. А.М.Барятинский возглавил часть генералитета, недовольного реформами Д.А.Милютина. С трудом военный министр отстоял существующий порядок управления войсками, однако уже в 1876 г. вернулись к корпусной системе.[43] Корпус включал в свой состав 2 пехотных дивизии, 1 кавалерийскую дивизию, саперный батальон, летучий парк. Кавалерийская дивизия в 1-м и 2-м Кавказских корпусах, восстановленных в 1878 г., состояла из двух кавказских бригад по два полка и двух конно-артиллерийских батарей.[44]

Итоги русско-турецкой войны 1877–1878 гг. выявили существенные недостатки в использовании кавалерии, численность которой была мала, отсутствовала единая тактическая организация, что делало невозможным использование в полной мере боевой мощи казачьих частей. Полки прикомандировывали к армейским корпусам, что приводило к дезорганизации кавалерийских дивизий, которые могли в составе бригад выполнять самостоятельные боевые задачи.[45] Как представляется, столь бездарное использование кавалерии и казачества стало прямым следствием предшествующего периода, когда казачество не рассматривали как реальную боевую силу, а как вспомогательные подразделения.

Переосмысление роли кавалерии привело к росту численности кавалерийских частей. В 1863 г. численность кавалерии составляла 71.648; затем последовало значительное сокращение в 1869 г. — 59.334, а в 1870 г. — 59.076. Однако уже к 1879 г. численность кавалерии возросла до 80.041 и на протяжении двадцати лет оставалась на уровне 70–80 тыс.[46] Помимо того, увеличивалась боевая мощь отдельных подразделений. Так полки доводились до шестисотенного состава — находящиеся на службе в 1895 г., льготные в 1905 г. Так же возросло число полков, выставляемых ККВ в мирное время. В 1889 г. сформирован еще один первоочередной полк — Черноморский, а в 1890 г. были добавлены полки второй и третьей очереди.[47]

Вполне очевидно, что с изменением понимания значения кавалерии должно было измениться и отношение к казачеству. Несмотря на огромные траты (210–214 млн. руб. ежегодно), финансирование армии было недостаточным для ликвидации отличий от передовых армий Европы. В этих условиях относительная «дешевизна» казачьих войск стала одним из факторов к пересмотру взглядов на «ценность» казаков как военной силы.

Помимо общеармейских изменений, ситуация на Северном Кавказе требовала отказаться от иллюзий «полного умиротворения». А.М.Дондуков—Корсаков, несомненно прекрасно осведомленный о ситуации в крае, писал в 1883 г. следующее: «...да и само умиротворение края, как оказалось, было достигнуто далеко не вполне и потому многие из мер гражданского характера явились резким противоречием бытовым особенностям казачества, внесли неопределенность отношений войсковых сословий к властям и часто не только не улучшали, а, напротив, разстраивали благосостояние казачьих общин».[48]

По мнению А.М.Дондукова-Корсакова, «ненормальное положение» кавказских казачьих войск было вызвано рядом правительственных мер в последние 15–20 лет, которые имели своими последствиями «не только разстройство экономического быта казаков, но и утраты тех воинских качеств этого славного войска, составляющих неоценимую государственную силу в военное время».[49]

Командующий войсками ратовал за возрождение казачества как реальной военной силы. В предыдущей главе упоминался комитет в г. Тифлисе под председательством Г.А.Леонова, который пришел к следующим выводам о причинах упадка «духа и военных качеств» казачества: а) смешанная система военного и гражданского управления, с преобладанием гражданской администрации; б) ослабление прежних патриархальных отношений казаков в станицах и военной дисциплины среди них, вследствие чрезмерного наплыва в станицы иногородних и устранения войскового начальства от наблюдения за станичными правлениями.[50]

Конечно, не все винили в утрате боевого духа казаками иногородних. Так, действительный статский советник Бутыркин, указывал, что «...ослабевание военного духа не есть ли естественное следствие отсутствия перед ним (казачеством — А.М.) неприятеля?»[51]

Интересно отметить, что сами казаки прекрасно осознавали, прочувствовали процесс угасания военного начала в своей среде. Подтверждением этому тезису могут служить тревожные заметки в «Казачьем вестнике» (печатный орган казачьих войск) о необходимости принятия мер по поддержанию боевых качеств. В марте 1883 г. появилась статья под псевдонимом «Кубанец». Автор указывает на угасание воинского духа, вырабатывавшегося в течение последних 80 лет у кубанских казаков. Причины просты: «Раздвоение власти в Кубанском войске и подчинение казачьего населения гражданскому ведомству уронило цену военного начальства перед казачьим населением и вредно повлияло на служилую массу, относительно военного рвения». Казаки стали относиться антипатично ко всему военному, даже наездничеству. Теперь за исправного казака необходимо бороться как за рекрута. За время реформ материальная сторона не улучшилась, а нравственная пошатнулась.[52]

Подтверждением изменившегося отношения к службе как нельзя лучше служит проект наказного атамана ККВ, предлагавшего присвоить право

высылать на внеочередную службу казаков порочного поведения и ведущих праздный образ жизни. Однако начальник ГУКВ генерал-лейтенант Богуславский отказал, мотивируя это тем, что до сих пор на службу был взгляд как на почетную обязанность, а не как на наказание.[53] То есть на местах служба уже не рассматривалась как честь, но как наказание. Ведь не случайно атаман выбрал как дисциплинарную меру отправку на действительную службу. Однако 30 нояб. 1882 г. право высылки казаков порочного поведения на службу или в отдаленные места было предоставлено наказного атамана Донского войска и в скоре распространено на кавказские казачьи войска на 5 лет. Впоследствии срок продлевался.[54]

К мерам по поддержанию воинской дисциплины и уважения к казачьей службе следует отнести присвоение в 1900 г. Войсковому наказному атаману кавказских казачьих войск права производить в приказные и урядники отставных казаков и лишать такового звания. Цель такой меры помимо поощрения отставных казаков заключалась в том, чтобы «поставить урядничье звание, пользующееся в населении казачьих войск большим почетом, в такие служебные условия, которые обеспечили бы требования чинопочитания и дисциплины».[55]

Пафос необходимости сбережения казачества от полного перехода в состояние податного сословия пронизывает другую заметку, посвященную недостаткам льготного состояния казаков. Автор указывает на необходимость значительного внимания к военной подготовке казаков на льготе.[56]

Именно процессы расказачивания, обусловленные изменениями социальной структуры страны, экономики, в которой под влиянием развивающегося капитализма все меньше места оставалось для любых феодальных сословий и феодальных отношений, породили своеобразный феномен научно-популярных изысканий в области казачьей истории, оценке тактических свойств казачьих подразделений. Авторы подобных трудов пытались в героическом свете подать военное прошлое казаков, оценить возможности использования казаков в условиях современной войны.[57] Безусловно, возможности плодотворного использования казачьих подразделений сохранялись еще значительное время, однако общая тенденция к кардинальной перемене характера войны, роли и значения родов войск наметилась уже в конце XIX в., а отчетливо проявилась в ходе империалистических войн начала XX в.

Одной из важнейших проблем, с которой столкнулись казачьи войска в период конца 70-х — 80-е гг. XIX в., стала трудность полноценной комплектации строевых частей. Проблема облегчения воинской повинности, как уже указывалось выше, стала одной из центральных для высшего командования и управления казачьими войсками. В 1879 г. в ГУКВ вновь рассматривался данный вопрос. В частности, члены управления отмечали, что по существующему положению в военное время кубанцы должны выставить 35.019 чел., а численность казаков в возрасте от 21 до 35 лет — 36.043 чел. Таким образом, в случае военных действий, казаки Кубани должны будут выставить 97% от числа служилого возраста. Практически всех, без предоставления льгот на законных основаниях. На 1879 г., даже с прекращением перечисления части казаков в неслужилый разряд, понадобится около 10 лет для значительного увеличения численности казачьего населения.[58]

В апреле-мае 1879 г. наказной атаман ККВ находился в столице и внес на рассмотрение в ГУКВ некоторые предложения, с учетом мобилизационных возможностей казаков призывного возраста, не превышающих 4.500 чел в год. Во-первых, сократить срок службы казакам до 3 лет (вместо 5—7 в настоящее время). Во-вторых, сократить количество сотен в полках до четырех. В-третьих, сократить число батарей до шести. На случай европейской войны для быстрой мобилизации постоянно содержать кадр второочередных полков для быстрого развертывания.[59]

ГУКВ считало возможным привести в исполнение данные предложения. Однако наместник Кавказский вел. кн. Михаил, указывая на то, что «...каждая из существующих частей имеет за собой известные исторические и боевые традиции, так и в виду установившейся уже нормы для формирования частей на время войны», не посчитал возможным принять предложения наказного атамана ККВ и ГУКВ.[60]

Следовательно, к 80-м гг. XIX в. для выполнения военных обязанностей у кубанских казаков не хватало мобилизационных возможностей. Воинская повинность стала обременительной, ведь очевидно, что совместить продуктивное ведение хозяйства в условиях развивающегося капитализма и отбывание обязанностей по отношению к государству, практически невозможно.

Однако необходимость заставляла искать способы облегчения воинской повинности. При ГУКВ в 1879 г. была создана специальная комиссия для рассмотрения возможности применения в кавказских казачьих

войсках положения о воинской повинности для Донского войска. Комиссия пришла к заключению о необходимости сокращения срока службы, возрастания возрастной планки выкомандирования в войска до 23 лет, разработки порядка распределения в конные полки и пластунские батальоны уже на момент зачисления в приготовительный разряд.[61]

Материалы комиссии были обобщены в специальном докладе по ГУКВ с проектом изменения порядка комплектования строевых частей ККВ и ТКВ в 1881 г. Согласно документу предполагалось, помимо вышеуказанных изменений, провести более четкое разделение районов комплектования строевых частей с указанием станиц. При таком подходе из наиболее беднейших закубанских и станиц нагорной полосы можно комплектовать исключительно пешие части. Так же были разработаны предположительные штаты строевых частей в мирное и военное время.[62]

Итогом этой работы стало принятие в 1882 г. «Положения о военной службе казаков Кубанского и Терского казачьих войск». Служилый состав войска делился на три разряда — приготовительный, строевой и запасной. В приготовительном разряде казаки находились три года, в течение которых освобождались от всех натуральных и денежных повинностей и обязаны были все приготовить для выхода на службу.

В строевом разряде казаки обязаны были прослужить на действительной службе четыре года — еще 8 числились на льготе. На казаках запасного разряда лежала обязанность содержать в исправности снаряжение и обмундирование, строевую лошадь (кроме казаков третьей очереди), в котором казаки находились 5 лет. Общий срок службы — 20 лет. Войско выставляло в мирное время два эскадрона Л.-гв. Собственного е.и.в. конвоя; десять конных полков шестисотенного состава; один конный дивизион (в г. Варшаве); два пластунских батальона; десять кадров второочередных конных полков; пять конно-артиллерийских батарей четырехорудийного состава. В военное время: два эскадрона конвоя; тридцать полков шестисотенного состава; один конный дивизион; шесть пластунских батальонов; пять конно-артиллерийских батарей шестиорудийного состава.[63]

В 1886 г. начальник окружного штаба войск Кавказского военного округа предложил генерал-адъютанту А.М.Дондукову-Корсакову представить соображения по формированию в ККВ новых пеших пластунских батальонов.[64] Вскоре число батальонов было увеличено

до четырех в мирное время, в военное — до двенадцати.[65] 23 марта 1889 г. приказом по военному ведомству № 73 было объявлено о формировании еще одного конного полка в ККВ — Черноморского № 1.[66]

В 1883 г. было определено число и штаты местных команд для внутренней службы в войске. Семь команд (Усть-Лабинская, Лабинская, Баталпашинская, Кавказская, Ейская, Майкопская, Темрюкская — вскоре вместо последних четырех — Прочноокопская, Уманская, Крымская, Отраденнская) обязаны были нести караульную службу, конвойную и охранную на территории области.[67]

Необходимо отметить особое внимание к обучению призывных казаков и поддержанию военного образования в войске. Уже в 1867 г. было утверждено положение о Кубанском казачьем учебном дивизионе. На дивизион возлагалась задача систематического обучения казаков и офицеров строевой службе, наездничеству, джигитовке, умению обращения с оружием, развитию воинской дисциплины. Помимо того, на инструкторов возлагалась обязанность контролировать качество снаряжения призывников на летних сборах.[68]

Как указывалось выше, положение 1882 г. предусматривало применение к казакам Кавказских войск правил для обучения казаков приговорительного разряда Донского войска. Указанные правила предполагали обучение в станицах и хуторах в зимний период и в лагерных сборах в весенне-летний период. Обучение начиналось осенью второго года приговорительного разряда и продолжалось весной третьего года. Зимние учения имели продолжительность в 24 дня и за один раз казаки не могли задерживаться на обучении более чем на неделю, летние сборы в 21 день не прерывались. Приоритет в обучении отдавался верховой езде, стрелковым упражнениям и умению владеть холодным оружием.

Казаки обязаны были изучать следующие предметы: а) правила стрельбы в цель из винтовки и стрелковые упражнения, навыки обращения с огнестрельным оружием; б) пешему и конному строю; в) развитие удалства и наездничества, а именно — вскакивание и соскакивание с лошади на карьере, перепрыгивание с одной лошади на другую, доставание вещей с земли на скаку и проч., а также стрельба с лошади на скаку; г) ознакомление с воинской дисциплиной и чинопочитания и с обязанностями часового.[69]

В инструкции для занятий казаков в зимний период, использовавшейся в ККВ, занятия распределялись следующим образом. 24 учебных дня делились на четыре недели по шесть дней. Ежедневно для занятий отводилось по шесть часов с 10 утра до 16 часов дня. При этом указывалось на необходимость чередования теоретической и строевой подготовки — по 2 часа. Обоснование такому подходу — в трудности длительного сосредоточения внимания на изучении теории. То есть в процессе обучения использовались достижения педагогической мысли, присутствовало стремление сделать учебный процесс результативным и не слишком утомительным. Хотя на практике зачастую преподаватели в станицах, в основном из отставных урядников, относились педагогическому процессу с некоторой долей индеферентности и формализма.

В течение первой недели казакам следовало выучить основные молитвы, наименование своей части, изучить войсковые и полковые знамена, знаки отличия, обмундирование. Так же необходимо было выучить титулование государя-императора, правильное титулование и обращение к начальству. Помимо этого, казакам давали представление о воинской дисциплине, объясняли суть и значение присяги и долг казака по отношению к государю и отечеству. Призывники получали представление о пределах власти должностных лиц, то есть фактически изучали то, что в современной армии носит наименование общевоинского и дисциплинарного уставов. В течение второй недели обучения происходило ознакомление с условиями и сроками службы. Казаки изучали устройство и правила ухода за стрелковым оружием, обучались приемам и строевым упражнениям с винтовкой, а так же овладевали навыками владения холодным оружием. На третьей неделе полученные знания по матчасти углублялись и закреплялись, происходило обучение действиям в конном и пешем строю. Так же изучались обязанности и права часового, караульного. Четвертая неделя отводилась изучению правил гарнизонной службы, обязанностей при несении сторожевой службы. Казаков обучали правильному уходу за конями, скачке и рубке лозы на скаку.[70]

Летние сборы в основном посвящались практическим навыкам в стрельбе, умению действовать в пешем и конном строю.[71]

Само появление подобных программ для обучения казаков было тревожным сигналом, свидетельствующем о действительном упадке казачества как самобытной и грозной военной силы. Совершенно абсурдна сама мысль о возможности научить лихости и удалству, то

есть быть казаком. По всей видимости выводы современников о переходе кавказского казачества в разряд внутренних войск, способных к выделению переселенцев, но не постоянной военной службе, были весьма недалеки от истины. Естественно, что казаки еще длительное время представляли из себя вполне боеспособное население, но тенденция наметилась к угасанию воинского начала.

Место казачьих частей в кавалерии было в некотором смысле двойственным и неопределенным. Эта двойственность проистекала из различных причин — разнородности вооружения, тактики ведения боя, боевым навыкам. С одной стороны происходило сближение казачьих подразделений с общевойсковыми кавалерийскими подразделениями. Это проявлялось в распространение на казаков действия строевых кавалерийских уставов, то есть унификации тактики ведения боя. С другой стороны, все же для казачьих частей были сделаны исключения, обусловленные историческим прошлым и опытом. Так казачьим частям предписывалось действовать лавой. Такой строй использовался для атаки, для маневрирования «...и вообще в тех случаях, когда имеется в виду, избегая столкновения с противником в сомкнутом строю, утомить его постоянными тревогами, действуя с фронта и против флангов, или вызвать его на действия разрозненные или на одиночный бой, в котором казаки при одиночном ловком наездничестве и ловком владении оружием, могут иметь преимущество перед регулярными кавалеристами, более привычными к действию в сомкнутом строе, чем к одиночному единоборству». [72]

Спешивание для казаков предполагалось избегать всеми силами и лишь в случае крайней необходимости, при условии отсутствия угрозы нападения неприятеля на коноводов. Еще менее следовало казаком прибегать к оборонительному спешиванию в кругах, поскольку на успех обороны в таком случае можно рассчитывать исключительно против нестройной конной толпы.[73] Данный фрагмент отражает традиционную тактику защиты против внезапного нападения горцев на казачий строй. Однако составители устава признают полезным практиковать подобное спешивание для того, чтобы «поддержать в них (казаках — А.М.) самобытный и достойный подражания способ драться и умирать в самых безвыходных положениях...».[74]

К сожалению в регулярной кавалерии не спешили перенимать во многом уникальный опыт, веками накапливаемый казаками. К примеру, при усиленном спешивании кавалеристы разбивались на шестерки и пятеро занимали позицию, а шестой держал в поводу коней своей

шестерки. Казаки же использовали иной способ спешивания, позволяющий задействовать весь личный состав. При таком способе спешивание производилось с батованием коней, то есть когда лошади первых шеренг разворачивались кругом и лошади задней шеренги подавались на полкорпуса вперед, чтобы головы находилась на уровне седел. После взаимного закрепления поводов через подпруги за луки седел, казачьих коней можно было оставлять без присмотра, не опасаясь не найти их на оставленном месте.

Таким образом в 80–90-е гг. XIX в. в отношении казачьей службы видны две тенденции. Первая заключалась в поиске способов облегчения воинской повинности. Особенных успехов в этом направлении не удалось достичь, что обуславливалось в том числе изменением отношения к кавалерии. В связи с этим происходил пересмотр взглядов на казачьи войска как составную часть кавалерии в рамках общегосударственного усиления кавалерийских частей. В этой связи увеличивается количество полков, которые сводятся в крупные объединения — дивизии и бригады, так же увеличивается численность самих полков. Появляется необходимость в обучении казаков приговорительного разряда, что свидетельствует о негативном влиянии на боевые качества мирной жизни в отсутствии непосредственного соприкосновения с неприятелем. В процессе обучения присутствовало стремление сохранить некоторые традиционные навыки наездничества, а в общей тактике ведения боя казачьим частям навязывались общеармейские нормы. Традиция сохранялась в отдельных элементах, однако, как представляется, использование традиционной тактики казачества, более привыкшего к неожиданным рейдам, засадам, преследованиям противника с изматыванием последнего было бы более продуктивно (более подробно об участии в военных операциях ниже).

Необходимо отметить, что в указанное время усиливается внимание к казачеству со стороны лиц царской фамилии. И.Я.Куценко указывал на стремление создать из казаков верную опору трону, оплот существующего режима.[75] Действительно, знаменательны слова императора Александра III, произнесенные на торжественном круге 22 сент. 1888 г. во время посещения Кубани: «Я счастлив, кубанцы, что вместе с Императрицею и Наследником приехал к вам. Мне это желательно было давно и, наконец, удалось я уверен, что вы будете служить и Отечеству и своим Царям, как прежде служили, а молодежь кубанская — также храбро и честно, как и старшины».[76]

Подчеркнуть особое значение казачества для империи и императорского дома должны были пышные празднества 200-летия Кубанского казачьего войска. Программа разрабатывалась заранее, утверждалась в Санкт-Петербурге. Приготовления эти носили изрядный оттенок театральности и наигранности. К примеру, планировалось пригласить «почетного старика станицы Баталпашинской» командующего императорской главной квартирой Оттона Борисовича Рихтера.[77] Присутствие такого рода «свадебных генералов» должно было служить подтверждением «ценности» казачества для государства.[78]

Конечно нельзя утверждать, что отношение к казачеству было исключительно потребительское. Иногда чиновники проявляли настойчивость в поощрении отличившихся казаков. Так в список награждаемых особой памятной медалью за службу в конвое, был включен урядник лейб-гвардейской 1-й Кубанской казачьей сотни Михаил Беляков, несмотря на то, что список награждаемых был составлен, утвержден и закрыт. К сожалению, медаль не понадобилась, так как казак к тому времени скончался.[79] Впрочем, такие случаи скорее исключение, чем правило.

К концу XIX в. наиболее значимые проблемы казачества, требующие немедленного разрешения, уже обозначились со всей очевидностью. В материалах для составления проекта нового положения об императорском конвое сохранилась анонимная записка «Наболевшие казачьи вопросы, нужды и мысли». Точно датировать документ невозможно, однако судя по соседним документам, составлен он был в 1900–1902 гг. Автор указывает на следующие «язвы» казачьих войск и необходимые меры: а) ввиду всеобщего обнищания казаков необходимо субсидировать покупку строевых лошадей при выходе на службу в размере 120 руб., с тем, чтобы купленные лошади считались войсковым имуществом. Для реализации предложения необходимо обложить неслужилых казаков особым налогом, в размере половины суммы. По окончании службы кони перечислялись бы в войсковые табуны, депо; б) сравнивать казачьих офицеров с драгунскими при производстве их из сотников в подъесаулы и есаулы; в) приложить максимум усилий для поднятия степного коневодства, для чего образовать конское депо; г) ввиду особой важности при мобилизации и выходе на действительную военную службу проверки качества снаряжения и обмундирования казаков, назначать атаманов отделов исключительно из бывших командиров первоочередных полков; д) выделить казачьи полки из состава кавалерии и образовать казачьи дивизии как передовую кавалерию вторжения. Пребывание казачьих подразделений в составе

регулярной конницы приводит к эксплуатации казаков драгунами. Казаков посылают в рейды, разведки, посыльными, так как они «способнее к этой службе, а лошади у них собственные и привычные». Поэтому к окончанию маневров казачий конный парк измучен и заморен; е) увеличить норму офицеров на полк шестисотенного состава, сравнив с драгунскими шестиэскадронными полками. При 23 офицерах на полк, когда 2–3 в отлучке и несколько больных, после замещения всех должностей остаются свободными не более шести младших офицеров. В такой ситуации невозможно эффективное командование и работа с личным составом; ж) необходимо не увольнять на льготу строевых офицеров. В настоящее время в первый год офицер только учится служить, второй год начинает службу «понимать», и лишь на третий действительно служит. А четвертый год — готовится к отправке домой. При таком положении вещей казачьи офицеры забывают строевые знания, грубеют и не знают вверенных частей. Необходимо увеличить разницу в содержании льготных и находящихся на службе офицеров, что сделает службу привлекательной; з) необходимо изменить порядок комплектации полков, отправляющихся на действительную службу. За четыре месяца сборов — с февраля по июль — невозможно сплотить часть в крепкую боевую единицу, достигнуть слаженности, поскольку молодое пополнение прибывает несвоевременно; и) полки должны быть легкими и подвижными, поэтому колесный обоз следует заменить вьючным. Подобный опыт провел командир второй бригады ген.-майор Вышеславцев на двухмесячных летних сборах — результаты были прекрасны. Так же необходимо изменить седла и вьючные мешки, не меняющиеся со времен «Чингиза и Тамерлана», заменить полушубком ватный бешмет, крайне неудобный и холодный; к) командование сотнями доверять только есаулами, прошедшим кавалерийскую школу. Вообще не жалеть денег на строевое образование, верховую езду и джигитовку, стрельбу. [80]

Обобщив вышеперечисленное, можно выделить следующие казачьи проблемы. Крайняя затруднительность приобретения «справки» при выходе на службу, использование казачьих частей для наиболее трудоемких поручений, необходимость улучшения конского парка, низкое качества офицерского состава, недостатки в обмундировании. Как видно из предыдущего изложения, указанные проблемы накапливались на протяжении всего пореформенного периода.

В 1901–1902 гг. при ГУКВ была создана очередная комиссия под председательством генерал-лейтенанта Газенкампа для обсуждения

вопросов об уменьшении тягости воинской повинности. В работе комиссии принимали участие представители ГУКВ — генерал-лейтенант Королев, генерал-майоры Гарф, Романенко и Фатеев, полковники Соловьев и Григорьев; от главного штаба — генерал-майор Лашкевич; от управления генерал-инспектора кавалерии — подполковник Эрдели; от главного интендантского управления — статский советник Жебровский; представители от войск (от ККВ присутствовал полковник Богданович). Обсуждались вопросы предоставления безусловной льготы единственным работникам в семье, отмены учебных сборов полков третьей очереди и ограничение одним сбором полков второй очереди, предоставления права атаманам отделов разрешать отлучки казакам на год. Так же решались второстепенные вопросы, такие как утверждение программы обучения казаков приговорительного разряда перед выходом на службу.[81]

Сам перечень основных вопросов свидетельствует либо о непонимании, либо о нежелании понимать того факта, что косметическими мерами казачьи проблемы не удовлетворить. Почему столь тягостной стала служба, если ранее черноморцы и линейцы служили чуть не пожизненно и поголовно? Возросла стоимость снаряжения, в основном из фабричных вещей, удовлетворяющего требованиям регулярной кавалерии, в составе которой служили казаки. Уже в 1879 г. в обмундировании казака кустарного производства были только газыри, бурка, папаха и седло с прибором.[82] С расширением запашек не осталось места для степного коневодства, что привело к сокращению конского поголовья, что, вкуче с ужесточением требований к качеству, привело к непомерно высокой цене строевого коня. В целом процессы развития капитализма, расширения товарного производства, перехода к потребительскому обществу — капиталистическому, приводили к разрушению патриархальности, возрастанию запросов и удорожанию жизни. Те же процессы неизбежно разрушали сословные ограничения, что неизбежно приводило к уничтожению казачества как военного сословия. Б.Б.Игнатъев указывал, что причиной упадка казачества было то, что «воспитанное на традициях военной службы, (казачество — А.М.) оказалось еще не подготовленным к условиям гражданского быта».[83] Как представляется, казачество могло весьма успешно справиться с «трудностями» гражданского быта, только вот правительство не было заинтересовано в окончательном «расказачивании» своей военной силы и поддержки трона. Амортизационные возможности системы еще далеко не были исчерпаны. Для этого потребовалось четыре года войны, десятилетие

подрывной деятельности думы и несколько десятилетий разрушительной деятельности радикалов.

Все более часто проявлялось недовольство необходимостью участвовать в лагерных сборах. Так в «Военном сборнике» (! — органе печати военных) в 1901 г. появилась статья М.Григорьева, в которой автор указывал на крайнюю обременительность сборов, которые «ложатся довольно тяжело на казачье население в экономическом отношении».[84] Действительно, три-четыре недели в страду могут просто выбить хозяйство из графика сельскохозяйственных работ при отсутствии работника, либо потребовать расходов на найм рабочей силы, что не каждому хозяйству было доступно.

Хотя автор указывает на необходимость сохранения приготовительного разряда с некоторыми изменениями, однако сам тон статьи свидетельствует о значительной корректировке в системе ценностей, в которой материальные интересы стали выше любой воинской чести, удалства. Конечно, нельзя утверждать, что такие воззрения были присущи абсолютному большинству казачества, но сама постановка вопроса в таком ключе весьма показательна. Эти факты свидетельствуют, что мнение некоторых исследователей о присущем всему казачеству некоем особом «государственном самосознании», привычке «брать на себя большие функции, чем им были отведены государством» нуждаются в критическом осмыслении.[85]

Русско-японская война породила всплеск интереса к проблемам армии вообще, казачьих войск в частности. Б.Б.Игнатьев, проанализировав работы П.Н.Краснова, П.Свешникова, В.Усова, А.Свечина, В.Буляковского, Ф.Гершельмана, посвященные непосредственно участию кавалерии в военных действиях, сделал следующие обобщающие выводы. Все проблемы, указанные в записке Анонима еще в 1901–1902 гг. (см. выше), весьма ярко проявились в ходе войны. Во-первых, в большинстве случаев (исключение — Уральское войско) ощущалась нехватка офицерского состава, что приводило к доукомплектованию офицерами не знакомыми ни с личным составом, ни с тактикой ведения боя казачьими частями. Во-вторых, у казаков были весьма низкого качества лошади, низкорослые и малосильные. Казачьи части были вооружены очень разнородно, и зачастую не было возможности обеспечить боеприпасами сводные отряды. В-третьих, огромный казачий обоз сводил маневренность и мобильность к минимуму. Таким образом, необходимо было ликвидировать существующие различия между казачьими и регулярными частями;

создать предпосылки для возможности командования казачьими подразделениями при любых обстоятельствах, то есть опять задача полной унификации; наладить снабжение и обеспечить вооружение за счет государства. Если же казачьи полки не встанут в вопросах тактики, вооружения и снаряжения наравне с драгунскими полками, то боевая мощь их будет снижена.[86]

Вполне очевиден вывод, что при подобном развитии событий, казачьи войска как самостоятельная боевая сила просто исчезнут. Таким образом, «приговор» казачеству как военной силе был вынесен — условия современной войны не позволяют существовать казачьим подразделениям в неизменном виде. Были и более радикальные мнения. Некоторые, как упоминавшийся выше г-н Новицкий, предлагали вообще упразднить ГУКВ и сами казачьи войска за ненадобностью.

Естественно, правительство не могло себе позволить роскошь отказаться от дальнейшего использования казачества в военных и полицейских целях. Поэтому период между русско-японской и первой мировой войнами был наполнен мероприятиями по приведению казачьих частей в приемлемый для современной армии и войны вид. Задача эта была крайне сложной и не была решена в полной мере к 1914 г., как и в целом не были закончены военные реформы.

Помимо чисто военной необходимости сохранения казачества, ему отводилась не менее важная роль внутреннего стража порядка. Интересна в этом отношении заметка П. Орлова «Казачьи вопросы». Автор пишет: «...и имя «казак» еще грозно звучит как для внешних врагов, так и внутренних. Крепко помнят эти последние грозное имя «казак» и изо всех своих сил стараются стереть с лица земли, изжить со света белого ненавистное им сословие и в средствах, приемах для достижения этого они не стесняются ... напустив в однородную семью казачества, в этот один из важнейших органов России, в этот оплот государства, евреев, армян, и прочих инородцев, среди которых слышаться свои речи, речи противные речам казачества, которых интересы противны интересам не только казачества, но и всей России, которым казачество поперек горла стоит, как стоит на свете Божьем и сама Русь Самодержавная».[87] Статья эта — крик умирающего казачества: «Надо побольше стойкости, побольше глубины сознания грозящей опасности от земщины, от инородчины!»[88]

Данная статья лишний раз подтверждает, что будущего для казачества как сословия не было в капиталистической России, что интуитивно

чувствовали современники. При этом гораздо больший интерес вызывает то, что автора уже не смущает роль казачества как полицейской силы. Мало того, он чуть ли не гордится ролью казаков в усмирении «внутренних врагов»!

Таким образом, говоря о развитии взглядов на казачество и воинской повинности во второй половине XIX — начале XX вв. можно сделать следующие выводы. Период стремления сблизить казачество с гражданским населением и взглядов на кавказское казачество как на войска внутренние, уже потерявшие боевое значение, довольно быстро исчерпал себя. Необходимость реформирования армии осложнялась значительными финансовыми трудностями, что подталкивало правительство к более широкому использованию казачьих частей как в военное время, так и в мирное для кордонной службы, так и для наведения внутреннего порядка. Начиная с 80-х гг. XIX в. правительство предпринимает ряд мер по сословной изоляции казачества и недопущению полного слияния казаков с податными сословиями. Происходит изменение самого характера службы, все больший удельный вес занимают полицейские функции, усиливается внимание к казачеству как опоре самодержавия, принимаются меры по поддержанию в казачьей среде строевого образования и наездничества.

Несмотря на усилия правительства, казачьи войска все менее и менее становятся способными к выполнению службы наравне с регулярной кавалерией. Причины этому были как социально-экономические (дороговизна лошадей и обмундирования), так и военные (некачественный офицерский состав, трудности в комплектовании частей, недостатки общего командования и нецелесообразное использование возможностей казачьих подразделений).

Меры правительства по облегчению воинской повинности носили косметический характер, тогда как причины упадка казачества лежали в области протекавших социально-экономических процессов и связанных с развитием капитализма структурных изменениях российского общества.

2.2. Участие в войнах, конвойная, внутренняя служба и другие повинности кубанских казаков

В советской историографии за казачеством утвердилось наименование «полупривилегированное сословие». Как представляется, данное определение совершенно не отражает реального положения вещей. Как известно, причиной для подобного наименования, послужило казачье землевладение и некоторые привилегии — освобождение от рекрутской повинности и государственных податей. Поскольку землеобеспеченность казаков была несопоставима с земельными наделами крестьян, особенно в центральных губерниях, делался вывод о большей зажиточности казачества, кулацкой его сущности.

Конечно, казаки обладали рядом безусловных льгот. Так, например, казаки имели право на довольствие солью из войсковых соляных озер из расчета два пуда на душу.[89] Так же каждый казак, вне зависимости от чина, имел право на заведение двух рыболовных заводов с уплатой соответствующего сбора с пойманной рыбы.[90] Однако, как представляется, абсолютная величина этих «привилегий» была весьма невелика, к тому же не каждый казак мог воспользоваться правом заведения завода.

Оценки роли льгот в историографии различны. М.Лола считал, что привилегии не имели существенного значения для казачества.[91] Тогда как Н.Л.Янчевский наоборот, указывал на значительную роль льгот в жизни казачества.[92] Эту точку зрения разделяли практически все советские исследователи. Не призывая к кардинальному пересмотру выводов историков советского периода, во многом не потерявших актуальности до сегодняшнего дня, необходимо рассмотреть положение казачества в сопоставлении с выполняемыми повинностями и службой. При таком подходе можно будет получить представления о том, насколько в действительности положение казачества отличалось от положения крестьянства и действительно привилегированного сословия — дворянства.

Итак, обязанности казачества можно разделить на следующие категории. Отбывание воинской повинности — выставление определенного числа частей в мирное и военное время, служба в пределах Кубанской области и вне нее. К военной службе очень близко примыкала повинность по заселению окраинных территорий империи. Помимо вышеперечисленного, казаки неслужилого разряда выплачивали ежегодно 15-рублевый налог в пользу войска. Этот же

сбор выплачивали с 21 года казаки-призывники, освобождаемые от него на время нахождения в приговорительном разряде, способные к труду, но не способные к службе.[93]

Также казаки выполняли ряд натуральных повинностей. В соответствии с Положениями о ЧКВ и КЛКВ казаки обязаны были выполнять почтовую повинность (в ЧКВ деньгами за счет войсковых сумм); содержать почтовые станции; при продвижении войск — обеспечивать постои, подводы и прокорм войскам; содержать дороги, мосты и переправы; сопровождать арестантов; в ЧКВ — обеспечивать дровами присутственные места.[94] Развитие законодательства в отношении о воинской повинности рассматривалось в предыдущем параграфе. Здесь же целесообразным будет рассмотреть непосредственное участие казаков в отбывании воинской повинности, которую можно условно разделить на участие в войнах, действительную военную службу на кордонах и в отдаленных местностях, конвойную службу, полицейскую и службу внутреннюю. Деление это весьма условно и преследует цель добиться большей ясности при рассмотрении особенностей отбывания казаками воинской повинности.

С момента создания и до начала первой мировой войны Россия участвовала в двух крупных военных конфликтах: русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и русско-японской войне 1904–1905 гг. В этих войнах так же участвовали казаки ККВ. В данной работе не анализируются подробно боевые действия (участие кубанцев в военных действиях отражено в «Приложении 2»), однако следует остановиться на некоторых моментах, касающихся особенностей использования казачьих подразделений в составе регулярных армейских подразделений.

В русско-турецкой войне 1877–1878 гг. для кубанского казачества традиционно основным стал кавказский театр военных действий, второстепенный для основных сил русской армии. В Закавказье были отправлены 1-е Ейский, Кавказский, Кубанский, Полтавский, Уманский, 2-й Хоперский конные полки, одна сотня 7-го пластунского батальона и две конно-артиллерийские батареи.[95] Перед Кавказской армией была поставлена стратегическая задача связать Анатолийский корпус и не допустить его переброски на Балканы, взять крепости Карс и Батум. Возглавлял 52-х тысячный корпус генерал от кавалерии М.Т.Лорис-Меликов. В составе корпуса состояло 14 тыс. кавалерии, которая на 70% состояла из казаков Кубанского и Терского войск.

Вскоре корпус был разделен на три отряда: Ахалцихинский отряд под командованием генерал-лейтенанта Ф.Д.Девеля (15,5 тыс., в составе сводной бригады — Ейский и Полтавские конные полки); Александропольский отряд под командованием М.Т.Лорис-Меликова (27,5 тыс., 2-я конно-артиллерийская батарея); Эриванский отряд под командованием генерал-лейтенанта А.А.Тергукасова (9 тыс., Уманский, Кавказский, Кубанский полки и 1-я конно-артиллерийская батарея).[96]

Особенно казаки отличились при взятии Ахалцихинским отрядом Ардагана и Эриванским — Баязета. Не менее доблестными были действия 1-го Таманского и 1-го Полтавского полков в Ахалтекинской экспедиции под командованием ген.-адъютанта М.Д.Скобелева при взятии Геок-Тепе, переходе через Копетдаг.

В составе основных сил на Балканах состояли 2-й Кубанский полк в составе 891 казака и 16 офицеров, две сотни 7-го пешего батальона в составе 306 человек, а также два эскадрона императорского конвоя.[97] Кубанцы вошли в состав Кавказской казачьей дивизии, которая входила в отдельный отряд, называемый Журжевским (И.Тутомлин) или Передовым отрядом действующей армии (М.Д.Скобелев), куда были включены позднее и пластуны.

Следует отметить ряд моментов. На казачьи части возлагались задачи рекогносцировки, глубокой разведки, поддержание связи между отрядами. То есть, казакам отводились вспомогательные функции и казачьи формирования рассматривались как приданные подразделения для выполнения сопутствующих тактических задач.

Весьма показательны в данной связи замечания по поводу использования кавалерии П.Н.Баженова в составе Передового отряда. Ореол исключительности и героизма прочно утвердился за передовым отрядом. Автор предлагает беспристрастно взглянуть на фактическую сторону дела. На начальном этапе боевых действий кавалерия подверглась многочисленным переформированиям, никак не оправданным с точки зрения военной необходимости. Перед передовым отрядом ставились задачи рейдов, разрушения железных дорог, а также после выдвижения в направлении Тырнова и Сельве — задача «двинуться вперед и стараться овладеть Балканским проходом», а после овладения проходом и его перехода — «поднять там население и рассеять турецкие отряды».[98]

П.Н.Баженов задается весьма уместным вопросом — как можно было силами отряда выполнить поставленные задачи? Совершенно очевидно, что задача глубоких рейдов с разрушением коммуникаций и диверсионными действиями мог выполнить сильный кавалерийский отряд, в составе не менее дивизии, с самостоятельными тактическими и стратегическими задачами. Овладеть перевалом с использованием кавалерии просто не возможно, а задача рассеивания отрядов противника может быть выполнима только как заключающий этап после действий пехоты и мощной поддержки артиллерии. Вывод П.Н.Баженова следующий: «организация нашего «передового отряда» в войну 1877 года совершенно не отвечала этому требованию, вследствие чего кавалерия его и не могла проявить самостоятельных действий за Балканами, а ограничилась только занятием Балканских проходов, т. е., отряд блестящим образом исполнил задачу не кавалерийского, а простого передового отряда, составленного из трех родов войск».[99]

Нередко в управлении отрядом наблюдалась несогласованность и просто непростительная халатность. Так, 25 июня есаул Афанасьев с полусотней казаков 30-го донского полка получил задание установить связь с Кавказской казачьей бригадой. Задание с трудностями было выполнено, есаул побывал в расположении бригады и вернулся с нулевым результатом, так как еще 21 июня бригада вышла из состава отряда.[100] Этот пример бессмысленного и использования казачьих подразделений далеко не единичен. Отмечая успехи действий казачьих частей, автор тем не менее вынужден указать на не целевое использование Кавказской бригады : «Справедливость требует заметить, что Кавказской бригаде не было поставлено никакой задачи».[101] По сути, использование казачьих сотен ограничивалось бесполезной гоньбой их туда-сюда. При этом, например, доставленные кубанскими казаками сведения о возможности занятия Плевны не были использованы.

Интересно следующее замечание автора: «Желая оправдать чем либо беспрестанное хождение сотен взад и вперед, полковник Тутомлин в своем дневнике, от 25-го числа (стр. 76), говорит, что одним из последствий, предпринятых нами поисков, успокоение и водворение болгар в своих селениях, из которых они до сей поры бежали, при малейших слухах о появлении черкесов и башибузуков».[102]

П.Н.Баженов приходит к выводу, что при существующих взглядах на кавалерию, невозможно успешно использовать этот род войск. При этом, что показательно, отмечает «...но от такого разочарования

кавалеристов в самих себе, их вполне могут охранить блестящие действия в том же бою (18 июля под Плевной — А.М.) Кавказской бригады под начальством свиты Его Величества генерал-майора Скобелева...».[103]

Уроки русско-турецкой войны, как оказалось, не были приняты к сведению. В ходе русско-японской войны 1904–1905 гг., по мнению Ф.Гершельмана, кавалерия показала свои худшие качества и требовалась немедленная реорганизация кавалерийских частей, новая тактика ведения боя и использования крупных тактических кавалерийских соединений.[104]

Также военные исследователи отмечали и недостатки казачьих частей (см. «Главу 1», § 2), но при этом практически все крупные исследователи (А.Свечин, В.Букляковский, П.Краснов, А.Квиток, Ф.Ростовцев, А.Усов) отмечали тот факт, что в ходе войны практически все небольшие столкновения выигрывали казаки, тогда как крупные сражения армия проигрывала.[105] Эти выводы, как представляется, послужили основанием для некоторых современных исследователей делать выводы о высоких боевых качествах казачьих частей, что было несколько не так.[106] Как раз наоборот, участие казачьих подразделений в составе регулярных частей указали на невозможность использования их в том виде, в каком они находились в начале XX в., что, конечно, ни коим образом не принижает мужества и стойкости казаков.

Таким образом, говоря об участии кубанских казаков в войнах, можно сказать следующее. Практически во всех случаях силы кавалерии были раздроблены, казачьи подразделения использовались как приданные подразделения и не имели самостоятельного значения. Несмотря на такое положение дел, казаки проявили себя с лучшей стороны в сражениях и стычках, которые практически всегда заканчивались победой. Можно с достаточными основаниями предположить, что самостоятельное использование казачьих частей в составе отдельных тактических единиц принесло бы несомненно большую пользу. Кроме того, различия между казачьими подразделениями и частями регулярной кавалерии не препятствовали бы успешному выполнению боевых задач, не привело бы к столь критическому отношению к качеству казачьих лошадей, вооружения и обмундирования, к казачьим подразделениям в целом. В этом случае удалось бы в полной мере использовать несомненные достоинства казачьих полков, боевые приемы и навыки. Как представляется, тенденция, обозначившаяся в

вначале века, на стирание различий между казаками и драгунскими была фактически «началом конца» казачества как самостоятельной военной силы.

Необходимо отметить, что для казачества основная служба заключалась не в участии в войнах, а постоянной кордонной службе. Это подтверждается в том числе статистикой потерь казаков. В период с 1860 по 1908 гг. потери ККВ составили 1408 чел. Из них в период с 1860 по 1864 гг. — на завершающем этапе Кавказской войны, погибло и пропало без вести 494 чел., или 25,9 %. В период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. потери составили 523 чел., или 27,4%. В годы русско-японской войны потери составили 153 чел., или 8%.[107] Таким образом, общие потери ККВ в ходе войн (не считая Кавказской — велась в пределах территории проживания казачества), составили 35,4 % от общих потерь за период 1860–1908 гг.

Представление о постоянной службе могут дать следующие сведения о военном составе ККВ за 1861 год. В указанном году на службе числилось 23 конных полка шестисотенного состава. В них: штаб-офицеров — 52; обер-офицеров — 423; урядников — 1.204; музыкантов — 353; приказных и казаков — 18.354; нестроевых казаков — 69; верховых лошадей — 20.225.

Указанные части в течение года находились: а) 1-й и 2-й полки — на 1-ом и 2-ом участках Нижнекубанской кордонной линии. 5-й полк с 5 мая в составе Адагумского отряда за Кубанью; б) 10-й полк. 3 сотни на постах и в резерве с 6 мая. 3 сотни в отрядах за Кубанью с 5 января и 10 мая; в) 11-й полк. 1 сотня на постах и резервах с 6 мая. 5 сотен в отрядах за Кубанью с 8 марта, 6 и 10 мая; г) 12-й и 13-й полки. 5 сотен в Лабинском, 5 сотен в Абадзехском отрядах. 2 сотни на Прочноокопском участке; д) 14-й и 15-й полки. 9 сотен в отряде на Урупской линии. 3 сотни — на постах ставропольского участка; е) 16-й полк. 1 сотня на Баталпашинском участке. По 1 сотне в ст. Александровской, Калиновской, Грушевской, Северской, 1 сотня в составе Абадзехского отряда; ж) 17-й полк. 4 сотни в составе отрядов, расположенных в Кубанской области. 1 сотня на Баталпашинском участке. 1 сотня в ст. Надежной; з) 18-й и 19-й полки. 6 сотен в составе Мало-Лабинского отряда. 2 сотни в Каладжинском укреплении. 4 сотни на участках Урупской линии; и) 20-й и 21-й полки. 4 сотни в Закубанском отряде. 8 сотен на участках Лабинской линии; к) 2, 4, 6–9-й полки — на льготе.

Также на службе числилось 13 пеших шестиротных батальонов. В их составе: штаб-офицеров — 23; обер-офицеров — 186; урядников — 1066; музыкантов — 237; приказных и казаков — 11960; нестроевых нижних чинов — 352.

Части эти находились: а) 1-й батальон — в Григорьевском посту на Адагумской линии; б) 10-й и 11-й батальоны — в составе Адагумского отряда; в) 12-й батальон — на 2-м участке Нижнекубанской линии; г) 13-й батальон — в отряде на левом берегу Кубани; д) 2–9-й батальоны находились на льготе.[108]

Таким образом, до завершения Кавказской войны основная военная служба кубанских казаков сосредотачивалась в пределах области против непокорных горцев. Большая часть кавказских казаков всю жизнь служили на Кавказе. Например, краткая записка о службе хорунжего Горского казачьего полка Пегушина 3, желающего переселиться в 7 бригаду к брату — Пегушину 1, дает такие сведения. Указанный казак из офицерских детей, воспитание получал дома — умеет читать и писать. 12 янв. 1847 г. поступил казаком на службу в Горский казачий полк, 28 авг. 1848 г. произведен в урядники, 15 дек. 1859 г. — в хорунжие. Участвовал в военных походах против горцев в 1847, 1849, 1851, 1858 гг. Ранен, в плену не был.[109] Это довольно типичная картина периода Кавказской войны.

Однако по завершению войны ситуация изменилась. Осенью 1866 г. было принято решение о замене в Закавказье Донских полков и двух сотен ККВ в Абхазии на 30 сотен и 1 пеший ротой от ККВ и 10 конными сотнями от ТКВ. Сотни от ККВ надлежало формировать от трех округов Черномории по 6 сотен, от первых шести линейных бригад — по 2 сотни. Пешую роту — от Шапсугского берегового батальона. В составе сотни: по 3 обер-офицера, 9 урядников, 3 трубача, 8 приказных и 124 казаков; в пеший роте — 2 обер-офицера, 7 урядников, 120 казаков. Так же надлежало сформировать два дивизиона по 2 сотни от жителей 4–6-ой бригад для службы в Абхазии.[110] Сроки службы установить в 1 год, в Закавказье — в 2 года.[111]

В 1870 г. военный состав ККВ состоял из 10 конных полков, пяти конно-артиллерийских батарей четырехорудийного состава, два пластунских батальона (все части в трех комплектном составе) и двух эскадронов конвоя. Строевые части ККВ по сведениям за 1879 г. находились на службе:

1. Вне пределов Кубанской области: а) один эскадрон собственного е.и.в. конвоя в Санкт-Петербурге; б) конвой командующего войсками кавказского военного округа в г. Тифлисе; в) Хоперский, Кубанский, Уманский, Ейский, Полтавский, Лабинский, Кавказский конные полки, 1-й и 2-й пластунские батальоны, 1–2-я и 4–5-я конно-артиллерийские батареи в Закавказье на кордонной службе; г) Кубанская конно-артиллерийская бригада перемещена из Кубанской области по приказу командующего войсками округа в августе 1879 г. в г. Тифлис; д) Кубанский дивизион в г. Варшаве при командующем войсками Варшавского военного округа.

2. В пределах Кубанской области: а) от пять сотен от Таманского, Урупского и Екатеринодарского полков на ордонных линиях области; б) от сотен Урупского полка 62 нижних чина состоят в командировке при приставе кочующих народов ставропольской Губернии; в) по одной сотне от Таманского, Екатеринодарского и Урупского полков на кордонных линиях Черноморского округа; г) 3-я конно-артиллерийская батарея в г. Екатеринодаре; д) 31 урядник и 178 нижних чинов для прислуги в госпиталях и больницах от трех округов; е) 95 нижних чинов от трех округов составляют мастеровую полусотню для исправления оружия строевых частей и обучения оружейному делу малолетков; ж) 1 урядник и 23 казака от Майкопского отдела в качестве прислуги и ухода за лошадьми для казачьих юнкеров Ставропольского юнкерского училища.

3. Временные командировки частей, расположенных в Кубанской области: а) сотни Екатеринодарского полка, одна Урупского полка — с 30 янв. по 24 мая на кордонной службе в Абхазии; б) штаб и четыре сотни Таманского полка в составе Ахалтекинском экспедиционного отряда; в) 3 сотни Екатеринодарского полка с 26 мая по 4 октября в Закаспийский край; г) 2 урядника и 33 казака от Екатеринодарского и Таманского полков с 27 янв. по 3 июня для преследования самовольных ловщиков рыбы; д) 1 урядник и 25 казаков от Екатеринодарского полка с той же целью — с 1 сент. по 10 нояб.[112]

География мест дислокации казачьих частей охватывает огромную территорию Европы и Азии — от Варшавы через гг. Новороссийск и Тифлис до таких отдаленных мест как укрепления Гуниб и Хунзах в Дагестанской области, местечко Пуль-и-Хатум и урочище Тахта-Базар в Закаспийской области, кордонов на русско-персидской и русско-турецкой границах.[113]

Служба вне пределов Кубанской области была, пожалуй, наиболее тяжелой. Особенно трудной была служба на границах с Турцией и Персией. Граница проходила по высокогорным районам, климат был чрезвычайно тяжелым и для людей и для лошадей — нередко по ночам и утром температура опускалась на несколько градусов ниже нуля, а днем повышалась до +4+6 градусов по Цельсию. Кордонная линия представляла из себя цепь кордонных постов и дороги, устроенные между ними. Казачьи части на кордонной службе обязаны были охранять границу от провоза контрабанды, от «прорыва хищников» и прохода «нелегалов», от внесения на территорию империи чумы и «всякой заразы из-за границы».[114] При этом особо указывалось на недопущение отвлечения казаков от непосредственных служебных обязанностей — для поддержания порядка в крае, для преследования нарушителей далее, чем 7 верст от кордонной линии.

Как представляется, следует отдельно сказать несколько слов о казачьем дивизионе в г. Варшаве. История создания дивизиона вкратце такова. По высочайшему повелению императора Николая I 1 дек. 1830 г. в КЛКВ был сформирован 10-й конный полк, названный «Сборным линейным казачьим полком». 14 июля 1842 г. полк двухсотенного состава был соединен с Кавказским конно-горским дивизионом такого же состава, и стал именоваться Кавказским сводно-иррегулярным полком. В 1856 г. конно-горский дивизион был расформирован и осталась часть, именуемая «Сводно-иррегулярный дивизион».[115] В 1861 г. принято решение о комплектовании указанного дивизиона казаками ККВ и именовании его Кубанским казачьим дивизионом при первой армии.[116]

Численность дивизиона оставалась примерно равной на протяжении пятидесяти лет и примерно соответствовала штатам, утвержденным в апреле 1878 г.[117] Колебания были незначительны:

Таблица 2. 2. 1.

Численность личного состава Кубанского казачьего дивизиона в г. Варшаве.[118]

Год

Кол-во сотен

Офицеров

Чиновников

Строевых чинов

Нестроевых

1856

2

7

—

282

2

1878

2

11

—

291

15

1879

2

11

—

291

15

1882

2

11

—

291

30

1902

2

11

—

291

31

Для службы в дивизионе набирали казаков, урядников и офицеров от всех полков уравнительно, отбирая самых лучших. Находясь в дивизионе, казаки числились на действительной военной службе в командировке от своих частей. С 1870 г. пополнение личного состава производилось ежегодно.

На вооружении казаков были пистолеты, ружья, шашки и кинжалы, пик не было. Первоначально ружья были кремниевые, заряжающиеся с дула, прицельная дальность составляла 100–200 шагов со скорострельностью — один выстрел в мин. при сухой погоде. Однако с 1877 г. личный состав дивизиона был перевооружен винтовкой Бердана № 2, а в 1895 г. — трехлинейкой. Последняя винтовка имела дальность прямого выстрела — 660 шагов, максимальную дальность — 5350 шагов, при высокой пробивной силе — на 400 шагов пуля пробивала шесть двухдюймовых досок. Скорострельность — 24 выстрела в мин.[119]

Казаки проживали непосредственно в Варшаве, в старом королевском замке. Позже рядом были выстроены казармы. Практически весь личный состав постоянно дислоцировался в городе. Только летом в течение одного месяца казаки выезжали в деревню для выпаса лошадей, и в 1881 г. дивизион по высочайшему повелению прибыл в Санкт-Петербург и пробыл там с 26 апр. по 25 авг.

В основном казаки занимались сопровождением сначала главкома I-й действующей армии, затем — наместника в Царстве Польском, затем — командующего войсками Варшавского военного округа. Помимо конвоев, казаки дивизиона несли караульную службу в бывшем Королевском замке и Бельведерском дворце. В общевойсковом плане дивизион подчинялся походному атаману донских казачьих полков, с 1875 г. — начштабу Варшавского округа.

Особенностью службы в Польше было тяжелый морально-психологический климат в городе. Нередко казаки подвергались оскорблениям, даже попыткам причинить личный ущерб через бросание на головы предметов домашнего обихода. В столкновениях, носящих характер боевых действий казаки участвовали во время волнений в Польше в 1863–65 гг.[120]

Надо отметить выправку и выучку казаков Кубанского дивизиона. При смотре войск Варшавского военного округа генерал-инспектором кавалерии 4–5 сент. 1880 г., кубанцы показали себя отлично, хорошо маневрировали, быстро и качественно выполнили поставленную боевую задачу.[121]

Также вне пределов войска казаки Кубанского казачьего войска несли разнообразную конвойную службу. Если императорскому конвою уделялось внимание исследователями,[122] то о конвойной службе кубанских казаков в других местах нет никаких упоминаний. При этом кубанские казаки, по крайней мере в 1880-е гг., высылали команду казаков до 10 человек для конвойной службы при командующем войсками Кавказского военного округа,[123] служили в азиатских странах при миссиях и консульствах.

Интересно отметить конвойную службу кубанских казаков при Российской Императорской миссии в Персии. Казаки дислоцировались в Персии, Азербайджане и Афганистане в гг. Тегеране, Бендер-Бушире, Тавризе, Астрабаде, Урмии, Керманшахе, Исфагане.[124] До 1906 г.

конвой миссии в г. Тегеране состоял из 5 человек, однако сложность внутривластной обстановки и необходимость усиления охраны чиновников миссии привели к увеличению личного состава конвоя в 1906 г. до 10 человек, в 1907 г. еще на 8 человек, в 1910 г. еще на 7 человек.[125]

Служба в этой местности была чрезвычайно опасной и тяжелой. К примеру, на дороге от Бушира до Шираза постоянно орудовали банды разбойников.[126] Помимо разбойников, казаки становились и заложниками внутривластного противостояния. 7 сент. 1911 г. 10 казаков, возвращавшихся в г. Исфаган, обманом захватил в плен сын Наиб-Хуссейна Машала-Хан. Вскоре прибыл сам Наиб-Хусейн и указал, что вреда казакам не причинит, но будет удерживать их в захваченном им г. Кашаре до освобождения шахским правительством одного из своих сыновей. Чрезвычайный посланник и полномочный министр России в Персии С.Поклевский предпринимал решительные меры для освобождения казаков, однако имели ли его действия успех — не известно.[127]

Помимо военной опасности, гораздо больший вред и урон казакам доставлял климат и санитарные условия. При генеральном консульстве в Азербайджане, к примеру, 7 февр. 1910 г. умер от скоротечной чахотки казак 1-го Уманского полка Лука Мосьпан. Сергей Лашко, казак 1-го Уманского полка при консульстве в г. Урмии заболел тифом. Из г. Тавриза сотрудники миссии были вынуждены отослать домой фельдшера Игната Коношевского. Некоторые даже не доезжали до места службы — казак 1-го Хоперского полка Лаврентий Бурьба заболел по дороге в Тавриз.[128] И это была типичная картина.

Как видно, конвойная служба кубанцев сосредотачивалась не только в Санкт-Петербурге и Ливадии, но охватывала Тифлис и многие города Азии. Вопрос о конвойной службе казаков Кубанского казачьего войска нуждается в дополнительном исследовании.

Говоря о военной службе казаков можно сделать следующие выводы. С 1860-е гг. служба кубанских казаков в основном заключалась в охране от набегов горцев территорий Кубанской области. В 1870-е гг. происходит географическое перемещение казачьих подразделений, однако характер службы существенно не меняется и основной задачей для кубанцев по-прежнему остается пограничная стража и поддержание порядка. Участие в войнах для казачества было не основной задачей и

казацкие части не воспринимались как самостоятельные боевые единицы.

Надо отметить, что к началу XX в. ежегодное выставление на службу одиннадцати полков и шести пеших батальонов, двух эскадронов императорского конвоя и дивизиона в Варшаве, плюс пять конно-артиллерийских батарей, плюс семь местных команд — было довольно обременительно для войска. Получить представление о количестве ежегодно находящихся на службе можно, обратившись к штатам строевых частей Кубанского казачьего войска (см. «Приложение 3»). Простые арифметические действия показывают, что ежегодно на действительной военной службе, без учета второй и третьей очереди и малолетков, находилось около 16.500 казаков. Всего казачьи войска в мирное времяставляли 63.106 казаков и офицеров,[129] то есть доля казаков ККВ составляла примерно 23%. Численность мужского населения в возрасте от 17 до 21 года, скажем, в 1910 г., составляла 42.603 человека.[130] Учитывая сроки смены всего полевого состава в течение четырех лет — срок полевой службы — можно подсчитать, что за 10,2 года вся казачья молодежь должна была бы побывать на военной службе — без исключений. Е.В.Рукосуев в данной связи отмечает, что если для гражданского населения доля служащих в армии составляла 1% то доля казаков ежегодно выходящих на службу составляла 3% от населения казачьих войск.[131]

Выставлять такое количество строевых казаков было довольно обременительно для войска. К примеру, в 1879 г. на пополнение убыли в строевые части было выкомандировано на службу 2.283 человека, тогда как на льготу вышло 1.506 человек.[132] Кризис мобилизационных возможностей привел к тому, что в период с 1895 по 1900 год ежегодно от ККВ высылались на действительную службу по 17% малолетков, имеющих законное основание на льготы по призыву. Такое бедственное положение вынудило военное ведомство дать разрешение на содержание частей в Кавказском военном округе по сокращенному штату, а в период с 1899 по 1900 гг. не пополнять убыль в строевых частях.[133]

Далее, необходимо учитывать, что после выхода на льготу казаки второй и третьей очереди должны были дважды в год участвовать в летних и зимних сборах, казаки второй очереди — содержать строевого коня. Несомненно, что отсутствие работника в течение 3–4 недель не могло не сказаться на казачьем хозяйстве.

Даже внутренняя служба была довольно обременительна. В соответствии с положением о воинской повинности казаков Кубанского войска, внутренняя служба приравнивалась к полевой. Естественно, что внутреннеслужащие казаки находились в более выгодном положении, по сравнению с казаками на русско-персидской границе. Однако служба в пределах области все равно оставалась тягостной, так как вырывала казака из семьи, и более тяжелой в психологическом плане. Согласно расписанию нарядов на внутреннюю службу в период с 1 мая 1881 г. по 1 мая 1882 г., казаки ККВ должны были выставить:

Таблица 2. 2. 2.

Расписание нарядов на внутреннюю службу в 1881–1882 гг.

по Кубанской области.[134]

Место назначения наряда

Количество урядников

Количество казаков

При войсковых учреждениях: штабе, к дому НА, архиве, арсенале и пороховом погребе, оружейной мастерской, школах певческого и музыкального хоров, хозяйственном правлении.

3

63

При управлениях военных отделов: Уманском, Екатеринодарском, Таманском

6

98

При войсковых тюрьмах

46

510

При уездных полицейских управлениях

—

16

При войсковых больницах

1

69

При войсковых лесах

10

54

При соляных озерах

12

69

При богоугодных заведениях

8

88

При военно-фельдшерской школе

1

7

При Баталпашинском и Таманском начальном училищах

—

4

К мостам и переправам

2

22

При смотрителе рыболовных вод

5

96

К конскому депо

4

34

При почтовых станциях и войсковых зданиях

—

6

При Ставропольском юнкерском училище

1

42

В караулах в г. Екатеринодаре

3

56

Итого

102

1.234

Таким образом, казаки ежегодно должны были выставлять более 1.300 человек для внутренней службы.

Интересно отметить, что несмотря на мобилизационные трудности при укомплектовании частей, на летних лагерных сборах, нередко казачьи подразделения использовались не по прямому назначению, а по прихотям высших лиц империи. К примеру, вел. кн. Сергей Михайлович имел обыкновение ежегодно в июне месяце охотиться в окрестностях селения Псебай. В 1903 г. управляющий делами князя в отношении на имя наказного атамана ККВ Я.Д.Маламы просит — «по примеру прошлых лет» — командировать на место охоты 1 урядника и 34 казака. В момент поступления данной «просьбы» в области не находилось свободных частей, из которых можно было бы безболезненно выкомандировать требуемое количество казаков.

Начальник штаба округа приказал наказному атаману выслать команду из сотен 1-го Екатеринодарского полка, находящегося на летних сборах под г. Пятигорском. Согласно маршрутным листам, команда под командованием урядника И.Топчего должна была пройти 208 $\frac{1}{4}$ верст за 8 дней с 3 дневками к 26 августа. Казаки выступили 14 августа, значит не позднее 22–23 прибыли на место. А 23 августа на имя Я.Д.Маламы пришла телеграмма следующего содержания: «Великий князь Сергей Михайлович изволит отказать охоту, благодарен за командированных казаков и просит их вернуть. Генрал-лейтенант Гельшерсен (возможно неверное написание фамилии — А.М.)».[135]

Следует остановиться на выполнении казаками функций по наведению порядка, то есть полицейской службе. За казаками прочно утвердилась слава «душителей революции» и «полицейского кнута самодержавия». Как представляется, во многом такое отношение сложилось под влиянием политических факторов и не отражает реального положения вещей. Для казачества поддержание порядка, пресечение разбоев горцев и охрана мирных поселений было обыденным явлением на протяжении долгих десятилетий в окраинных районах империи. Фактически, казачество выполняло полицейские функции как силы правопорядка в любой стране, заинтересованной в мирном развитии жизни. В 1886 г. была командирована сборная сотня от Екатеринодарского полка (60 человек) в пос. Бузиновский при ст. Новомарьинской для водворения порядка, что и было сделано. Суть конфликта в том, что жители указанного поселка арендовали землю юрта ст. Новомарьинской,

которая по размежеванию отошла в юрт ст. Воровсколесской. Жители ст. Воровсколесской отдали указанный участок в аренду купцу Фоме Николаенко, а прежние арендаторы возмутились и стали противодействовать новому пользователю. Волнения были прекращены, зачинщик выслан в г. Темрюк для внеочередной службы.[136] В 1887 г. казаки 2-ой и 3-ей сотен 1-го Урупского полка водворяли спокойствие в колонии Эйгенфельд, жители которой противодействовали филоксерной партии.[137]

На протяжении долгого времени регулярно высылались команды из 4 урядников и 58 казаков в Ставропольскую губернию в распоряжение пристава кочующих народов для наблюдения за ногайцами, причем отбирались казаки «безукоризненной нравственности».[138]

Довольно обычной практикой были просьбы гражданских властей выслать команду казаков. К примеру, Екатеринодарская городская управа обратилась с просьбой выслать несколько казаков для ночных объездов и усиления охраны открывающейся Троицкой ярмарки в мае 1897 г.[139] В октябре месяце того же года последовало распоряжение наказного атамана командиру 1-го Екатеринодарского полка усилить ночные дозоры в ст. Крымской для предотвращения участвовавших краж и других преступлений.[140] 20 мая 2 офицера, 2 урядника, 1 трубач и 40 казаков 1-го Екатеринодарского полка были откомандированы в распоряжение полицейских властей с целью поиска в области притонов профессиональных воров и прекращения коно — и скотокрадства.[141]

Как видно, ничего экстраординарного в выполнении казаками функций полиции не было. Эта была обыденная служба, не более того. В период первой русской революции 1905–1907 гг. ситуация изменилась. Казаки привлекались для подавления революционных выступлений. Расчеты Л.И.Футорянского показывают, что из общего количества рот, эскадронов и сотен, участвующих в подавлении революционных выступлений, доля казачьих подразделений составляла в 1905 г. — 11,7%, в 1906—16,7%, в 1907—12,6%.[142] То есть, доля казачьих подразделений весьма невелика. Основываясь на численности казачьих частей, можно предположить, что казаки должны были сталкиваться с необходимостью противодействовать беспорядкам не чаще, чем в каждом 11–16 случае. Тогда как подсчеты Л.И.Футорянского указывают на то, что частота использования казачьих подразделений была более высокой, чем пехотных частей. Отсюда следует вывод о некой особой кровожадности казаков.[143]

Насколько подобные выводы верны? В.П.Трут отмечает, что привлечение казачьих частей обуславливалось высокой дисциплинированностью, исполнительностью, верностью воинскому долгу, благонадежностью.[144] При этом совершенно очевидно, что кавалерийские отряды более мобильны, что и обуславливало более частое использование казачьих сотен, тогда как пехота могла использоваться как стационарные посты охраны правопорядка.

Следует отметить, что в Государственной Думе в первую очередь родилась легенда об особой жестокости казаков в подавлении выступлений, прочно затем утвердившаяся в трудах советских историков. Думцы обвиняли правительство в незаконной мобилизации казачьих частей, подстрекали казаков к борьбе «против общего врага». Некий Астраханцев в своем выступлении указывал, что казаков «...сделали ненавистными для всей страны...из этих свободных защитников свободы получились такие же угнетатели».[145] Эта тактика либералов, опробованная на черносотенцах,[146] принесла свои плоды — за казаками прочно утвердилась слава «душителей революции».

Голоса истинных патриотов не были услышаны. Такие как Ф.Крюков, Васильев, пытались указать депутатам Думы на воинский долг, на присягу, на то, что казаки сами тяготеют выполняемой службой — однако их голоса не были услышаны.[147] А ведь при этом казаки, выполняя воинский долг, гибли от рук бандитов, часто прикрывающихся революционными лозунгами. 1 сент. 1908 г. на денежную почту, следующую из местечка Боржом в г. Ахалцых произошло нападение разбойников числом до 30–40 человек, в результате которого погиб казак Харлампий Гришин, ранены еще два человека. Казакам удалось почту спасти, однако разбойники пойманы не были.[148] Эта служба в годы революции почему-то осталась вне внимания и думцев-либералов и некоторых исследователей.

По трудностям выполнения задачи заселения окраинных территорий, эта повинность немногим отличалась от военной службы. На долю кубанских казаков выпало тяжелейшее испытание заселения Закубанья. В «Главе 1» упоминался вопрос о переселении казаков за Кубань в связи проводимыми преобразованиями в кавказских казачьих войсках. Следует подробнее рассмотреть процесс переселения как важнейшей составляющей совокупности повинностей кубанских казаков.

По меткому замечанию А.Зиссермана, возникновение проектов заселения Кавказа русским населением являлось прямым следствием неуспеха первоначальной тактики военных действий.[149] Многие авторы указывали, что без планомерного заселения края русским населением рано или поздно эти территории, так же как США и Швейцария от своих метрополий, отделятся от России, и никакая военная сила не удержит рост сепаратизма и национальных противоречий.[150]

Планы по заселению Закубанья возникли в конце 1830-х гг. По особому высочайшему повелению проект генерал-лейтенанта А.А.Вельяминова был рассмотрен генералами Головиным, Граббе и Зассом. Николай I приказал начать заселение с востока с целью в первый же год достигнуть р. Лабы, отделив тем самым с юга часть прикубанских ногайцев и «стать прочной ногой в середине Закубанского края».[151]

Переселять планировалось самых «буйных» казаков КЛКВ, по приговорам станичных обществ. Расчет оправдал себя — когда в 1854 г. линию предполагалось упразднить — переселенцы отказались вернуться на Кубань.

Первые станицы — Лабинская, Чамлыкская, Вознесенская, Урупская — насчитывали 6.600 душ населения. В период с 1841 по 1860 переселение шло медленно, ограничиваясь районом между Лабой и Кубанью. Однако были возведены и заселены 26 станиц, три укрепления и пополнены населением несколько старых станиц. К осени 1860 г. состав населения качественно изменился — из общей численности в 345.000 было 80.000 «двусмысленно покорных» и 140.000 русских и покорных племен.[152]

Мухаджирство усилило переселенческий вопрос. Правительство рассчитывало превратить переселенцев в надежный свой оплот, укрепить обороноспособность Закубанья и Черноморского побережья. С 1859 г. был взят курс на систематическое заселение Северо-Западного Кавказа.[153]

После первоначальных неудач, связанных с проектом принудительного переселения целыми станицами и переходу к переселению на добровольной основе, с материальной помощью от правительства, льготами, процесс освоения Закубанья набирает силу. Среди факторов, привлекающих переселенцев следует выделить субсидии и земельные наделы. Переселенцам в личную потомственную собственность

планировалось выделять: офицерам — от 25 до 50 десятин, казакам, урядникам и охотникам-переселенцам — от 5 до 10 десятин. [154]

При переселении о казны выделялись следующие виды пособий: а) на подъем и домашнее обзаведение для семей офицеров; б) на жалование переселяемым офицерам; в) на первоначальное обзаведение прочим поселенцам; г) на покупку вооружения, сбрую для казачьих лошадей; д) на провиант и путевое довольствие; е) на прогоны нижним чинам и за провоз морем; ж) на покупку рабочего инструмента и постройку кордонов; з) на общественные постройки о прочее, для переселения требующееся.

В течение с 1858 по 1864 гг. (с окончанием войны вызов переселенцев было решено прекратить и пособия от казны не выдавать, поэтому ассигнованные в 1865 г. 441.653 руб. 50,5 коп. остались не израсходованы) были выделены значительные суммы. При этом остатки с прошлых лет приплюсовывались к суммам следующего года. Динамика ассигнований видна из предлагаемой таблицы.

Таблица 2. 2. 3.

Государственные ассигнования на пособия переселенцам с 1858 по 1864 гг. [155]

Год

Отпущено

Израсходовано

Остаток

Руб.

Коп.

Руб.

Коп.

Руб.

Коп.

1858

237098

37,5

210100

71,5

26997

66

1859

199785

10

183151

80

43630

96

1860

78434

4,5

122220

92,5

9844

08

1861

315140

63,3/4

215537

19,75

99603

44

1862

363330

0

357211

11

45722

33

1863

405036

90

402618

60

48140

63

1864

420351

57,5

306424

89

162073

31,5

Всего

1787265

23,75

Следует отметить, что рядовым переселенцам «на руки» достались более скромные суммы. Так, пособие для семей офицеров ККВ составляло 285 руб. 71 ½ коп. от казны и 150 руб. от войска; для семей урядников и нижних чинов 71 руб. 46 6/7 коп. от казны + 10 руб. на вооружение и от войска — 75 руб (также компенсация за дом, если не смогли продать самостоятельно).[156] Однако и оно выдавалось с запозданием. Возмещение переселенцам стоимости усадеб было отнесено на войсковые суммы. Станичные общества только выигрывали при перепродаже усадеб переселенцев. К примеру, из рапорта командира 3-й бригады полполковника Погуляева видно, что усадьбы казаков ст. Сингелеевской Ильи Сопнева (оцененной в 100 руб.) и Василия Епишова (оцененной в 35 руб.), были проданы за 115 руб. и 43 руб. соответственно. Прибыль от продажи шла в доход станичному обществу.[157]

Несмотря на трудности переселения, желающих было довольно много. Как видно из рапорта командира 20-го полка войскового старшины Бума от 6 июня 1862 г. № 842 на имя гр. Н.И.Евдокимова, желающих

поселиться в новой станице на р. Гиаге столько, что первоначальный список в 200 семейств был увеличен до 250.[158] Немаловажным фактором было разрешение для нижних чинов кавказской армии вызывать к себе детей на поселение, принадлежащих к казенному и удельному ведомствам.[159]

Успехи в переселенческом процессе были впечатляющи. В Закубанье в течение 4 лет было водворено 69 станиц и 7 поселений, на побережье — 24 поселения.[160] Таким образом, была заселена большая часть закубанских территорий (см. «Приложение 1»). Всего же было основано 111 станиц с населением в 85 тыс. душ об. п., или 14.233 семей.[161] Основную массу переселенцев составили казаки кавказских казачьих войск — бывшие черноморцы, линейцы и терцы. Они составили примерно 60% от общей численности переселенцев.[162]

Заселение шло параллельно с «очищением» заселяемых территорий от непокорных горцев. Именно в таких терминах описывали современники процесс покорения и освоения Северо-Западного Кавказа. Авторов заметок почти не интересовали ни трудности казаков, переселяемых на новые территории, еще менее — трагедия горского населения, покидающего родные земли, лишь сухие сводки о новых поселениях.[163] В распоряжении исследователя имеются уникальные свидетельства современников, позволяющие представить ход переселения и обоснования переселенцев на новом месте. По свидетельству Салтана, перед переселенцами продвигались войска. Задача регулярной армии состояла в вырубке просек и оттеснении непокорных горцев в труднопроходимые места. Край был разделен на квадраты и проводилась планомерная «зачистка» территории. За войсками двигались поселенцы.[164] Зачастую армейские части проводили подготовку места для поселенцев. Место поселения окапывалось трехаршинным рвом, по брустверу устанавливался двойной плетень, насыпаемый землею и опушиваемый колючими растениями. На бруствере так же устанавливались 4 или 6 орудий.[165]

Для командиров полков, которые планировалось сформировать из новых станиц, командующий войсками области составил особую инструкцию по водворению поселенцев на месте. Инструкция для полковника Пистолькорса, командира 26-го конного полка предполагала следующие действия: 1) дать точные распоряжения о месте назначения, выделить конвой для сопровождения на место; 2) по прибытии — тотчас указывать места для усадеб, табором не стоять,

немедленно ставить временные или постоянные жилища. Для своевременного выполнения — назначить станичного начальника; 3) тотчас наладить прием провианта на возможно долгое время, чтобы избежать назначения излишних провиантских обозов; 4) точно определить места, откуда брать строительный лес, наладить совместные выезды под надежным прикрытием; 5) указать покосные, пастбищные и пахотные места, чтобы поселенцы примерно знали пределы своих юртов и не было столкновений с соседями; 6) особое внимание обратить на вооружение переселенцев.[166]

Переселенцы из бывших Черноморского и Кавказского линейного казачьих войск старались забрать с собой все имущество, орудия труда, скот. Некоторые казаки перевозили на новое место жительства даже готовые срубы. Таким образом, казакам кавказских войск не было необходимости обзаводиться хозяйством, в отличие от переселенцев из войск Оренбургского, Донского, из внутренних губерний.[167]

На местах переселенцы столкнулись со значительными трудностями в налаживании хозяйства. Однако при этом с непонятной жестокостью уничтожалось все, что осталось от горского населения: орудия труда, сады, постройки.[168] Переселенцы 26-го полка отстроили землянки и успокоились, несмотря на наличие рядом строевого леса. Антисанитария привела к росту заболеваний. Приходилось административным порядком заставлять переселенцев строить дома, даже мыться, чтобы вши не заедали![169]

Жители новых станиц оказались не готовы к работе в условиях местных климатических условиях, поэтому часто случались неурожаи, иногда посадки вообще не давали всходов. Климат, затрудненность сообщения и отсутствие квалифицированной медицинской помощи приводили к высокой смертности. В 27-м полку с мая 1864 по янв. 1865 гг. умерло около 1.000 человек.[170] В основном переселенцы болели лихорадкой, цингой, водянкой, дизентерией. Цингой болела почти половина воинского состава частей. В июне 1863 г. в Майкопском госпитале находилось 250 больных цингой. Сводки о смертности свидетельствуют о нечеловеческих трудностях, с которыми столкнулись переселенцы. С июня 1862 г. по янв. 1863 г. в ст. Ханской умерло 69 взрослых и 81 ребенок; в Кужорской — 60 детей и 40 взрослых; в Белореченской — 109 человек. То есть, при среднем числе жителей станиц в 1.100–1.200 человек, в первые месяцы умерло 1/10 часть. В ст. Пшехской числилось к янв. 1863 г. 1297 человек, в том числе детей до 5 лет — 337. В течение года умерло 115 человек, в том числе 86 детей.[171] На Черноморском

побережье смертность была еще более высокой. Представление о смертности в селениях от Геленджика до Туапсе, составляющих 629 семей или 4154 души об. пола, дает следующая таблица:

Таблица 2. 2. 4.

Численность рождаемости и смертности в поселениях на

Черноморском побережье с 1864 по 1869 гг.[172]

С 1 мая 1864 по 1январ. 1865 гг.

В 1865 г.

В 1866 г.

В 1866 г.

В 1867 г.

В 1868 г.

В 1869 г.

Всего

Родилось

104

68

105

78

100

80

535

Умерло

463

361

292

116

67

57

1336

Помимо потерь от болезней, казаки гибли в схватках с горцами. При переселении казаки освобождались от строевой службы, однако были обязаны охранять свои поселения. Между станицами выставлялись посты, в зависимости от расстояния 1–2. На посту находилось 25 и более человек, пост окружали оградой и ставили 1–2 орудия. Днем совершался объезд и выставлялись часовые для предупреждения набегов. Ночью казаки залегали в секретах на местах наиболее вероятного проникновения противника. По первому сигнальному выстрелу казаки бросались либо к станице, либо в поле или на выпаса. Практически все сельскохозяйственные работы выполнялись под присмотром вооруженной охраны. Странная это была война — без постоянного врага, без правил, без линии фронта, без жалости к противнику. В стычках и перестрелках погибали казаки, угонялись скот и пленные. Летописец Кубанского полка так писал о жизни казаков: «...кубанские казаки в течение 70 лет выносили жизнь, исполненную постоянных тревог, убийств и грабежей со стороны неприятеля и не падали духом, но всегда отличались бодростью и неустрашимостью».[173]

В ответ на набеги, казаки направлялись в «поиски» и действовали так же — жгли аулы, жители которых были ответственны за набег, угоняли скот. За декабрьский поиск 1864 г. 25-му конному полку командующий войсками области по донесениям полковника Макарова выслал знаки

отличия Св. Георгия 4-й степени для наиболее отличившегося — казака 4-й сотни Федора Семкина.[174]

Помимо службы по месту жительства, казаки участвовали в военных экспедициях против непокорных горцев. В мае и апреле 1865 г. 27-й полк под командой подполковника Сердюкова совершил поход на северный и южный перевалы, в земли общества Наужей. В октябре того же года — в земли общества Хакучей. Казаки использовали тактику высылки разведывательных партий человек в 25–30, затем — внезапное окружение и плен, или уничтожение противника. Таким образом в аулах общества Хакучей были пленены около 200 немирных горцев.[175]

Положение переселенцев часто было совершенно невыносимо вследствие болезней, неурожаев, отсутствия медицинской помощи, невозможности заниматься полноценным трудом из-за военной опасности и несвоевременного подвоза продовольствия. Часто места под новые поселения выбирались исходя из военных соображений и совершенно не учитывались интересы хозяйственные. Главнокомандующий Кавказской армией приказал в 1865 г. осмотреть все вновь водворенные станицы, и те из них, которые еще не обустроены и находятся в гиблых местах — перенести. Комиссия под руководством генерал-майора Геймана признала необходимым перенести или упразднить 12 станиц в бассейнах рр. Шебша, Псекупса, Пшиша, Пшехи и Белой. Причины неудачи колонизации комиссия видела в следующем: отсутствие колесных сообщений, без которых невозможно само существование поселений; незнание переселенцами горной агротехники, неумение обрабатывать почву и определять сроки агротехнических работ; неумение приспособиться к новому климату и вредные свойства речной воды (горцы использовали только ключевую воду, а ключи перед уходом забили); нравственные качества переселенцев, то есть отсутствие трудолюбия и умения приспособляться. Лучшими переселенцами оказались линейцы и оренбуржцы.[176]

А.С.Бежкович указывала, что правительство стремилось селить казаков совместно с другими переселенцами с целью «оказачивания» последних.[177] Например, в ст. Псеменской планировалось поселить 35 семей линейцев, 40 — нижних чинов армии, 100 — от Донского войска; в ст. Ахметовской — 30 семей линейцев, 20 — нижних чинов, 25 — донцов, 62 — государственных крестьян.[178] Такая картина типична. Однако результат оказался весьма печальным. Различные

группы населения испытывали недоверие друг к другу, отказывались вступать в брак с представителями не «своей» группы. Это, вкупе с угонами скота и высокой смертностью, отбивало всякое желание трудиться.[179]

Помимо заселения Закубанья, кубанцы участвовали в заселении Южно-Уссурийского края. Необходимость заселения приграничной полосы казачьим населением диктовалась необходимостью защиты крестьянских поселений от китайских разбойников — хунхузов. Кроме того, сосредоточение казачества на границе, давало явные военные преимущества в случае войны с Китаем. Переселение планировалось осуществить в основном из казаков Донского и Оренбургского войск. Из ККВ в Приамурский край переселилось в период с 1895 по 1901 гг. 213 семейств, а в 1902 г. — 90 семейств.[180] Численность переселенцев в сравнении с событиями 1860-х гг. довольно низка и этот эпизод не имел принципиального значения для истории войска в целом.

Таким образом, на кубанское казачество легла основная тяжесть по заселению и освоению Закубанья. Первоначальные планы переселения казаков целыми станицами встретили упорное сопротивление со стороны казаков. Вследствие данных событий в правительственные планы были внесены значительные коррективы — переселение осуществлялось на добровольной основе или по жребию, переселенцам назначались пособия от казны, в собственность передавались земельные участки.

Несмотря на то, что перед переселенцами продвигались войска, вытеснявшие немирных горцев, полного умиротворения края не было достигнуто. Эта задача возлагалась на переселенцев. Существенным просчетом было поселение в станицах и поселениях смешанного населения, что приводило к несогласованности и недоверию в новых населенных пунктах, снижало боевой потенциал сотен.

При переселении казаки столкнулись с трудностями освоения на новом месте — акклиматизации и выработки новых форм и способов сельскохозяйственной деятельности. Большинство поселенцев оказались неготовыми к ведению хозяйства в условиях горного климата. Опыт местного населения оказался недоступен и, что более печально, не востребован.

Значительная сложность для переселенцев в обустройстве на новом месте заключалась в необходимости постоянной защиты от набегов

горцев. Отсутствие дорог и невозможность быстрого предоставления медицинской помощи, особенности климата приводили к высокой смертности. Местная администрация была заинтересована в заселении новых станиц полноценными семьями, поэтому, например, бездетным рядовым 19 стрелкового батальона Степану Игнатову и Трофиму Комарову, было отказано в зачислении в казачье сословие с водворением в ст. Нижне-Фарской.[181] Тогда как, например, в семьях жителей 4 бригады, желающих переселиться, как правило было двое и более детей.[182] Учитывая высокую смертность, переселение с детьми было фактически обречением их на смерть. Видимо, одной из причин, подталкивавшими семьи к переселению была надежда упрочить имущественное положение через земельные наделы и пособия от казны.

Учитывая вышесказанное, можно с уверенностью утверждать, что заселение новых территорий, сопровождающееся земельными раздачами, было не привилегией, а тяжелой повинностью, сопровождавшейся значительными материальными и людскими потерями.

Следует отметить тот факт, что казаки должны были выполнять земские повинности — дорожную, подводную, постоянную, содержать переправы и мосты.

Представить себе объемы выполняемых повинностей могут дать следующие цифры. В 1861 г. общая стоимость натуральных повинностей с человека в Таманском округе равнялась 30 руб. В том числе 15 руб. — подводная повинность, 10 — дорожная, 5 — квартирная. Необходимо было предоставить 2.250 подвод и столько же проводников. Общая стоимость повинностей (подводной, дорожной и квартирной) по Таманскому округу составляла 67.000 руб.[183]

Стоимость натуральных повинностей для жителей 2 бригады составляла 35 руб. В том числе 20 руб. — подводная повинность, 5 — дорожная, 5 — квартирная, 5 — наем обывательской почты. Общая стоимость за год — 550.655 руб. Кроме того, жители должны были дать 11.264 подводы (считая по дням) и столько же проводников.[184]

Для жителей 3 бригады стоимость с человека равнялась 37 руб. 21 коп. В том числе подводной — 13 руб. 21 коп., 11 — дорожной, 13 — квартирной. Общая стоимость в год — 142.564 руб. 21 коп. Так же подвод и проводников в год, считая по дням — 22.614.[185]

Вместе с земскими выплатами общая сумма сборов и натуральных повинностей в войске в 1861 г. равнялась 63 руб. 50 коп. с души. [186] Для ясности следует указать, что к примеру, в 1842 г. пуд меда в Черномории стоил 4–4,5 руб., пуд муки — 50–60 копеек. В 1853 году стоимость фунта черной икры равнялась 30 копейкам, а пуд свежей рыбы стоил 1–1,5 рубля. В 1861 г. в 3-ей бригаде обычный дом — с сенцами и кладовой с чуланом из саманного кирпича (длина — 17,5 аршин, ширина — 7 и $\frac{1}{4}$ аршина, высота — 3 аршина), с 4 окнами без ставень, с 3 дверьми; в доме — 2 лавки, одна глиняная печь, потолок турлучный, крытый соломой — оценивался в 20 руб. 50 коп.[187]

Таким образом, каждый житель войска ежегодно выполнял повинностей, стоимость которых равнялась примерно стоимости полутора — двух домов (конечно не лучших, а среднего казака), или 132 кг. меду, или 47 кг. черной икры, или 450 кг. свежей рыбы, или более чем тонне муки. Цифры весьма впечатляющи. Причем это «чистая» стоимость, без учета трудозатрат на непосредственное выполнение самих работ.

Обратимся к дорожной повинности. В 1871 г. в ведение войска также были преданы второстепенные дороги и переправы, которые надлежало содержать и выставлять к переправам урядников и казаков из внутреннеслужащих.[188]

Современному человеку весьма сложно представить себе, что представляли из себя дороги в середине позапрошлого века. К примеру, в Темрюкском уезде (следует обратить внимание — это не гористая местность) первый дорожный участок выглядел следующим образом — от ст. Таманской до Фонталовского поселка 30 верст, от ст. Таманской до Бугаса 18,5 верст, до Тузлы 18 верст, до Сенной почтовой станции 21 верста, до Ахтанизовского юрта 25 верст. То есть всего — 112,5 верст, которые требовалось содержать в полном порядке — проезжими. На участке располагалось три каменных моста через балки по 8 сажень шириной, три «больших» косогора и «малые» косогоры и выбоины, которые было необходимо сравнивать. Для этой работы необходимо было привлечь значительную часть жителей (2.296 мужчин и 2.234 женщины), то есть оторвать от домашних хлопот, возможно от сельскохозяйственных работ.[189]

Дороги на втором участке (ст. Старотитаровская — Благовещенская — Суворово-Черкесская — Витязевское поселение — Михиэльсфельдское поселение, всего 312,5 верст) были еще в более худшем состоянии. На

участке находились паром у р. Кубани, большой мост у р. Джиги и 11 небольших мостов, местность бугристая и с множеством заплавленных участков. Содержать дороги в порядке необходимо было силами 3.004 мужчин и 2.653 женщин.[190]

В горной местности дороги были еще более сложными — по руслам рек, по просекам. Некоторое представление можно получить, обратившись к фотографиям начала века. В альбоме «Горячий ключ» показана такая дорога — если бы не подпись, то догадаться что это дорога было бы не возможно — русло реки и сплошные камни, валуны.[191]

Представление о тяжести работ дает рапорт пристава 2-го участка Темрюкского уезда от 23 окт. 1874 г. Пристав сообщал, что для исправления дорог жители ст. Ивановской (2.101 душ м.п. по сведениям 1861 г.), Староджерелиевской (1.345), Старонижестеблиевской (2.095), Старовеличковской (1.552), Поповической (1.301) и Новомышастовской (2.699)[192] должны были выслать на 7 дней 240 рабочих и 120 подвод. То есть (без учета прироста населения в период с 1861 по 1874 гг.) примерно каждого 46-го мужчину и по одной подводе на 92 человека, всего 1.680 трудодней. В действительности указанные станицы выслали 109 подвод и 211 рабочих, которые отработали 4,5 дня и сбежали, бросив строительный материал без присмотра. Интересно, что сам пристав признает, что жители вверенного ему участка крайне истощены исправлением повинностей — исправлением дорог (Раевско-Новороссийской), содержанием Варениковской дамбы, возвышением берегов Кубани близ ст. Троицкой. Кроме того, в текущем году жителей привлекали к борьбе с нашествием саранчи.[193] Следует отметить, что через двадцать лет — в 1893 г. качество дороги не улучшилось, что следует из циркулярного предписания наказного атамана всем станичным атаманам, сельским и отдельским властям особое внимание обратить на содержание дорог в порядке.[194]

Представление о стоимости содержания почтовых станций дает договор жителей 17-го полка 4-й бригады 1861 г. На жителях указанного полка лежала обязанность содержать 2 из 4 почтовых троек на почтовой станции на посту Извещательном. Казаки подрядили вместо себя содержать указанное количество троек казака ст. Темнолесской Сергея Михайловича (фамилия неразборчиво — возможна ошибка в написании — А.М.) Евдокимова или Евдожилова за 1.050 руб. серебром в год![195]

В отношении натуральных повинностей В.Н.Ратушняк отмечает, что они были основной тяжестью для казачьего населения. Если горцы выделяли для отработки натуральных повинностей до 5% работников, крестьяне — до 20%, то казаки — более 30%.[196]

По всей видимости, мнение некоторых советских ученых о привилегированном положении казачества разделяли чиновники во второй половине XIX в., которые считали возможным возложить на казаков выплату земских денежных сборов. У центральных гражданских властей не было ясного понимания того, почему казачество не платит денежных сборов. В министерствах финансов и государственных имуществ при обсуждениях смет появлялось предложение о распространении на казачество указанных выплат.[197] В середине 1870-х гг. по поводу подобных проектов наместник Кавказа вел. кн. Михаил писал: «...справедливым и необходимым все казачье население освободить от сбора на государственные повинности, оставив станичные общества и впредь на льготе... по уважению к тому, что принадлежащие к казачьему сословию лица от 20 до 40 лет обязаны усиленную государственную повинностью, причем обзаведение поступающих на службу казаков амуницией, оружием и лошадью относиться на их счет, а те, которые не зачисляются на службу, обязаны платить особый налог в пользу войскового капитала, по 15 рублей ежегодно».[198]

Военный министр при рассмотрении проекта сметы земских денежных сборов на трехлетие с 1875 по 1878 гг., предусматривающей сборы с казачьего населения, указал на то, что данные предложения прямо противоречили существующему законодательству, предусматривающему освобождение казаков от денежных сборов. Первоначально необходимо данный вопрос урегулировать на законодательном уровне. [199]

Наместник Кавказский предложил вопрос о поземельном налоге (который сменил подушную подать) с казачьего населения обсудить в областных правлениях совместно с войсковыми правлениями. Кубанское соединенное присутствие решило, что предполагаемый поземельный налог с юртовых земель должен быть вдвое меньше, чем с остальных земельных угодий. Следует отметить, что наказной атаман и начальник Кубанской области в отношении от 3 фев. 1881 г. № 1646 сообщил, что налог на юртовые земли является «крайне отяготительным», поскольку юртовой надел — единственный источник казачьего существования. В конечном счете, все сведения обобщил член

от министерства финансов в Совете главноначальствующего гражданской частью на Кавказе Виноградов и предложил юртовые земли оставить свободными от государственного поземельного обложения, что и было утверждено наместником.[200] Не все разделяли подобное решение. «Кубанские областные ведомости», выражая позицию гражданских областных властей, указывали на необходимость введения сбора с казачьих земель.[201]

Эта ситуация чрезвычайна характерна практически для всех сторон казачьего быта. Чиновники из столицы не представляли себе реального положения вещей на местах, откуда и проистекали различные предложения, часто совершенно неприемлемые. Кавказские военные чиновники, более осведомленные, стремились к защите интересов казачьего населения и противодействовали подобным проектам. Возможно, однако, что в основе действий по сохранению за казачеством некоторых льгот, лежало стремление к самосохранению, поскольку казачьи войска являлись опорой существующего режима.

Оценивая привилегии и повинности кубанских казаков можно сказать следующее. В середине XIX в. у казаков было две безусловные привилегии — освобождение от уплаты денежных земских сборов и рекрутских наборов. Помимо этого, за казаками были закреплены льготы условные, так как не каждый мог ими воспользоваться — за исключением права довольствия солью из войсковых соляных магазинов — право торговли в войске, право заводить рыбные заводы с уплатой пошлин. Земские повинности — дорожную, квартирную, подводную — казаки отбывали, а поскольку инфраструктура области была развита довольно слабо, то эти повинности ложились тяжким бременем на казачье население. Пересчет натуральных повинностей в 1906 г. на деньги показал, что стоимость их равнялась 50–70 руб.[202]

Помимо повинностей земских, казаки выполняли тяжелейшую повинность заселения новых территорий и хозяйственно-экономического их освоения. При переселении на новые места казаки сталкивались с необходимостью жизнедеятельности в совершенно незнакомых условиях, при постоянной военной опасности, отсутствия медицинской помощи, что приводило высокой смертности, в том числе среди детей.

На казаках лежала усиленная воинская повинность — в три раза более тягостная в мобилизационном плане, чем для остального населения. В сер. XIX в. казаки проходили действительную военную службу в

пределах области, переселенцы в Закубанье — по месту жительства. Как правило, кордонная служба была основной. В последней трети XIX — начале XX вв. качественно казачья служба не изменилась, однако произошло значительное изменение географии дислокации казачьих подразделений. По-прежнему, основной для кубанцев оставалась кордонная служба в отдаленных местностях Закавказья и Азии, охрана мирного населения от хищнических набегов. В пределах Кубанской области служба была в основном караульная, при тюрьмах и конвойная при сопровождении почты, заключенных.

Количество ежегодно призываемых на военную службу казаков в три раза превышало количество призывников от остального населения в процентном соотношении. Необходимо отметить, что и при выходе на льготу казаки были обязаны содержать обмундирование и строевого коня для ежегодных сборов, которые тяжело отражались на нормальном ходе хозяйственного развития казачьего хозяйства. Такое положение приводило к истощению мобилизационных возможностей войска, стремлению казачества к отбыванию воинской повинности на общих основаниях, освобождения от лагерных сборов.

Говоря об использовании казачества в полицейских целях можно сказать следующее. В использовании казачьих подразделений для наведения порядка и восстановления спокойствия не было ничего необычного. На окраинах империи такая служба была обыденной. Новым было для казаков применение силы во внутренних губерниях, масштабы волнений. Оценивая участие казачьих подразделений в подавлении революционных выступлений следует учитывать, что казаки на действительной военной службе находились под воинской присягой, основным содержанием которой было подчинение командирам и защита существующего режима. Категорически нельзя оценивать факты участия казаков в полицейских акциях, исходя из политических соображения и пристрастий. Казачество с честью выполняло воинский долг. При этом нельзя игнорировать факты отказа казаков применять силу против невооруженных людей, повседневную сложную и опасную службу по защите мирного населения от бандитов и псевдореволюционных элементов.

Таким образом, казаки имели привилегию не платить земских податей и освобождены от рекрутских наборов. Последняя привилегия после 1874 г. вообще потеряла смысл, а учитывая натуральные повинности и военную службу — главнейшую государственную повинность, говорить о неких привилегиях казачества просто нелепо.

<![endif]>

Примечания:

[1] Столетие Военного Министерства. 1802–1902. Т. XI. Ч. 3. Воинская повинность казачьих войск/Сост. А.И.Никольский, Н.А.Чернощев. СПб., 1907. С. 33–35.

[2] Жалованная грамота Екатерины II Черноморскому казачьему войску на кубанские земли 30 июня 1792 г.// Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 г. Краснодар, 1997. С. 526.

[3] Агафонов О. Казачьи войска Российской Империи. Пантеон отечественной славы. М.; Калининград, 1995. С. 327–328.

[4] ПСЗ 2. Т. 17 (1842). СПб., 1843. Ст. 15809. §3, 10, 47, 211.

[5] Там же. Т. 20 (1845). СПб., 1846. Ст. 18739. § 10, 62–66.

[6] Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке. Военно-экономический потенциал России. М., 1972. С. 482–484.

[7] Мещеряков Г.П. Русская военная мысль в XIX в. М.: Наука, 1973. С. 164.

[8] Зайончковский П.А. Военные реформы 1860–1870 годов в России. М., 1952. С. 50.

[9] Глущенко В.В. Казачество в Структуре государственности и политической истории России. СПб., 1999. С. 38–44.

- [10] Зайончковский П.А. Указ. соч. С. 5.
- [11] Устав о воинской повинности. Высочайше утвержден 1 января 1874 года//Реформы Александра II. М., 1998. С. 338.
- [12] РГИА. Ф. 866. Оп. 1. Д. 46. Л. 6–6 об.
- [13] Там же. Л. 7 об-8.
- [14] Там же. Л. 9–9 об.
- [15] ГАКК. Ф. 318. Оп. 1. Д. 517. Т. 1. Л. 135.
- [16] С Кубани. (Из писем в редакцию «Русского инвалида»)//Русский инвалид. 1869. 2 (14) сент., № 104.
- [17] По казачьим войскам//Голос. Газета литературно-политическая. 1872. 20 окт. (1 нояб.), № 290.
- [18] Кравцов И. Об осенних полковых сборах Кубанского казачьего войска в 1868 году//Кавказ. 1869. 26 марта (7 апр.), № 37.
- [19] Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 50–51.
- [20] Столетие Военного Министерства. 1802–1902. Т. XI. Ч. 3. С. 196.
- [21] РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 16. Л. 6–6 об.
- [22] ПСЗ 2. Т. 39 (1864). СПб., 1867. Ст. 41048, 41050.
- [23] Там же. Т. 36 (1861). СПб., 1863. Ст. 37408.
- [24] Там же. Ст. 36578.
- [25] Там же. Т. 36 (1861). СПб., 1863. Ст. 36711.
- [26] Там же. Т. 37 (1862). СПб., 1865. Ст. 38266. § 55–56.
- [27] Там же. Т. 36 (1861). СПб., 1863. — Ст. 37004, 37502, 378014; Т. 37 (1862). СПб., 1865. Ст. 37987, 38572; Т. 38 (1863). СПб., 1866. Ст. 39966, 40026; Т. 39 (1864). СПб., 1867. Ст. 1410.

- [28] Там же. Т. 41 (1866). СПб., 1868. Ст. 43393.
- [29] Расписание поселений Кубанской области по отделам и полковым округам//КСК на 1891 год. Екатеринодар, 1891 . С. 162– 164.
- [30] ПСЗ 2. Т. 36 (1861). СПб., 1863. Ст. 37408.
- [31] Там же. Ст. 37661.
- [32] Там же. Т. 40 (1865). СПб., 1867. Ст. 42484.
- [33] Там же. Т. 36 (1861). СПб., 1863. Ст. 37752.
- [34] Там же. Т. 40 (1865). СПб., 1867. Ст. 42044.
- [35] Там же. Т. 45 (1870). СПб., 1871. Ст. 48607.
- [36] Там же. Т. 49 (1874). СПб., 1877. Ст. 53325.
- [37] ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 628. Л. 1–4 об.
- [38] РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 47. Л. 13 об-14.
- [39] ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 628. Л. 16–19.
- [40] ПСЗ 2. Т. 47 (1872). СПб., 1875. Ст. 51392.
- [41] РГИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 17. Л. 5 об-6.
- [42] Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 43–44..
- [43] Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX-XX столетий. 1881–1903. М., 1973. С. 91–92.
- [44] Там же. С. 44–45.
- [45] Баженов П.Н. Действия русской кавалерии во время Русско-Турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканах. СПб., 1904. С. 8–11.
- [46] Бескровный Л.Г Указ. соч. С. 53.

- [47] Зайончковский П.А. Указ. соч. С. 155; Столетие Военного Министерства. 1802–1902. Т. XI. Ч. 3. С. 199 и далее.
- [48] РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 442. Л. 26.
- [49] Там же. Д. 431. Л. 4.
- [50] РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 1974. Л. 16 об.
- [51] Там же. Д. 2093. Л. 3 об.
- [52] «Кубанец». Боевая сторона кубанцев//Казачий вестник. 1883. 9 марта. № 20.
- [53] РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 237. Ч. 2. Л. 295–295 об.
- [54] Столетие Военного Министерства. 1802–1902.. Т. XI. Ч. 1–2. С. 586.
- [55] Там же. С. 717–718.
- [56] Льготное состояние Кубанцев//Казачий вестник. 1883. 13 апр., № 30.
- [57] Бугайский П.Я. Казаки и пластуны. Историко-военный очерк. СПб., 1877. 46 с.; Заколюжный С. Тактические свойства пластунов//Разведчик. 1894. № 185; Б-в Н. К двухсотлетию Кубанского войска//Русский вестник. 1896. Т. 246 (декабрь). № 12. С. 53–64
- [58] РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 237. Л. 143 об.
- [59] Там же. Л. 144 об — 149 об.
- [60] Там же. Л. 182 об.
- [61] Там же. Оп. 61. Д. 1846. Л. 1–15 об.
- [62] РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 429. Л. 1–13.
- [63] ПСЗ 3. Т. 2 (1882). СПб., 1885. Ст. 938.
- [64] ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 5093. Л. 22–25.

[65] ПСЗ 3. Т. 7 (1887). СПб., 1890. Ст. 4873.

[66] О формировании Черноморского полка//КСК на 1891 год. Екатеринодар, 1891. С. 127.

[67] ПСЗ 3. Т. 3 (1883). СПб., 1886. Ст. 1812.

[68] ПСЗ 2. Т. 42 (1867). СПб., 1871. Ст. 44560.

[69] Правила для обучения строевой службы казаков приговорительного разряда Донского войска (Высочайше утвержденные 26 марта 1876 г.)//КСК на 1891 год. Екатеринодар, 1891. С. 104 -105.

[70] ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 3663. Л. 3–9 об.

[71] Там же. Л. 10–12 об; Устав строевой казачьей службы. Ч. 1. Одиное, взводное и пешее ученье. 1899 год. СПб., 1910.

[72] Дополнение к строевым кавалерийским уставам для казаков. СПб., 1884. С. 6–7.

[73] Там же. С. 16.

[74] Там же. С. 17.

[75] Куцено И.Я. Кубанское казачество. Краснодар, 1993. С. 66–67.

[76] Пребывание на Кавказе в 1888 г. Их Императорских величеств Государя Императора Александра III Александровича и Государыни Императрицы Марии Федоровны с Августейшими детьми//Кавказский календарь на 1910 год. Тифлис, 1910. Ч. 2. Приложения. С. 50

[77] РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 452. Л. 4.

[78] См., например: В.Ч. 200-летие Кубанского войска//Разведчик. 1896. 15 окт. № 313.

[79] РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 452.. Л. 15– 22 об.

[80] Там же. Ф. 970. Оп. 3. Д. 507. Л. 96–100 об.

[81] Там же. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2013. Л. 1.

[82] ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 2823. Л. 38–39.

[83] Игнатъев Б.Б. Развитие системы управления казачьих войск России (вторая половина XIX — начало XX вв.): Дис... канд. ист. наук. М., 1997. С.90.

[84] Григорьев М. Строевое обучение льготных и приговорительного разряда казаков. (Статья первая)//Военный сборник. 1901. № 5 (май). С. 125.

[85] Белоусов И.В. Казачий сепаратизм в России (1917–1920): истоки, сущность, последствия: Дис... канд. ист. наук. М., 1998. С. 67.

[86] Игнатъев Б.Б. Указ. соч. С.95–103.

[87] Орлов П. Казачьи вопросы. (С Кубани)// Казачьи вопросы. Новочеркасск, 1912. 5 июля. №. 33.

[88] То же//Там же. 18 июля. № 34.

[89] ПСЗ 2. Т. 46 (1871). СПб., 1874. Ст. 49712.

[90] Там же. Т. 54 (1879–18 февр. 1880). СПб, 1881. Ст. 60417.

[91] Лола М. О. О кубанском казачестве. Ростов н/Д, 1925. С. 144.

[92] Янчевский Н.Л. Разрушение легенды о казачестве. Ростов н/Д, 1931. С. 74.

[93] ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 6896. Л. 1, 3.

[94] ПСЗ 2. Т. 17 (1842). СПб., 1843. Ст. 15809. § 461–671; Т. 20 (1845). СПб., 1846. Ст. 18739. §418.

[95] Павловский С.В. Участие кубанских казаков в освобождении Болгарии от османского ига//Из дореволюционного прошлого кубанского казачества. Краснодар, 1993. С. 92.

[96] Казаки в войнах России. М., 1999. С. 82.

[97] Павловский С. В. Указ. соч. С. 91.

- [98] Баженов П.Н. Действия Русской кавалерии во время Русско-Турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканах. СПб., 1904. С. 207.
- [99] Там же. С. 240.
- [100] Там же. С. 152–253.
- [101] Там же. С. 396.
- [102] Там же. С. 403.
- [103] Там же. С. 633.
- [104] Гершельман Ф. Кавалерия в войнах XX века. СПб., 1908. С. 243.
- [105] Подробнее см.: Б.Б.Игнатъев. Развитие системы управления казачьих войск России (вторая половина XIX — начало XX вв.): Дис... канд. ист. наук. М., 1997. С. 95–110.
- [106] См.: Матвеев О.В. Военное дело//Очерки традиционной культуры казачеств России. М.; Краснодар, 2002. С. 402–417.
- [107] Кияшко И.И. Именной список генералам, штаб — и обер-офицерам, старшинам, нижним чинам и жителям Кубанского казачьего войска (бывших Черноморского и Кавказского линейного казачьих войск) убитым, умершим от ран и без вести пропавшим в сражениях, стычках и перестрелках с 1788 по 1908 гг. Екатеринодар, 1911. С. 248–340.
- [108] ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 162. Л. 10–16.
- [109] Там же. Ф. 252. Оп. 2. Д. 381. Л. 4–4 об.
- [110] ПСЗ 2. Т. 41 (1866). СПб., 1868. Ст. 43245.
- [111] О времени сборов льготных казаков в кубанском казачьем войске для строевых учений и о сроках службы на кордонах//Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. (С 1 января 1868 года по 1 января 1869 года). Т. 4. СПб., 1871. С. 69–70.
- [112] ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 2823. Л. 81–87.

[113] Расписание сухопутных войск на 1876 год, исправленное по 25-е января 1877 года. СПб., 1877; То же на 1891 год, исправленное по 25-е октября 1892 года. СПб., 1892.

[114] Инструкция казачьим частям, расположенным на пограничных с Персией и Турцией кордонах, об организации и обязанностях службы пограничных кордонов//РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 445. Л. 1 об.

[115] Петренко И. Кубанцы и кавказские горцы в Польше. Очерк по истории Кубанского казачьего дивизиона//КОВ. 1910. 22 мая. № 110.

[116] ПСЗ 2. Т. 36 (1861). СПб., 1863. Ст. 37408. П. 1.

[117] Там же. Т. 53 (1878). СПб., 1880. Ст. 58432.

[118] Петренко И. Указ соч.

[119] ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 6161. Л. 14.

[120] Петренко И. Указ соч.//КОВ. 1910. 22 мая, № 110; 4 авг. № 151–153;Телепень С.В. Казаки Кубани в военно-политических событиях Польши конца XVIII — начала XX вв.: Автореф. дис... канд. ист. наук. Армавир, 1998. С. 15–16.

[121] ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 3411. Л. 2–3 об.

[122] История лейб-гвардии казачьего Его Величества полка. 1775–1813–1875–1917/Сост. Б.Р.Хрещатицкий. СПб., 1913.-406 с.: ил.; Кузьминский Н.А. Столетний юбилей собственного его императорского величества конвоя. Хроника//ГАКК. Ф. 670. Оп. 1. Д. 58. Л. 1–89; Матвеев О.В. Слово о кубанском казачестве//О.Матвеев. Слово о кубанском казачестве. С. Шептун. Из истории православной церкви на Кубани. Краснодар, 1995. С.130–140.

[123] ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 5918. Л. 3–3 об; Д. 6648. Л. 1, 3 об; Д.7780. Л. 4–4 об.

[124] Там же. Ф. 318. Оп. 6. Д. 402. Л. 9, 61, 86; Д.431. Л. 13; Д. 427. Л. 1.

[125] Там же. Д. 410. Л. 1–1 об, 3.

- [126] Там же. Д. 402. Л. 5–5 об.
- [127] Там же. Д. 427. Л. 1, 5, 10–10 об.
- [128] Там же. Д. 402. Л. 5, 86., 107–109.
- [129] Казаки//Энциклопедический словарь/Издатели Ф.А.Брокгауз, И.А.Эфрон. Т. 13А. СПб., 1894. С. 882–894.
- [130] Каплин Н.М. О состоянии Области и Войска за 1910 г. извлечение из отчета Нач. Обл. и Наказ. Атам. Куб. Каз. войска//Кубанский сборник. Т. 17. Екатеринодар, 1912. С. 12.
- [131] Рукоусев Е.В. Казачество: права и обязанности сословия//Вопросы истории. 1998. № 5. С. 142.
- [132] ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 2823. л. 83–84 об.
- [133] РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2110. Журнал временной комиссии по уменьшению тягости воинской повинности в казачьих войсках от 13 нояб 1901 г. № 13. Л. 2–2 об.
- [134] Составлена по сведениям: ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 3572. Л. 5–16.
- [135] ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8414. Л. 1, 4–4 об, 9–9 об, 11.
- [136] Там же. Д. 4662. Л. 1–2 об, 15–16 об, 28.
- [137] Там же. Ф. 396. Оп. 1. Д. 4918. Л. 1-й об.
- [138] Там же. Д. 3106. Л. 1–2об, 10–10 об; Д. 3412. Л. 2–4 об.
- [139] Там же. Д. 7186. Л. 4–4 об.
- [140] Там же. Л. 6–6 об.
- [141] Там же. Д. 8011. Л. 1, 2 об, 10.
- [142] Футорянский Л.И. Казачество на рубеже веков. Оренбург, 1997. С. 111.
- [143] Там же. С. 111, 113.

[144] Трут В.П. Казачество России во время революции 1905–1907 годов//Казачий сборник. Ростов н/Д: ДЮИ, 2000. С. 305.

[145] Казачий вопрос в Государственной Думе. Стенографический отчет С.-Петербургского Телеграфного агентства о заседании 13-го июня. Новочеркасск, 1906. С. 4–6.

[146] См.: Кожин В.В. Россия. Век XX—й (1901–1939). История страны от 1901 года до «загадочного» 1937 года. (Опыт беспристрастного исследования). М., 1999. С. 81–105 и далее.

[147] Казачий вопрос в Государственной Думе. ...С. 6–7, 14.

[148] ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 9544. Л. 40–41.

[149] Зиссерман А. Колонизация Кавказа//Новое время. 1877. 13 (25) дек. № 645.

[150] Бороздин К.М. Колонизация Кавказа//Наблюдатель. 1885. № 5. С. 129–147.

[151] [Венюков М.] М.В. Население Северо-Западного Кавказа в три эпохи его колонизации Русскими: В 1841, 1860 и 1863 годах (с тремя картами)//ЗИРГО. 1864. Кн. 1. Паг. 2. С. 2.

[152] Там же. С. 3–5.

[153] История народов Северного Кавказа (Конец XVIII в. — 1917 г.). М., 1987. С. 212–213.

[154] ПСЗ 2. Т. 37 (1862). СПб., 1865. Ст. 38266. §67.

[155] Короленко П.П. Ведомость о русской колонизации Закубанского края на Западном Кавказе//КОВ. 1894. 9 апр., № 27.

[156] ПСЗ 2. Т. 37 (1862). СПб., 1865. Ст. 38256. § 48.

[157] ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 438. Л. 88–88 об.

[158] Там же. Ф. 252. Оп. 2. Д. 394. Л. 3–3 об.

[159] Там же. Д. 2. Л. 15.

[160] Бежкович А.С. История заселения Кубани//Доклады географического общества СССР. Отделение этнографии. Вып. 2. Л., 1966. С. 36.

[161] Гродеков Н. Колонизация нагорной полосы Кубанской области//Записки для чтения. 1869. Авг., сент., окт., нояб., дек. С. 54.

[162] Бентковский И. Заселение западных предгорий главного кавказского хребта//Кубанский сборник. Т. 1. Екатеринодар, 1883. С. 15–16.

[163] См. : П. Обзор колонизации Закубанского края//Русский инвалид. 1864. 17 (29) окт. № 230; Новые казачьи поселения в Закубанском крае//ЗКОИРГО. Тифлис, 1864. Кн. 6. Паг. 4. С. 21–22 («Смесь»); Щербина Ф.А. Колонизация Кубанской области//Киевская старина. Т.8. Киев, 1883. С. 529–545; Фелицын Е.Д. Краткий очерк заселения Кубанской области, с картою//ИКОРГО. Т. 8. Тифлис, 1884–1885. С. 250–284.

[164] Салтан. Воспоминание//Кавказский сборник. Т. 1. Тифлис, 1877. С. 56–124.

[165] Саньков. Описание поселения 5-й (Урупской) бригады Кубанского казачьего войска, и отдельных действий ее частей против непокорных горцев//КВВ. 1868. 16 марта. № 11; 23 марта. № 12.

[166] Кирилов П. Кубанская старина. К истории колонизации Закубанского края (Первый командир 26-го полка — от 12-го апреля 1863 г. по 1-е октября 1864 г. — полковник Пистолькорс)//КОВ. 1899. 17 нояб. № 246.

[167] Каменев Н. Несколько слов о колонизации Западного Кавказа вообще и Псекупского полка в особенности// КВВ. 1867. 7 окт. № 39.

[168] Там же.

[169] Кирилов П. Указ. соч.//КОВ. 1899. 19 нояб. № 248, 250.

[170] Захаров С. О населении 27 (ныне 25) конного полка Кубанского казачьего войска//КВВ. 1867. 28 окт. № 42.

- [171] Пантюхов И.И. Влияние малярии на колонизацию Кавказа// Кавказ. 1897. 17 дек. № 334.
- [172] Там же.
- [173] Краткий исторический очерк Кубанского полка (ныне 2-я бригада)//КВВ. 1868. 18 мая. № 19.
- [174] Раковский. История 25 (ныне 23) конного полка Кубанского казачьего войска//КВВ. 1867. 18 нояб. №45; 2 дек. № 47; 16 дек. № 49.
- [175] Захаров С. Указ. соч.
- [176] Гродеков Н. Указ. соч. С. 56–57.
- [177] Бежкович А.С. История заселения Кубани//Доклады географического общества СССР. Отделение этнографии. Вып. 2. Л., 1966. С. 37–38.
- [178] ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 380. Л. 4–5.
- [179] Гродеков Н. Указ. соч. С. 57.
- [180] Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. 11. Ч. 1–2. С. 698.
- [181] ГАКК. Ф.252. Оп. 2. Д. 381. Л. 7.
- [182] Там же. Д. 164. Л. 53–54.
- [183] Там же. Д. 162. Л. 281.
- [184] Там же. Л. 288 об.
- [185] Там же. Д. 381. Л. 286.
- [186] Там же. Д. 162. Л. 290.
- [187] Там же. Ф. 252. Оп. 1. д. 11. Л. 66; Там же. Д. 1480. Л. 40–40 об; Там же. Ф. 252. Оп. 2. Д. 412. Л. 59 об.
- [188] ПСЗ 2. Т. 46 (1871). СПб., 1874. Ст. 49641.

[189] ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 294. Л. 7 об-8.

[190] Там же. Л. 8 об-9.

[191]»Горячий ключ» и его окрестности Кубанской области:(фотоальбом). Б/м, б/и., 1896. С. 14.

[192] ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 128. Л. 5–7.

[193] Там же. Ф. 454. Оп. 1. Д. 294. Л. 59–61 об.

[194] Сборник циркуляров Начальника кубанской области и Наказного Атамана Кубанского казачьего войска, и Кубанского областного правления. С 1879 по 1900 г. включительно/Сост. П.Г.Шенцов. Екатеринодар, 1901. С. 737.

[195] ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 217. Л. 17 —18.

[196] Ратушняк В.Н. Казачество Кубани накануне октября//Кубанское казачество: проблемы истории и возрождения (к 200-летиюоснования города Екатеринодара и 43 кубанских станиц). Краснодар, 1992. С. 40–43.

[197] Об устройстве земских повинностей и введении государственного поземельного налога в Кубанской области// КОВ. 1894. 29 окт., № 83.

[198] РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 324. Л. 10 об.

[199] Об устройстве земских повинностей и введении государственного поземельного налога в Кубанской области// КОВ. 1894. 26 окт., № 82.

[200] Об устройстве земских повинностей и введении государственного поземельного налога в Кубанской области// КОВ. 1894. 26 окт., № 82.

[201] То же// Там же. 5 нояб., № 85.

[202] Рукоуев Е.В. Казачество: права и обязанности сословия//Вопросы истории. 1998. № 5. С. 143.

Глава 3. Социально-экономическое развитие войска и казачьего хозяйства

Необходимость ясного представления реального социально-экономического положения казачьего хозяйства, представления о причинах столь распространенного в дореволюционное время тезиса об упадке казачества, диктует потребность в рассмотрении казачьего землевладения и доходности казачьего хозяйства. Однако задача составления картины имущественного положения казачества требует рассмотрения данного вопроса в контексте и совокупности стоимости воинской и иных повинностей.

В данной главе сделана попытка рассмотреть структурные изменения в социальном и экономическом развитии Кубани в середине XIX в., их влияния на казачье хозяйство, углубления указанных процессов в начале XX в. Как представляется, среди факторов, влияющих на имущественное положение казачьего населения, наибольшее значение имели: приток иногороднего населения и социальная политика правительства по отношению к казачьему сословию, изменения структуры землевладения и порядка землепользования, изменения в соотношении отраслей хозяйства.

3.1. Структурные изменения в социально-экономической сфере

во второй половине XIX в.

Для более ясного понимания произошедших изменений в Кубанской области во второй половине XIX в., необходимо бегло обрисовать социально-экономическое положение казачьих областей накануне создания Кубанского казачьего войска.

Специфика региона заключалась в особенностях землевладения, отсутствия свободной рабочей силы, занятостью значительной части населения долгосрочной военной службой.

Накануне объединения численность казачьего населения КЛКВ приблизительно равнялась 300 тыс. душ обоего пола, ЧКВ — около 180 тыс. человек. При этом количество не казачьего населения, как на Линии, так и в пределах войска Черноморского было крайне невелико — 2,2% и 1,5% соответственно.[1]

Практически на протяжении всей первой половины XIX в. в пределах Черномории имелись значительные площади свободной земли. Уже при переселении казачья старшина начала захватывать земельные участки,

которые, несмотря на отсутствие юридически закрепленной частной собственности на землю, фактически находились в собственности войсковых старшин. Ф.А.Щербина отмечал, что «Порядок общей пользы», а именно пункт 23 о выдаче «открытых листов», положил начало захвату старшиной земли в ЧКВ.[2] В дальнейшем этот способ землепользования, охарактеризованный В.Н.Ратушняком как «захватный», утвердился. Но наличие огромных территорий не приводило к каким либо осложнениям в вопросах землепользования. Обычной практикой было выселение зажиточного казака на хутор и использование, в меру возможностей, окрестной земли, не захваченной уже кем-либо. В дальнейшем произошло законодательное закрепление права пользования землей. По положению 1842 г. офицерам полагалось от 400 до 1500 десятин, нижним чинам по 30 десятин. На самом деле к тому времени черноморские дворяне и духовенство владело гораздо большими участками.[3]

Однако интенсивное использование захваченных земель было невозможно. Во-первых, на Кубани было довольно слабо развито крепостное владение крестьянами. В Черномории, например, процент крепостных крестьян по отношению к казачьему населению в период с 1810 по 1859 гг. колебался в пределах 0,5–1,5%.[4] Также на землях Черномории было запрещено селиться лицам не казачьего сословия, что приводило к отсутствию потенциальной наемной рабочей силы. Все это было одной из важнейших причин того, что в хозяйствах казаков, даже зажиточных, земледелие было крайне слабо развито в дореформенный период. В Черномории из пригодных под пашню 2 млн. десятин в 1859 г. Использовалось 404.000 дес., или 18%.[5]

Следует отметить, что организационной формой хозяйствования в Черномории было поселение на хутора, что было возможно при наличии свободных земель. Причем если у линейцев в 1951 г. насчитывалось 45 станиц, 127 хуторов и 203 зимовника, то в Черномории на 1859 г. станиц числилось 63, поселков — 9, зимовников — 86, а хуторов 3186.[6] К середине века свободной земли стало не хватать, и зажиточные казаки стали захватывать казачьи куренные земли. К 1 янв. 1861 г. в ККВ числилось: городов — 1; станиц — 152; «населков» — 8; хуторов — 3454; крепостей — 3; зимовников — 344; всего 3962 населенных пункта.[7] Число всех населенных пунктов войска увеличилось по сравнению с 1860 г. на 421, из них станиц — 89 или 21,1%, хуторов — 69 или 16,4%, зимовников — 261 или 62%. Как видно, экспансия «хуторян» активно продолжалась и после создания ККВ. Захваты земель приняли столь значительные масштабы, что

войсковые власти вынуждены были в 1868 г. циркулярным предписанием запретить выселение на хутора в связи с предстоящими межевыми работами.[8]

Значительную часть времени казаки Черноморского казачьего войска проводили на службе — охране кордонов, военных экспедициях. Естественно, что занятие земледелием требовало правильного севооборота, определенной последовательности агрономических мероприятий, то есть присутствия земледельца. А поскольку казаки не имели возможности присутствовать круглогодично, или выходить на службу в удобное для себя время — то основной отраслью сельского хозяйства Черномории было экстенсивное скотоводство.

Динамика роста численности скота в Черномории выглядит следующим образом: в 1804 г. в войске было 16,6 тыс. лошадей, крупного рогатого скота — 43,1 тыс., овец — 156,2 тыс. В 1859 г. поголовье лошадей равнялось 47,3 тыс., крупного рогатого скота — 197,1 тыс., овец — 470,4 тыс.[9]

Следует отметить, что положение значительной части казаков и офицеров в Черномории и на Линии было весьма плачевное. В 1855 г. генерал-адъютант Хомутов (наказной атаман Донского войска) составил записку о Черномории, в которой указывал чрезвычайную бедность Черномории, войскового города, отсутствие зданий и ужасную грязь.[10] При этом автор указывал на крайнюю скудость содержания офицеров войска, которые за редким исключением бедны.[11]

Сходные мысли высказывал главнокомандующий Кавказской армией в том же 1855 г. при обсуждении вопроса о назначении пенсий и пособий гражданским чиновникам из казачьего сословия. В КЛКВ крайне малы земельные наделы, дефицит земли около миллиона десятин. Офицеры, находясь на службе, не могут извлечь выгоды даже из своих малых наделов, а, увольняясь, остаются совсем без средств к существованию. Говоря же о свободных землях, главком писал: «Так в обоих казачьих войсках на Кавказе... по особому положению их на рубеже враждебных нам народов, хозяйственный быт казаков не может не находится в цветущем состоянии, постоянная тревожная жизнь и беспрестанная служба отвлекают руки от труда производительного и оставляют в пусте обширные пространства».[12]

Помимо этого, как отмечал кн. А.И.Барятинский, у казаков не было стимулов к более продуктивному использованию земель — без права

частной собственности офицеры не уверены в завтрашнем дне, потому капитальных строений не ставят, занимаются скотоводством.[13]

Что касается промышленности, то в основном оно носило кустарный характер. В 1857 г. число кустарных предприятий в Черномории равнялось 201. Естественно, что в каждой станице имелись свои кузнецы, плотники, столяры и пр. Крупные промышленные предприятия в основном были связаны с рыбным промыслом, скотоводством и обмолотом зерна. В Черномории заводы в основном сосредотачивались в городах — в 1850 г. их насчитывалось: 5 салотопенных, 27 кожевенных, 67 маслобойных, 42 кирпичных, 3 гончарных, 1 пивоваренный.[14]

Структура хозяйства Черномории прослеживается в том числе и по структуре доходов и расходов войскового капитала. Из общего дохода 631.714 руб. 28 коп. и расходов в 613.635 руб., статьи распределялись следующим образом:

Таблица 3. 1. 1.

Доходы войскового капитала ЧКВ.[15]

Статьи

Всего

Продажа вина

Процентов капитала

Рыболовный промысел

Соляной промысел

Нефтяные источники

Пошл. от скотовод.

Торговые сборы

Торговые пошлины огородных

Иные статьи

Жалование от казны

Руб. и коп.

631.714 р.

28 к.

400.000р.

60.000р.

82.000р.

25000р.

1000р.

8000р.

8000р.

12000р.

30000р.

5714р.

28 к.

%

100

63,31

9,49

13

4

0,16

1,3

1,3

1,9

4,75

0,9

Таблица 3.1. 2.

Расходы войскового капитала ЧКВ.[16]

Статьи

Всего

Содерж. управл.

Провиант для войск

Артилл.

Почта

Переправ.

Войск. музыкант.

Больницы и приюты

Войс. сад

Войск. пенсии

Иные расходы

Руб. и коп.

613635р.

330000р.

100000р.

12000р.

60000р.

9000р.

2300р.

40000р.

335р.

10000р.

50000р.

%

100

53,8

16,3

2

9,75

1,45

0,4

6,5

0,05

1,6

8,2

Как видно из таблицы, важнейшими статьями расходов войскового капитала было содержание внутреннего управления и администраций, содержание кордонов и постов. На благотворительные цели войско тратило чуть более 7%, что в процентном отношении довольно много.

Бюджет войска в основном складывались из доходов с продажи вина и процентов с войскового капитала. Выводы Ф.А.Щербины о преобладающем значении винной монополии в финансовой жизни войска очень точны.[17] Доходы от промышленности и торговли крайне не велики.

Таким образом, практически все хозяйство Черномории — и казачье и войсковое, развивалось экстенсивным путем, что обуславливалось объективными причинами: занятостью значительной части казачьего населения на военной службе, отсутствию наемной рабочей силы, возможностью для казачьей старшины захватывать значительные земельные участки и получать прибыль за счет расширения эксплуатируемых земель. В.Н.Ратушняк отмечает в данной связи, что господство заимочной формы землепользования обуславливалось многоземельем и низким уровнем развития производительных сил, поэтому примитивное выгонное скотоводство доминировало над всеми остальными отраслями сельского хозяйства.[18] Вплоть до 1862 г. зажиточность казачьего хозяйства определялась наличием скота. Житель войска считался богатым, если имел рогатого скота от 36 до 100 голов, лошадей от 13 до 100, овец от 167 до 1000, свиней от 10 до 24. Среднего достатка хозяйство считалось при наличии рогатого скота от 14 до 30 голов, лошадей от 5 до 113, овец от 41 до 190, свиней от 4 до 8. И бедным хозяйство стало при наличии рогатого скота от 1 до 4 голов, лошадей от 1 до 2, овец от 1 до 20, свиней от 1 до 2. Однако были хозяйства и вовсе без скота.[19]

Войсковой капитал складывался практически исключительно за счет винной монополии, процентной ставки, рыбного промысла, пошлин за

вывозимый скот и платы за аренду пастбищ, пошлин с торговли. Однако совокупный доход от последних трех статей не превышал 5%. Таким образом, можно сделать вывод о низком уровне развития этих отраслей хозяйства. Следует отметить, что объяснение А.С.Собриевского упадка торгового дела в Черномории, в отличие от Линии, психологическими особенностями и «традицией Запорожья» выглядит несколько наивно.[20] Скорее дело было в том, что весьма немногие желающие торговать имели необходимый капитал в 1.500 руб.

Если в центральной России была возможность эксплуатации крепостного труда и это сдерживало интенсификацию производства,[21] то в казачьих районах Северного Кавказа сдерживающими факторами было коллективное землевладение, военная служба, бедность офицерства, отсутствие свободного населения и капиталов.

В пореформенный период произошли значительные структурные изменения. В первую очередь, следует остановиться на социальных процессах, происходящих в 1860–1890-е гг. в Кубанском казачьем войске.

Численность казачьего населения в пореформенный период возрастала постоянно. Источники пополнения были следующие: зачисление в состав сословия лиц «постороннего звания», переселение в Закубанье казаков других войск и солдат, браки между лицами казачьего и не казачьего сословия.

Зачисление в состав войскового сословия было обычной практикой. Особенно интенсивно этот процесс протекал в связи с заселением Закубанья. Как видно из рапортов командиров 6-ой и 7-ой бригад 1861 г., к ним обращались крестьяне Екатеринославской, Воронежской, Курской губерний с просьбами о зачислении навечно с потомством в казачье сословие с водворением в одной из новых станиц. Обычно к коллективному прошению прилагались расписка о добровольном желании зачисления, отзывы Палаты государственных имуществ губернии выхода со сведениями о недоимках и копии ревизских сказок. Также необходимым было представить приговоры о согласии на водворение станичных обществ.[22] В целях облегчения вызова семей переселенцев на новые места, было высочайше позволено наказному атаману войска лично входить с представлениями по данным вопросам к губернским правлениям и Палатам государственных имуществ.[23]

Желающих переселиться на Кубань с зачислением в казачье сословие было настолько много, что в 1865 г. было принято решение о приостановлении зачисления лиц всех сословий в состав войска, кроме тех, чьи просьбы уже приняты к рассмотрению.[24] В 1869 г. право зачисления лиц не казачьего сословия в состав войска было передано на усмотрение местного Кавказского начальства, причем оговаривалось, что производить зачисление можно только по «очень уважительным причинам». Если желающий зачислиться в состав войскового сословия имел гражданские или военные чины, то его зачисление могло осуществиться только с разрешения военного министра.[25]

В 1865 г. было принято решение об устройстве беспаспортных людей в пределах войска. Тех из них, кто явился бы добровольно в течение 3-х месяцев, предполагалось либо отправить на прежнее место жительства, либо зачислить с потомством в состав войска с водворением на северо-восточном берегу Черного моря. При этом не имеющих семей — водворять немедленно, с семьями — с разрешения сельских обществ.[26] Официальная статистика по таким людям невелика. К примеру в станицах округа 6-ой бригады за сентябрьскую треть 1860 г. насчитывалось 163 человека (предположительно реальная численность было на 60–80 чел. больше), в том числе люди по временным паспортам, по указу об отставке, по бессрочным билетам. В округе 4-ой бригады число таких лиц достигало 273, в том числе 6 калмыков.[27]

Одним из самых мощных потоков пополнения численности ККВ было организованное зачисление в состав войска переселенцев в Закубанье. Согласно проекту, планировалось переселить от Азовского казачьего войска (далее — АКВ) 8 офицерских и 800 семей казаков; от Донского войска — 1.200 семей; семей малороссийских крестьян и казаков — 2000; нижних чинов Кавказской армии — 600 семей. При этом число семей от АКВ планировалось либо увеличить, либо переселить все войско.[28]

Азовское казачье войско составляли около 5000 запорожцев, перешедших за Дунай. Поселены они были на западной стороне Азова между Бердянском и Мариуполем. После войны 1828 г. по проекту адмирала М.П.Лазарева на азовских казаков была возложена задача охраны черноморского побережья от контрабандистов.[29]

На протяжении длительного времени разрабатывались проекты переселения азовцев. В 1830-е гг. — проект Раевского о создании войска береговых казаков. Вопрос о переселении возбудил военный

министр граф Чернышев в 1843 г., однако азовские казаки не захотели переселяться и государь, с целью избежать дробления войска не дал хода проекту. В 1844 г. начальник Черноморской береговой линии представил проект переселения азовцев в р-он Анапы с наименованием Закубанским войском. Проект отложили сначала временно, затем совсем. Тот же вопрос вновь возбуждался в 1851 г., после Крымской войны в мае 1857 г., то есть вопрос переселения был вопросом времени. К тому же «правительство находило неуместным поселение Азовского казачьего войска внутри империи».[30]

Весной 1862 г. прибыла первая партия переселенцев АКВ на Кубань в составе 206 семей. Расселили их в ст. Новороссийской, Анапской, Благовещенской и Анапском поселке. В 1863 г. переселились 5 офицерских семей и 504 казачьих. В 1864 г. — 339 семей.[31]

11 октября 1865 г. Азовское казачье войско было упразднено, с причислением оставшегося числа офицерского состава к дворянству Екатеринославской губернии, урядников и казаков к сословию крестьян-собственников.[32] При этом 29 семей изъявили желание переселиться на Кавказ.

Всего при заселении западных предгорий главного Кавказского хребта в период с 1861 по 1864 годы переселилось: от Терского войска 51 семья (0,35%), от Донского — 1008 (8%), от Азовского — 1051 (8%), от Оренбургского — 425 (2,95%), от Уральского — 83 (0,59%), нижних чинов Кавказской армии — 1014 (8%), охотников разных сословий — 651 (4,52%), государственных крестьян — 1338 (9,29%), других переселенцев — 288 (2%). В 1865 г. еще переселилось 1500 семей.[33]

Помимо прямого зачисления в казачье сословие, пополнение казачьего населения происходило за счет зачисления вступивших в брак с казаками иногородних женщин. Надо отметить, что с последней трети XIX в. приток в состав казачьего сословия был незначительным. В 1908 г. число зачисленных в казачье сословие равнялось 4618 чел., что составляло 0,4% от численности казачьего населения области. В 1909 г. это число равнялось 5015 чел. В том числе женщин, вступивших в брак с казаками в 1908 г. — 2804, в 1909 г. — 3219.[34]

Таким образом, можно сделать вывод, что после заселения Закубанья доступ лицам других сословий в состав войска был ограничен, около 0,5% ежегодно от общей численности казачьего населения, однако не прекращался никогда.

Необходимо сказать несколько слов о политике по отношению к казачьему дворянству в рассматриваемый период. По данным на 1 янв. 1862 г. в Кубанском войске числилось потомственных дворян обоого пола — 2103, в том числе владельцев крепостных людей с землей — 11, без земли — 2336. Личных дворян насчитывалось 2336.[35] К 1876 г. дворян потомственных насчитывалось 3901 об п., личных — 5103 об. п.[36] К 1 янв. 1882 г. число потомственных дворян равнялось 4637 душ об п., личных — 4887.[37] К 1897 г. — 8.185 и 6.340 соответственно.[38] То есть, численность дворянского сословия в войске росла, несмотря на приостановление производства в дворянское звание по высочайшему манифесту 1856 г. Обычно, зачисление происходило на основании личных прошений. К примеру, казак 8-го конного полка Степан Перекрест — сын отставного полковника, указывал в прошении, что он законный сын своего отца, получившего обер-офицерский чин после уравнивания чинов войска с чинами армии в 1802 г., и до высочайшего манифеста 9 дек. 1856 г., поэтому на основании Свода военных постановлений часть 2 кн. 1, 3-го примечания в ст. 1608 его следует «показывать по спискам из дворян».[39]

В 1861 г. были рассмотрены прошения казаков 4-го полка Михаила Белого, 8-го полка Григория Магана, казака 2-го эскадрона лейб-гвардейского Черноморского казачьего дивизиона Григория Шуть, 5-й бригады Виктора Булавинова, а всего 23 человека. При этом, например, казаку 4-й бригады Алексею Ткачеву было отказано в утверждении в дворянском звании, поскольку родился он, когда его отец находился в чине сотника. То же самое произошло с Михаилом Камышаном. А, например, бомбардиру 12-й конно-артиллерийской бригады Марку Заводовскому было отказано по указу Сената, поскольку он не приложил к прошению копий необходимых документов и не указал места жительства.[40]

Несмотря на меры по замедлению роста численности войсковых дворян, правительство принимало решения, прямо свидетельствующие о проведении узкосословной политики в отношении дворянства. Но в основном эти решения касались материального обеспечения, в первую очередь через наделение офицеров земельными участками в потомственную частную собственность (об этом ниже) и получении материальной помощи.

Обычной практикой было назначение пособий и пенсий. Выше указывалось, что, по данным И.Д.Попки, на эти цели в ЧКВ

расходовалось до 10.000 руб. В 1865 г. было принято решение об изменении порядка назначения пенсий и пособий беднейшим офицерам ККВ и их семьям, вдовам. Если ранее пособия назначались из процентов с капитала общественного призрения, то теперь войсковому начальству было предоставлено право вносить в смету специальные суммы на эти цели. В 1865 г. на пенсии и пособия было отчислено 10.000 руб.[41] Насколько велика была эта сумма, можно понять исходя из стоимости скота. В 1862 г. казачья лошадь стоила 34 руб. 66 коп.; лошадь конского завода — 55 руб.; овца — 2 руб. 93 коп.; свинья — 4 руб. 43 коп.[42] Таким образом, если общее число дворян в 1862 г. равнялось 4.439 душ об. п., то на каждого из выделенных средств приходилось примерно по 2 руб. 25 коп. Естественно, что число нуждающихся в пособиях было значительно ниже, а пособия — выше.

В 1880 г. были утверждены правила выдачи ссуд из войскового капитала жителям войска. Ежегодно на эти цели предполагалось вносить 25.000 руб. Беспроцентные ссуды выдавались пострадавшим от стихийных бедствий, для общественных нужд станицам, для покупки снаряжения при выходе на службу. При этом размер ссуды для офицеров не должен был превышать размера годового жалованья, для нижних чинов — не более 75 руб. Условия выплаты ссуды были довольно жесткими.[43] В циркуляре Кубанского областного правления 1888 г. № 1488 специально разъяснялось, что преимущественным правом на получение ссуд пользуются вдовы и сироты привилегированных сословий ККВ.[44] Таким образом, для рядового казачества получение ссуды было проблематичным и в конечном итоге могло в случае форс-мажорных обстоятельств привести к принудительной продаже имущества для погашения долга.

По другим вопросам выделить особую «дворянскую» направленность в социальной политике не представляется возможным. Конечно, за дворянством оставался естественный приоритет, но не более того. Рассмотрим, например, образование и право выхода из войскового сословия.

Начальное образование было всегда развито в Черномории. Но лишь в получении более качественного образования приоритет был за дворянами. Представление о количестве учащихся детей области в учебных заведениях дает следующая таблица.

Таблица 3. 1. 3.

Сведения о числе детей в области, обучающихся в учебных заведениях
за 1861–1862 гг.[45]

Параметры

Численность ККВ на 1 янв. 1862 г.

Число дворян

Всего обучается детей в 15 учебных заведениях области

В том числе детей дворян

В российских учебных заведениях

Всего учащихся детей дворян

Численность

387838

4439

918

64

95

159

% соотношение к числу жителей войска

100

1,15

0,24

0,0165

0,0245

0,04

Данные таблицы свидетельствуют, что в сер. XIX в. количество дворянских детей, получающих образование, было примерно в 5,3 раза меньше, чем количество обучающихся детей казаков. Однако качество образования дворянских детей было несравненно выше, чем в гимназиях и училищах области. Пока не удалось обнаружить сведений об обучении детей рядовых казаков в тех учебных заведениях, где обучались дворянские отпрыски, а именно в 1-ом Московском, Новгородском графа Аракчеева, Михайловском Воронежском кадетских корпусах, Императорском Харьковском университете и т.п. Естественно, что детям рядовых казаков получить такое образование было практически невозможно, за исключением использования войсковых квот на обучение в российских учебных заведениях. К тому же, судя по цифрам, дворяне не стремились получать начальное образование в училищах и гимназиях области, видимо предпочитая домашнее обучение. Таким образом, можно с достаточной долей уверенности констатировать, что получение начального образования не было прерогативой дворянства. Напротив, в получении высшего образования приоритет оставался за дворянами ККВ.

Также в последней трети XIX в. произошли существенные изменения, заключающиеся в даровании права выхода из войскового сословия. Уже в 1862 г. по Положению о заселении предгорий западной части Кавказского хребта предполагалось продавать земли в частную собственность, оставшиеся в станицах по выселению, преимущественно лицам казачьего звания.[46] В случае приобретения указанных земель лицами казачьего звания (офицерами с потомственным дворянством — не менее 200 дес.; с личным дворянством — не менее 60 дес.; урядникам и казакам — не менее 50 дес.) после 22 лет выслуги или отставки по увечью — им даровалось право выхода из казачьего сословия. Потомственным дворянам без ограничений. Личным дворянам — с женами и дочерьми, сыновьями, родившимися после 22-летней выслуги. Остальные сыновья должны были оставаться в составе войскового сословия до выслуги установленного срока или отставки. То же самое касалось урядников и казаков.[47]

В 1869 г. на генералов, штаб — и обер-офицеров распространились общегермейские правила выхода в отставку. Перечисленные лица

получили право поступления на службу вне своих войск, право перечисления из одного войска в другое и право выхода из казачьего сословия. При этом права эти распространялись на всех войсковых граждан, отставных урядников и казаков и всех лиц м.п., не состоящих в служилом разряде. В случае нахождения в служилом разряде — указанные права распространялись только при производстве в офицеры или по увольнению в отставку. Однако сыновья лиц, воспользовавшихся указанными правами, по достижению 19-летнего возраста обязаны были возвратиться в станицы для жеребьевки по выходу на службу.[48]

В 1883 г. право на службу вне войска, выхода из сословия распространили на лиц, числящихся в служилом разряде. Но только в том случае, если во всех разрядах войска оставалось достаточное число нижних чинов для исполнения лежащих на войске обязанностей.[49] Но порядок перехода в другое войско или совершенного выхода из казачьего сословия несколько усложнялся. Кандидат должен был быть не менее 17 лет от роду, отказаться от права пользования землями станичного юрта, уплатить стоимость всех причитающихся повинностей, не состоять под следствием и судом, обеспечить выход на службу своих детей и родственников, предоставить согласие родителей (если проживает с ними) и приемный приговор того общества, в которое намерен вступить.[50] П.П.Матющенко отмечал, что принятые ограничения фактически сводили на нет «фарисейскую формулировку «о беспрепятственности выхода», объявленную законом от 29 апреля 1869 г.»[51]

Несмотря на указанные сложности, следует констатировать, что приоритетного права выхода из казачьего сословия у дворян не было. Конечно, механизм использования предоставляемых прав для дворянства был несравненно более легким, особенно после распространения общеармейских правил выхода в отставку, но право выхода сохранялось и для рядового казачества.

Одним из важнейших факторов, качественно изменивших социальный состав населения области, стал приток иногородних. Отмена крепостного права в России привела к значительным миграциям населения во второй половине XIX — начале XX вв. Начало массовому притоку иногороднего населения в Кубанскую область положил указ от 29 апр. 1868 г. «О дозволении русским подданным не войскового сословия селиться и приобретать собственность в землях казачьих войск».[52] В соответствии с документом, лица не казачьего звания

получили право приобретения земли в постоянное пользование с уплатой посаженной платы (5 коп. за сажень), право пользования общественными выгонами для скота.

Помимо права покупки земли с уплатой посаженной платы, практиковалась передача земель в потомственную частную собственность без посаженной платы. В 1870 г. тем, кто владел недвижимой собственностью в прилегающей к пристани ст. Таманской местности, между крепостями Турецкой и Фанагорийской вглубь на одну версту, приобретенной у переселенцев в Закубанье или через женитьбу на казачках-вдовах и девицах — даровалось право полной потомственной собственности на землю под усадьбами без пошлин.[53]

Численность иногороднего населения в Кубанской области постоянно росла. В процентном соотношении динамика увеличения доли не казачьего населения области выглядела так: в 1878 г. — 17,8%; в 1880 г. — 43,8%; в 1890 г. — 38,7%; в 1897 г. — 56,8%.[54] Таким образом, феодальную военно-казачью колонизацию, контролируемую и организуемую правительством, сменил стихийный крестьянский переселенческий процесс. Абсолютное большинство переселенцев из других районов России в Кубанской области осели в сельской местности. По подсчетам В.Н.Ратушняка, % неместных уроженцев в сельской местности Кубанской области в 1897 г. был равен 31,5%.[55]

Оценивая социальные процессы в Кубанской области можно сказать следующее. Во второй половине XIX в. предпринимались меры по сокращению притока лиц не казачьего звания в состав войска. Несмотря на это, увеличение казачьего сословия зачислением продолжался постоянно за счет зачисления казаков других войск, крестьян и нижних чинов Кавказской армии при заселении Закубанья; зачисления по усмотрению местного начальства лиц, могущих «принести пользу казачьему обществу»; женщин-иногородних, вышедших замуж за казаков.

Можно отметить прирост дворянства в составе войска, но незначительный. В отношении права получения образования, прав выхода из сословия, войсковые дворяне пользовались определенными преимуществами, отличающимися скорее количественно, нежели качественно.

Во второй половине XIX в. происходит качественное изменение состава населения области за счет иногороднего населения. Источник для

массового переселенческого процесса обеспечила отмена крепостного права. Важнейшую роль в процессе крестьянской колонизации Кубани сыграл закон 1868 г., разрешавший лицам постороннего звания приобретать недвижимую собственность без согласия войскового начальства. В итоге к концу XIX столетия более трети населения области составляли лица не казачьего звания, причем абсолютное, подавляющее большинство из них осели в сельской местности.

В связи с социальными изменениями следует рассмотреть структурные изменения в казачьем землевладении, как следствие — изменения в структуре экономики области и влиянии этих факторов на казачье хозяйство.

До второй половины XIX в. в законодательстве не было исключений в отношении земельного надела для казаков, определяемого в 30 дес. на душу. На практике оказалось, что уже на первых этапах существования ЧКВ в руки зажиточной верхушки попали значительно большие участки земли, чем даже офицерские наделы по положениям о ЧКВ и КЛКВ (в зависимости от чина от 200 до 1.500 дес.). Поэтому, естественно, важнейшей задачей было упорядочение казачьего землевладения и размежевания земель.

М.И.Венюков, прибывший на Кавказ в конце 1861 г., весьма саркастично описывал черноморских старшин, высмеивая их обширные земли, занятые «самохватом», и неумение ими распорядиться. При этом автор упоминает записку некоего офицера из г. Ставрополя (видимо, из 19-ой пехотной дивизии), в которой этот офицер предлагает обмежевать земли 93 черноморских дворян, подавших прошения гр. Н.И.Евдокимову (см. «Главу 1»). Предложение это Н.И.Евдокимов отклонил.[56]

Следует отметить, что казачье землевладение в части российского общества вызывало негативную реакцию. В сент. 1867 г. в газете «Одесский вестник» была помещена заметка по поводу размежевания казачьих земель. Статья не была подписана, следовательно, выражала мнение редакции. Автор указывал на странный парадокс — при наличии богатейших земель на Кубани нет ни малейшего свободного «клочка» на продажу, и земля эта используется крайне непродуктивно. Причины просты: «особенно щедрый надел земли и как последствие того — малолюдство, а главное, неосуществление до сих пор обмежевания».[57] Автор указывает, что 30-десятинный надел приведет к тому, что и самим казакам скоро земли станет не хватать (что уже

произошло — А.М.), не говоря о продаже «остатков». Опыт подсказывает, что при занятии хлебопашеством даже 5 дес. одному хозяину обработать сложно. Для успешного ведения хозяйства достаточно по 2 дес. на одного жителя. Таким образом, необходимо проведение скорейшего размежевания для определения прав собственности, как следствие — развития аренды, более продуктивное использование кубанских земель.[58]

Надо отметить, что уже в 1858 г. земли в Черномории для наделения казаков 30-десятинным наделом не хватало, поэтому решено было уменьшить размер надела и включить в состав «удобной земли» 1/3 часть солончаков и камышей. В 1864 г. приступили к таксации земель бывшего ЧКВ. Общее количество земель бывшего ЧКВ определялось в 2.410.486 дес. удобной земли. То есть при населении 85.311 душ м.п. приходилось по 24 ½ дес. на душу. В действительности ситуация была иной — душевой надел колебался от 3 до 128 дес.[59]

В землях бывшего КЛКВ в некоторых станицах ситуация также была плачевной. В рапорте к исполняющему обязанности наказного атамана КЛКВ генералу Попандопуло командир 2-ой бригады подполковник Демидовский указывал, что ст. Некрасовской, Новолабинской, Тенгинской, Воздвиженской малоземелье достигло таких размеров, что при размежевании межа ст. Некрасовской пройдет по палисаду ст. Новолабинской, а межа ст. Новолабинской — по палисаду ст. Тенгинской и т.д.[60] Наделить же станицы дополнительными наделами не было возможности, так как земли 2-ой бригады к тому моменту все еще были не размежеваны.[61]

На момент создания ККВ численность казачьего населения равнялась 213.624 душам; численность генералов, штаб — и обер-офицеров — 1.381. Из расчета по 25 дес. на душу земли в наделы казакам необходимо 5.340.600 дес.; в наделы офицерам и чиновникам по норме — 321.200 дес.; для вдов и сирот необходимо — 25.00 дес.; для станичных причтов — 42.900 дес. всего же необходимо земли — 5. 720. 700 дес. В наличии было всего 7.132.509 дес., в том числе удобной — 6.123.341 дес. таким образом, даже после наделения всех необходимым наделом, оставался запас в размере 393.641 дес. удобной земли.[62] Совершенно очевидно, что размежевание земель необходимо было провести в кратчайшие сроки.

В 1869 г. 21 апр. был принят закон о поземельном устройстве в казачьих войсках. Этот законодательный акт позволял увеличивать или

уменьшать 30-десятинный надел в зависимости от качества земли.[63] Фактически, это было начало законодательного оформления уменьшения казачьего надела. Уже 26 апр. того же года последовал закон о размежевании трех округов Черномории. Вместо 30 дес., закон предполагал наделение земель в зависимости от качества земель, разделенных на 5 категорий, наделами в размере 16–17,5–21,5–26–30 десятин. Проект размежевания, учитывая пожелания казаков, не предполагал переселения части казачьих семей из малоземельных станиц, а прирезку свободной земли с правом станичных обществ распоряжаться ей по своему усмотрению. При этом отмечалось, что надел для генералов должен составлять 1.500 дес., для произведенных в генералы в отставку — 800 дес.; штаб-офицеров — 400, обер-офицеров — 200 дес; произведенным в отставку в войсковые старшины — 300, в хорунжие — 100 дес. Войсковым чиновникам IV класса — выделять надел как генералам; VIII класса — как штаб-офицерам; остальным — как обер-офицерам. Однако в малоземельных станицах для наделов офицеров и чиновников отводить не более 1/10 части земель, остальное — из войскового запаса.[64]

Комиссия для разрешения вопросов казачьего землевладения в КЛКВ просуществовала с 1820 по 1853 гг. и по нулевым результатам была метко прозвана «неживой комиссией».[65] Комиссия для наделения земель Кубанского войска, созданная еще в 1847 г. в ЧКВ, с 1861 г. находилась в подчинении начальника области, тот в свою очередь по вопросам вне его компетенции входил к главному Кавказской армией, в конечном же итоге комиссия подчинялась военному министру.[66] Такое тройное подчинение не могло не повлиять на работу комиссии в худшую сторону, поскольку порождало безответственность и безнаказанность. В 1872 г. право утверждения проектов разграничения войсковых и станичных земель было передано наместнику Кавказскому,[67] что, однако, не ускорило межевых работ. Межевые работы в землях бывшей Черномории затянулись до 1880 г., а по остальным районам Кубанской области — вплоть до начала XX в. К 1901 г. все еще 1/6 часть казачьих земель не была размежевана.[68]

В ходе межевых работ лучшие земли предоставлялись в наделы чиновникам и офицерам (в «Приложении 4» показано примерное расположение офицерских и чиновничьих земель к 1882 г. — практически весь массив земель располагается вдоль рек области — то есть лучшие и плодородные земли), чиновники межевой комиссии допускали произвол и волокиту.[69] Такое положение было и в Донском

войске — лучшие земли получили чиновники межевой комиссии, устроившие к тому же натуральную торговлю участками.[70]

Таким образом, к 1869 г. выявилось две важнейшие тенденции — наделение дворянства несравненно большими участками земли и законодательное оформление уменьшения казачьего надела.

Наряду с неравенством в количественных показателях, изменились сами принципы казачьего землевладения. Согласно принятому 1 августа 1870 г. положению о воинской повинности ККВ верховным собственником казачьих земель считалась казна, а казачьи войска считались их вечными пользователями. Однако, с 1862 г. в составе казачьих земель и земель области неуклонно возрастает удельный вес земель, находившихся в частной безусловной или ограниченной частной собственности.

Как указывалось выше, по положению 10 мая 1862 г. о заселении западной части Кавказского хребта, переселенцам в личную потомственную собственность планировалось выделять: офицерам — от 25 до 50 десятин, казакам, урядникам и охотникам-переселенцам — от 5 до 10 десятин.[71] 14 апр. 1868 г. по высочайше утвержденному положению Кавказского комитета, планировалось нижним чинам 3-го и 4-го Кавказских батальонов, водворяемых в верховьях рр. Пшиша, Псекупса, М. Лабы, Белой, Пшехи, и Шебша даровать по 30 дес. в потомственное владение, в случае обработки этой земли в течение 3-х лет и заведения хозяйства.[72] В этом же году 13 июля главкому Кавказской армии было даровано право раздачи частным лицам участков свободных казенных земель в Кубанской области.[73] В 1869 г. с целью скорейшего хозяйственного освоения нагорной полосы Кубанской области, был принят закон о наделении служащих и отавных чиновников и офицеров Кавказской армии в указанной местности наделами в потомственную собственность от 30 до 50 десятин, опять же на условии 3-летней обработки участка.[74]

Однако самый значительный рост частновладельческих земель в составе казачьих земель положило положение об обеспечении генералов, штаб — и обер-офицеров и классных чиновников ККВ в части передачи указанных участков в полную потомственную частную собственность.[75] В 1877 г. право на получение земельного надела в полную потомственную частную собственность было распространено на зауряд-офицеров Кавказских казачьих войск.[76]

Таким образом, в Кубанской области и в землях ККВ сложился значительный массив частновладельческих земель. Частные земли складывались из участков охотников-переселенцев в Закубанье, участков для нижних чинов, офицеров и чиновников Кавказской армии, наделов офицеров и чиновников ККВ. Всего в области по подсчетам К.С.Иваненко земель частного владения лиц войскового и не войскового сословия было 941.00 дес.[77] Если ранее земли ЧКВ сохраняли некоторую целостность как «войсковая земля» (несмотря на захваты старшиной значительных земельных участков), то во второй половине XIX в. земли войска входили в состав земель области, в составе же войсковой земли образовались значительные массивы частновладельческих земель. Это являлось важной предпосылкой для проникновения на казачьи земли иногороднего населения через покупку и аренду частных земель.

Другая предпосылка для хозяйственного освоения казачьих земель проистекала из возможности аренды юртовой земли. Выше указывалось, что проект размежевания земель в трех округах Черномории предполагал передачу станичным обществам права распоряжения дополнительными наделами юртовой земли. П.С.Ширский указывает, что фактически эти земли были отведены станицам на правах частной собственности.[78]

Таким образом и станичные общества и отдельные станичники получили возможность использовать наделы по своему усмотрению. А.П.Труханович в данной связи отмечает, что станичные общества и собственно казаки получали от аренды запасных станичных и паевых наделов по 2 млн. руб. ежегодно к началу XX в.[79] Важно отметить, что войсковое начальство старалось препятствовать аренде казачьих наделов. 11 авг. 1889 г. с этой целью наказной атаман ККВ издал специальный циркуляр, регулирующий сроки переделов юртов, что препятствовало бы долгосрочной аренде. В 1891 г. сроки аренды — не свыше года — подтверждались.[80] И только в 1912 г. сроки аренды увеличились до 6 лет.[81]

Как представляется, развитие аренды казачьих паев было мерой вынужденной для казаков. Структура казачьих земель существенно изменилась. По окончании Кавказской войны параллельно размежеванию было роздано 532 тыс. десятин. Однако уже к сер. 1890-х гг. было продано 86% этих земель, или 460 тыс. дес.[82] Покупателями были преимущественно иногородние.[83] Большая часть купленных земель использовалась для земледелия.

Естественно, что после размежевания у казачьего населения не было возможности заниматься экстенсивным скотоводством, которое в станицах стремительно сокращалась, и ведущую роль в скотоводстве начинали играть крупные арендаторы.[84] Земледелие же требовало правильной агротехники, присутствия хозяина — а значительная часть казачества была занята военной службой. Другой немаловажной причиной был низкий уровень развития производительных сил в казачьих землях, отсутствие орудий труда и пахотного скота. Большая часть казачьих хозяйств обрабатывали землю в супряге, так как для пахоты требовалось до 5 пар волов. При этом каждый хозяин мог засеять озимых и яровых по 1,5 дес. на душу. Хозяйств, имеющих необходимое количество скота и могущих засеять по 5 дес. на душу было очень не много.[85] Таким образом, не избыток свободных земель толкал казака сдавать надел в аренду, а невозможность его использования, особенно если пай был в нескольких удаленных друг от друга полях. Т.А.Невская в связи с экономическим развитием верхнекубанских станиц также отмечает, что казаки предпочитали получать доход от аренды земель, нежели обрабатывать ее самостоятельно.[86] Очевидно, что подобное положение вещей приводило к сокращению доходов казачьих хозяйств и значительным трудностям в покупке снаряжения, обмундирования и коня при выходе на службу. Особенно после сравнения казачьих полков в 1875 г. с драгунскими, когда требования к снаряжению существенно возросли.

Значительный приток иногородних к 1880-м гг. в казачьей среде воспринимался крайне негативно. П.П.Короленко по поводу казачьего землевладения в 1886 г. писал: «Таким образом, главная привилегия Черноморцев: потомственное, им одним присвоенное, право владения землей, Высочайше жалованное Императрицей Екатериной II, силою сложившихся временем обстоятельств рухнуло!».[87] В бедах казачества автор обвинял саранчу, «жидов» и иногородних, приток которых необходимо было, по мнению П.П.Короленко ограничивать всеми мерами.[88] В бывшем ЧКВ войсковые дворяне всячески препятствовали проникновению на земли войска лиц не казачьего сословия. Так в 1861 г. было отказано в отводе земли некоему Адаму, собиравшемуся заниматься скотоводством и промышленным производством, по ходатайству 245 дворян ЧКВ.[89] В дальнейшем таких возможностей у казаков уже не было, поскольку распоряжаться частными землями владельцы могли по своему усмотрению

Вопрос об экономическом истощении казачества обсуждался в ходе работы комиссии Г.А.Леонова в г. Тифлисе. Интересно, что в числе причин экономического упадка, кн. А.М.Дондуков-Корсаков также говорил о притоке иногороднего населения. Князь выделил факторы «...разрушительно действующие на экономическое благосостояние казаков, из каковых обращает на себя особенное внимание в кубанском войске наплыв в казачьи станицы громадных масс иногороднего населения, органически не связанного с казаками и крайне их эксплуатирующего».[90]

При этом совершенно игнорировался тот факт, что без рабочих рук иногородних казачье хозяйство просто не смогло бы развиваться, поскольку казаки отвлекались на службу. А роль иногороднего населения в развитии ремесла, промышленности и торговли была «первостепенной». К концу XX в. в промысловом отношении Кубанская область продвинулась несравнимо вперед по сравнению с Черноморией. Численность предприятий и торговых заведений выросла значительно, при этом ведущая роль в этом процессе принадлежала иногородним.[91] К 1897 г. доля иногородних среди ремесленного населения Кубани составляла 81%, среди мастеровых — 94%, в торговле — 86%.[92]

Следует отметить, что, по всей видимости, доходность обычного казачьего хозяйства была недостаточной для обеспечения службы и жизни, найма работника во время отсутствия хозяина. В 1860-х гг. на внутренней службе в ККВ находилось 1.231 человек со средним жалованьем в год — 24 руб. 11 7/8 коп. При этом наемные работники обходились в нерабочее время от 6 руб. в месяц, во время покоса — не менее 10 руб.[93] Для сравнения можно указать на стоимость казачьей усадьбы (по оценке усадеб казаков-переселенцев в Закубанье). В ст. Спицевской было оценено более 50 усадеб. Из них стоимость в 170–220 руб. имели 9. Основная масса усадеб была оценена в среднем по 35–40 руб. Усадьба такого казака состояла из саманного дома с сенцами и чуланом, какого-нибудь сарайчика, ограды из дикого камня, и сада в 30–50 деревьев.[94]

Низкую доходность большинства казачьих хозяйств подтверждают сведения о недоимках по выплатам казаками неслужилого разряда ежегодного 15-рублевого налога. Сведения по задолженности представлены в следующей таблице.

Таблица 3. 1. 4.

Сведения о недоимках по выплатам

казаками неслужилого разряда.[95]

Отделы

За 1871–1972 гг.

За 1873 г.

Руб.

Коп.

Руб.

Коп.

Темрюкский

12.047

69 ½

21.780

88

Екатеринодарский

8.272

34

30.09

12 ½

Майкопский

7.450

54 ½

15.827

56

Баталпашинский

2.677

66

20.787

92

Ейский

4.116

85 ½

11.432

9 ½

Итого

34.565

9 ½

100.537

58

Во-первых, обращает на себя внимание стремительный общий рост недоимок — за год почти в три раза. Если поделить сумму долга на сумму налога одного неслужилого казака, получится, что казаки должны 6.702 выплаты всего за три года. При сохранении такой тенденции в скором времени все казаки стали бы должниками.

Как представляется, именно изменение структуры производства области в сторону развития земледелия в совокупности с удорожанием службы привело к ухудшению положения казачества. Земледелие требовало слишком больших усилий. Стоит обратить внимание на количество хлеба в запасных хлебных магазинах. Следующая таблица дает представление о состоянии магазинов за апрель-июнь 1872 г. в станицах Темрюкского уезда:

Таблица 3. 1. 5.

Сведения о состоянии запасных хлебных магазинов за апрель-июнь 1872 г.[96]

Станицы

Число жит.

Необх. кол-во хлеба

В четвертях

В наличии

В четвертях

Недосыпано

В четвертях

Озим.

Ярового

Озим.

Ярового

Озим.

Ярового

Ахтанизовская

1581

2371

1581

— —

— —

2371

1581

Таманская

788

1182

788

57

65

1124

722

Новоджерелиевская

1088

1632

1088

258

130

1374

257

Полтавская

2115

3172

2115

129

15

3042

2100

Петровская

3519

5221

3518

340

125

4880

3391

Шапсугская

282

423

282

93

60

330

222

Холмская

884

1326

884

200

121

1125

762

Северская

545

817

542

164

104

652

440

Нововеличковская

1710

2565

1710

461

10

2103

1698

Как видно, абсолютно по всем станицам существенные недоимки. То, что это не случайные цифры, подтверждают сведения по другим годам. За июнь-август-октябрь 1871 г. в ст. Ахтанизовской недоимки составляли в среднем 1.160 четвертей озимого, 775 четвертей ярового хлеба; в ст. Петровской — 3.340 и 2.318 четвертей соответственно.[97] Несмотря на предписание Темрюкского уездного начальника о погашении недоимок — ситуация с нехваткой хлеба в запасных магазинах не улучшалась.[98]

Следует обратить внимание, что сведения представлены по Темрюкскому уезду, далеко не самому худшему в отношении земельного надела и качества земли. Хронический недостаток хлеба в запасных магазинах свидетельствует о неспособности казаков предоставлять необходимое количество продукта. Это, в свою очередь, подтверждает тезис о неспособности части казаков продуктивно заниматься земледелием в силу объективных причин — недостатку времени, рабочего скота и значительных расходов на службу, которые в свою очередь приводили к невозможности накопления необходимых материальных ресурсов. Создавался своего рода замкнутый круг — при значительном количестве земли казаки не могли воспользоваться ее возможностями, поскольку тратили значительные средства на снаряжение и не имели времени на обработку земли. При этом возможностей для занятия скотоводства у казаков не было, поскольку все большая часть земель использовалась для распашки.

При этом с проведением Владикавказской ж/д вывоз хлеба из области постоянно увеличивался. В период с 1886 по 1897 гг. вывоз увеличился в 12 раз, в среднем в год — по 40.463 тыс. пудов. В 1886 г. вывоз хлеба составил 11.889 тыс. пудов, повышался вплоть до 1893 г. до 59.603 тыс. пудов (1892–1893 гг. называли временем «хлебной горячки») и начал несколько снижаться к 1897 г. — 21.077 тыс пудов.[99]

Необходимо остановиться на состоянии скотоводства, особенно коневодства, в Кубанской области, поскольку от него в значительной степени зависела способность казаков к отправлению воинской повинности.

В КЛКВ было три общественных табуна. При создании ККВ два из них (при 1-ой бригаде — 361 лошадь, и при 4-ой бригаде — 872 лошади) были переданы Кубанскому войску. Однако войсковое начальство посчитало обременительным содержание конских рассадников, и было принято решение о продаже табунов и образовании специального капитала для поддержания частного коневодства в войске.[100]

Уже в 1866 г. для создания конского депо, улучшения и поддержки коневодства в ККВ был командирован подполковник Дитрих по рекомендации главноуправляющего государственным коннозаводством. Указанный подполковник прибыл в г. Екатеринодар 16 июля 1866 г.[101] Вскоре подполковник Дитрих нашел место для устройства депо — вверх по течению р. Белой от г. Майкопа, на меже города и ст. Егуркаевской, куда и были пригнаны купленные 25 жеребцов и 25 кобыл.[102] Указанные жеребцы-производители сдавались в «аренду» представителю станичного общества, отвечающего за состояние жеребца во время нахождения в «пользовании». За год производители покрыли 330 кобыл.[103]

В соответствии с положением 1870 г. ежегодно на действительную военную службу должны были командироваться несколько тысяч конных казаков. Совершенно очевидно, что 330 жеребят (в лучшем случае) в год было крайне недостаточно для обеспечения казаков строевыми лошадьми. Таким образом, большинство казаков было вынуждено обращаться к другим источникам приобретения строевого коня. По мере сокращения свободных земель в области стоимость лошадей возрастала, значит, стоимость службы тоже. Это также было важным фактором оскудения казачества.

Вопрос этот активно обсуждался на страницах периодических и продолжающихся изданий. Автор заметки о положении коневодства в казачьих войсках, помещенной в «Военном сборнике» в 1877 г. справедливо указывал на прямую зависимость коневодства от душевого надела и сокращения данной отрасли сельскохозяйственного производства в связи с развитием земледелия.[104]

Чрезвычайно интересен в данной связи очерк Н.Краснова. Автор совершенно справедливо отмечает, что «на скотоводство вообще следует смотреть, как на главнейшую экономическую, производительную силу казачьих поселений».[105] При снаряжении на службу казак может безболезненно продать часть скота и оставить хозяйство в порядке. При преимущественном занятии земледелием, остающиеся дома малолетки и женщины просто не могут заниматься обработкой почвы в необходимых масштабах, что ведет к разорению казачьего хозяйства.[106]

Однако автор считает, что за период с 1845 по 1875 г. численность скота в казачьих войсках (без учета войск Восточной Сибири) выросла как относительно, так и абсолютно, поскольку прирост рогатого скота «превзошел увеличение народонаселения».[107] При этом сведения самого Н.Краснова свидетельствуют об обратном. В Кавказских казачьих войсках численность лошадей в пересчете на 10 душ м.п. в период с 1845 г. по 1875 г. сократилась с 7 до 4 голов; овец с 69 до 59 соответственно; и только поголовье рогатого скота незначительно увеличилось — с 23 голов в 1845 г. до 26 в 1875 г.[108]

В отношении скотоводства в 1870-е гг. М. Хорошхин приводит следующие цифры, представленные в таблице.

Таблица 3. 1. 6.

Состояние скотоводства в ККВ в период с 1870 по 1879 гг.[109]

Войско

Параметры

Лошадей

Рогат. скота

Овец и коз

1870 г.

1879 г.

1870 г.

1879 г.

1870 г.

1879 г.

ККВ

Всего тыс.

102

104

617

851

1152

1967

На 100 жит.

22

15

133

126

250

Следует отметить, что на 43.153 казака в 1879 г., могущих быть вызванными на службу, в ККВ в том же году годных лошадей находилось 20.896, то есть более чем в два раза меньше. Вывод М.Хорошхина прост и очевиден: «Причину упадка коневодства ... следует искать в развитии хлебопашества».[110]

Таким образом, по данным М.Хорошхина, несмотря на абсолютный рост поголовья скота в области, относительная численность в пересчете на душу населения неуклонно снижалась. Причина — развитие земледелия, следствие — снижение материальных мобилизационных возможностей казаков Кубанского войска.

Несмотря на сложности обзаведения строевой лошастью, право не иметь коня предоставлялось в исключительных случаях по приговорам станичных сходов. Например, право не иметь строевого коня было предоставлено казакам ст. Константиновской Лабинского полкового округа на сходе 1 марта 1876 г. Семену Ситникову и Петру Стетонину. Указанные казаки по достижению возраста были зачислены в Лабинский льготный полк, так как были сиротами и личного имущества не имели. На этом же основании сход удовлетворил их просьбу не иметь коня.[111]

Естественно, войсковое начальство пыталось оказывать помощь казакам в приобретении лошадей. В 1878 г. по предписанию наказного атамана было роздано беднейшим жителям войска 150 лошадей безвозмездно.[112] Это было весьма «щедро» со стороны наказного атамана, учитывая реальную потребность в тягловой силе и строевых конях.

Постепенно войсковые институты начинают играть роль органов контроля и принуждения казаков в отношении исполнения воинской повинности. Если обратить внимание на положение об управлении отделами области по военной части 1870 г. и общественном управлении станиц в казачьих войсках 1891 г., то эта тенденция становится очевидной. Эволюция от 1870 к 1891 г. заключалась в наделении атаманов отделов права требовать от казаков исполнения всех повинностей в связи с воинской службой, вплоть до распространения круговой поруки в станицах. С 1891 г. станичное общество обязано было следить за исполнением казаками воинской повинности, имело право принудительной аренды паевого надела и распоряжения

имуществом.[113] Высочайшим повелением от 8 февр. 1899 г., объявленном в приказе по ККВ в 1894 г. № 90 п. 2 наказному атаману было присвоено право высылать на внеочередную службу казаков и урядников строевого разряда и отставных за неисправное снаряжение на службу, умышленную утрату строевого коня и снаряжения, нарушение правил чинопочитания и дисциплины.[114]

Казаки были недовольны необходимостью содержать строевого коня на льготе, что было достаточно обременительно. При этом природа недовольства уже заключалась не только в неспособности покупать и содержать строевого коня. Часть зажиточных казаков стали превращаться из казаков-воинов в казаков-фермеров и для них расходы на службу были ничем не оправданной, чуждой необходимостью, от которой они всеми силами стремились отказаться. Например, в Таманском и Полтавском полковых округах в 1890-е гг. покупка строевых лошадей и замена негодных, несмотря на дисциплинарные взыскания, шла крайне медленно. В рапорте от 17 марта 1891 г. наказной атаман ККВ на имя Войскового наказного атамана Кавказских казачьих войск докладывал следующее. Жители ст.

Новонижестеблтевской Полтавского полкового округа (одна из самых зажиточных) выставляла штатную сотню второочередных казаков. Лошади данной сотни были низкого качества, однако казаки не вняли увещаниям ни атамана отдела, ни командующего 2-м Полтавским конным полком о замене лошадей. Помимо этого, станичный сход 27 янв. 1891 г. отказался от принудительной продажи части имущества зажиточных казаков для покупки строевых коней, выдачи ссуды неимущим для той же цели, отказался от общественной запашки. Особенно активно агитировал казак Терентий Александрович Фисенко.[115]

Таким образом, можно сделать вывод, что помимо роста неспособной к снаряжению на службу части казачества, в ККВ сформировалась группа казаков — зажиточных хозяев, которые стали тяготиться службой. Они представляли собой возможный источник формирования предпринимателей фермерского типа.

Что касается войска как административной единицы и хозяйственного института, то последней трети XIX в. оно стало превращаться в тормоз для социально-экономического развития как казачьего населения, так и области в целом. Интересно в данной связи рассмотреть структуру доходов и расходов по войсковому капиталу. В период 1889–1891 гг. основные статьи доходов войска были следующие: субсидии

государственного казначейства за питейные сборы и право торговли — 48% доходов; аренда войсковых земель — 20%; проценты на войсковые капиталы в % бумагах — 12,8%; плата за освобождение от службы — 11%; рыбный промысел в войске — 4,25%; остальные статьи доходов сравнимы с доходами от добычи угля, нефти и соли — 1,7%.[116] Таким образом, основной доход войска по прежнему составляли доходы с продажи вина (отошедшие в государственное казначейство, а войску выделялась соответствующая сумма), ссудный процент и сборы с казаков неслужилого разряда. Очевидно, что в финансово-экономическом смысле войско получало доходы экстенсивным путем и через фактическое ростовщичество. Учитывая контрольно-принудительные функции администраций различного уровня, войско можно охарактеризовать как аппарат принуждения, экстенсивный финансово-экономический институт ростовщического толка, тормоз социально-экономического развития области и казачества.

Анализируя структурные изменения в социально-экономическом развитии Кубанской области и Кубанского казачьего войска в последней трети XIX в. можно сказать следующее. В развитии социальных процессов можно выделить следующие факторы, игравшие значительную роль в указанный период — попытки ограничения роста численности казачьего сословия и дарование права выхода из состава войскового сословия. Указанные меры носили скорее демонстрационный характер и в большей степени были ориентированы на войсковое дворянство. В отношении рядового казачества можно выделить два этапа в развитии прав по выходу из войскового сословия — первый ограничивается 1860–1870-ми гг., когда право выхода только начало регламентироваться. Второй совпал с реформой Кавказских казачьих войск кн. А.М.Дондукова-Корсакова и заключался в усложнении процедуры выхода из состава войскового сословия.

При этом в социальной политике гораздо большее значение играли мероприятия по отношению к иногороднему населению, заключающиеся в развитии прав по переселению и приобретению права оседлости в области и войсковых землях. Этот процесс был тесно связан (в отношении развития экономики) с изменением землевладения казачьего войска. Войсковые земли перестали представлять единое целое, и в их составе образовался значительный массив частновладельческих земель, составивших потенциальный земельный рынок, который и был востребован в процессе крестьянской колонизации Кубани.

Вышеуказанные процессы протекали параллельно с межеванием казачьих земель, приведшим к еще большему разрушению целостности войсковой земли как института, уменьшению пая казаков, сокращению земельных площадей, пригодных для скотоводства.

Все вышеперечисленное привело к значительным структурным изменениям в экономике области — переходу к земледелию как основной отрасли хозяйства. Эти изменения привели к ускорению имущественной и социальной дифференциации в среде казачества, выделению зажиточного слоя казаков, потенциальных фермеров. Рассматривая имущественное положение казачьего хозяйства, необходимо учитывать расходы на военную службу и выполняемые казачьим населением натуральные повинности. Без учета вышеперечисленного невозможно представить себе реального потенциала казачьих хозяйств, могущих значительное время существовать за счет экстенсивной эксплуатации земельного надела — сдачи в аренду. Однако, как представляется, развитие арендных отношений в станице было вызвано скорее неспособностью значительного числа казачьих хозяйств обрабатывать надел и вести продуктивное земледельческое хозяйство, тогда как для скотоводства земли явно не хватало.

В отношении войска можно сделать вывод о крайне непродуктивных и экстенсивных источниках финансирования войскового бюджета, превращения войсковых институтов управления и самоуправления в принуждающий аппарат, контролирующий исполнение казаками исполнения воинской и иных повинностей.

Итак, основные тенденции в социально-экономическом развитии кубанского казачества в последней трети XIX в. были следующие — сокращение скотоводства и увеличение зернового производства за счет аренды земли иногородним населением; увеличение расходов на службу и снижение экономических мобилизационных возможностей казачьих хозяйств; расслоение в среде казачества и складывание прослойки зажиточного казачества, тяготившегося выполняемыми повинностями, особенно воинской.

3.2. Социально-экономическое положение кубанского казачества в конце XIX — начале XX вв.

В конце XIX — начале XX вв. выделенные тенденции в развитии казачьего хозяйства углубляются и ускоряются. Продолжается приток иногороднего населения, численность казачьего сословия растет, что приводит к сокращению душевого надела с катастрофической быстротой. Процесс расслоения казачества также набирает силу. В целом в социально-экономическом плане надвигался глубокий кризис.

По подсчетам Л.Македонова к 1897 г. население Кубанской области составляло 1.979.595 душ об. п.[117] Самыми заселенными были Темрюкский и Лабинский отделы — наиболее привлекательные для переселенцев в смысле наличия пахотных земель. Представление о проживающих на землях казаков и других коренных жителей иногородних может дать следующая таблица:

Таблица 3.2.1.

Число семейств различных категорий населения области
в 1897 г. по отделам.[118]

Отделы

Семейств казаков

Семейств корен. жит. друг. сословий

Приписанных хозяйств посторонних жителей

Екатеринодарский

13.667

330

13.200

Ейский

22.708

74

17.784

Кавказский

19.149

334

24.576

Лабинский

22.070

1.688

31.245

Майкопский

14.618

3.141

18.874

Темрюкский

24.992

1.048

27.225

Баталпашинский

9.462

1.931

8.570

Всего по области

126.666

8.646

141.474

Как видно из таблицы, количество семей иногородних, которые можно рассматривать как хозяйствующие субъекты, превышало количество семей казаков. Таким образом, уже к концу XIX в. тенденция к сужению роли казаков в социально-экономическом развитии региона отчетливо проявилась и закрепились. Следует также отметить соотношение работников в семьях казаков и иногородних (мужского пола, без учета женского труда). О подобном соотношении дает представление следующая таблица:

Таблица 3.2.2.

Численность работников мужского пола в семьях казаков

и пришлого населения.[119]

Отделы

Числ..

Екатери—

нодарский

Ейский

Кавказский

Лабинский

Майкопский

Темрюкский

Баталпа-шинский

Итого

Кзаки

40.164

70.761

57.780

66.212

40.942

77.038

27.738

380.635

Посторонние жители

37.663

45.997

63.048

79.899

58.958

71.886

24.649

Очевидно, что значительного преобладания работников м.п. у иногороднего населения не было. Однако, учитывая занятость значительной части казаков военной службой, можно с большой долей вероятности считать, что по количеству работников иногородние также преобладали над казаками. Л.Мельников указывал на то, что в семьях коренных жителей активность мужчин-работников была несколько выше, чем у пришлого населения — на семью коренных жителей приходилось в среднем по 1,4 работнику, у пришлого населения — по 1,3.[120] Однако этот показатель, как представляется, обусловлен исключительно тем, что пришлое население не имело прочной оседлости, и, как следствие, большой семьи, с приобретением которой этот показатель немедленно изменился бы. То есть эта характеристика обусловлена конъюнктурными причинами.

Надо отметить, что в начале XX в. численность невойскового населения относительно казачьего оставалась практически неизменной, в период с 1900 по 1904 гг. — 55,4%.[121] В период с 1908 по 1910 гг. произошло незначительное увеличение доли невойскового населения — в среднем 55,7%, а к 1914 г. доля невойскового населения в области составляла примерно 55,8%.[122]

Таким образом, можно сделать вывод, что к началу XX в. некая стабильность в сословной структуре населения области была достигнута, и до начала первой мировой войны значительных изменений не происходило. Демографический приоритет был, безусловно, за не казачьим населением. Подобный приоритет являлся одной из предпосылок преобладания в экономической жизни не казачьего населения. В связи с данным вопросом целесообразно рассмотреть распределение земельных угодий в области.

В литературе о казачьих проблемах начала XX в. был широко распространен тезис о «малоземелье» казаков, о засилье иногородних и притеснении ими казачьего населения. Насколько этот тезис соответствовал действительности? К 1899 г. распределение земель Кубанской области выглядело следующим образом:

Таблица 3.2.3.

Общие сведения о распределении земель в Кубанской области

к 1899 г.(в тыс. дес).[123]

Отделы

Войсковые

Казенные

Городские

Сельские

Частные

Всего

Екатеринодарский

598

28

11

78

51

766

Темрюкский

1.455

22

4

3

51

1.535

Майкопский

1.106

137

6

141

79

1.469

Лабинский

965

5

—

33

100

1.103

Баталпашинский

556

453

—

369

172

1.550

Ейский

1.250

—

7

3

—

1.260

Кавказский

875

—

—

6

61

942

Итого

6.805

645

28

633

514

8.625

Таким образом, войсковые земли охватывали 79% земельных угодий области, казне принадлежало 7,5%, сельским обществам — 7%, частным владельцам — 6%, городам — менее 0,5%. Следовательно, подавляющее, абсолютное большинство земельных площадей принадлежало казакам.

Распределение войсковых земель по отделам области представлено в следующей таблице:

Таблица 3.2.4.

Распределение войсковых земель по отделам области к 1899 г.

(в тыс. дес.).[124]

Отделы

Станичные

Войск. запас

Офицерские наделы

Участки охотников-переселенцев

Всего

Екатеринодарский

427

127

33

11

598

Темрюкский

1.016

313

100

26

1.455

Майкопский

589

450

23

44

1.1–6

Лабинский

913

6

46

—

965

Баталпашинский

519

8

29

—

556

Ейский

989

158

103

—

1.250

Кавказский

77

9

89

—

875

Итого

5.230

1.071

423

81

6.805

Из таблицы видно, что 77% войсковых земель находились в пользовании станиц, то есть в наделах казаков. Распределение юртовой земли на одну душу м.п. в некоторых станицах отделах области выглядело следующим образом:

Таблица 3.2.5.

Распределение земель в отделах области на душу м.п. коренного населения к 1899 г.[125]

Отделы

Корен.

населения душ м.п.

Землевладение (в дес.)

На 1 д.м.п. корен. насел.

Удобной

Неуд.

Всего

Удобной

Неуд.

Всего

Екатерино—

дарский (25 ст.)

42.185

316.845

110.329

427.174

7,5

2,6

10,1

Темрюкский

(41 ст.)

83.538

601.300

414.530

1.015830

7,2

5

12,2

Майкопский

(45 ст.)

43.231

469.964

119.920

589.884

10,9

2,7

13,6

Лабинский

(33 ст.)

68.225

654.201

258.224

912.425

9,6

3,8

13,4

Баталпа-шинский

(12 ст.)

24.561

197.145

37.364

234.509

11,6

2,2

13,8

Итого в 214 ст. войска

409.688

4.725.170

1.503.641

5.228.811

9,1

3,7

12,8

Несмотря на неполные данные, видно, что средний душевой надел был довольно велик в конце XIX в. Причем большая часть надела состояла из удобной земли, пригодной для земледелия. Для примера можно отметить, что по данным Главного управления земледелия и землеустройства за 1905 г. 10 млн. крестьянских дворов России в 44 губерниях в среднем на двор имели по 8,7 дес., то есть около 3,1 дес. на душу м.п.[126] Таким образом, землеобеспеченность казачьего населения была в четыре раза выше, чем крестьянства российских губерний, не говоря о неказачьем населении Кубанской области.

Почему же в начале века обсуждался вопрос о малоземелье казачьих станиц? Б.Воробьев, указывая на средний душевой надел в Кубанском войске в 13,6 дес., в том числе 9,4 дес. удобной земли, тем не менее, писал, что прогрессирующее малоземелье в Донском и Кубанском войсках приводит к «полной пролетаризации части казачества, весьма внушительной как по абсолютной, так и относительной численности».[127] При этом автор отмечает, что Военный совет «замечательно добросовестно копирует дореформенного «немца-управителя», все хозяйственные усилия которого направлены, выражаясь деликатно, к наивысшей эксплуатации сил казачьего хозяйства и рабочей силы, как самого казака, так и его семьи».[128]

Тот же мотив «утраты» казачеством своих земель звучит в статье Л.Мельникова «Призрак «малоземелья» на Кубани». Автор сетует о «безвозвратной утрате» казачеством 1.190.998 дес. земли, находящихся в частной собственности, в пользовании сельскими общинами, аулами, железнодорожными компаниями и пр.[129] Л.Мельников отмечает, что проблема малоземелья встала перед войсковым начальством уже в 1870-е гг., когда войску были пожалованы Махошевская и Белореченская

дачи — около 600.00 дес.[130] Следует отметить, что о казачьих «потерях» Л.Мельников пишет с известной долей сарказма. Он задает вопрос — почему любой мужик из южнорусских губерний был бы несказанно рад подобному «малоземелью», а казаки — нет? Ответ прост — «все дело заключается, по крайней мере, на много еще лет вперед, в умении получить от земли максимум того, что она может дать, не истощая себя».[131] На Кубани практически не применяется трехполье, глубокая вспашка, удобрение навозом, а казаки в оправдание своей лени уповают на «волю божью». Казаки не занимаются огородничеством, смешно смотреть, когда казак продает хлеб, чтобы купить воронежскую картошку, свеклу или капусту.[132] О неумении использовать землю, высочайше дарованную охотникам-переселенцам в Закубанье, писал и Н.С.Иваненко.[133]

Естественно, возникает вопрос, почему одни авторы указывают на недостаточный надел в казачьих областях, другие — указывают на неумение казаками использовать то, что имеют? По положениям о ЧКВ 1842 г. и КЛКВ 1845 г. надел казакам определялся в 30 дес. на душу м.п. В процессе размежевания земель в ККВ была проведена таксация и размер надела стал колебаться в пределах от 16 до 30 дес. в зависимости от качества земель. Несмотря на это, С.А.Скворцов отмечал, что, например, в Майкопском отделе душевой надел был в два раза меньше, чем в Ейском.[134] Н.Т.Михайлов, составивший статистическое описание станиц Кубанской области, практически обо всех станицах Майкопского отдела говорил как о самых нуждающихся. Например, в ст. Дагестанской — душевой надел составлял 30 дес., однако почва в основном суглинок и песок. Поэтому запашек почти нет, жители в большей части нуждающиеся.[135] В Закубанском уезде в среднем на двор приходилось по 70–75 дес., из них под запашку использовалось 1,5–2 дес.![136]

Каков был реальный надел в отделах области в начале XX в. дает представление следующая таблица:

Таблица 3.2.6.

Сведения о среднем наделе казаков в отделах области.[137]

Отделы

На 1 душу м.п.

1902 г.

1910 г.

1 янв. 1914 г.

Всей

Удоб.

Неуд.

Всей

Удоб.

Неуд.

Всей

Удоб.

Неуд.

Екатеринодарский

9,6

5,2

2,05

9,7

5,8

3,9

7,59

4,49

3,1

Майкопский

12,1

5,4

6,3

15,6

8,4

7,2

14,35

7,31

7,04

Темрюкский — Таманский

11,8

5,7

1,3

9,3

6,1

3,2

9,22

6,38

2,84

Баталпашинский

12,9

7,2

1,0

10,1

8,4

1,7

9,93

8,35

0,82

Лабинский

12,9

8,9

0,3

9,5

8,6

0,9

8,65

8,47

0,18

Кавказский

12,6

9,8

—

9,4

9,3

0,1

7,81

7,53

0,28

Ейский

12,85

9,85

—

10,8

10,4

0,4

8,89

8,54

0,34

Представленные цифры свидетельствуют, что с 1902 по 1914 гг. шло неуклонное сокращение душевого надела казаков Кубанского войска. Исключение — сведения по Майкопскому отделу за 1910 г., потому что в 1906 г. этим станицам были выделены дополнительные земли. На

первой Кубанской казачьей раде 1–17 ноября 1906 г. было принято решение о наделении беднейших закубанских станиц 32.000 дес. из земель бывшей Черномории, и 20.000 дес. из земель старолинейных станиц[138] Таким образом, от гарантированного надела в 30 дес. положениями о войсках первой половины XIX в. к 1914 г. осталось в среднем по 9,5 дес. на душу м.п., в том числе хорошей земли — по 7,37 дес. При этом в некоторых станицах запашной земли было менее десятины на душу м.п. (см. выше).

Достаточно ли это было для полноценного ведения хозяйства или нет? Ответить на этот вопрос можно, оценив расходы казачьего населения на отправление государственных повинностей.

В предыдущей главе указывалось, что опыт пересчета стоимости натуральных повинностей, выполняемых каждым казаком ежегодно, составил сумму 50–70 руб. ежегодно. Естественно, что это относилось к казакам неслужилого разряда, которые должны были также выплачивать 15-рублевый ежегодный налог в пользу войска за освобождение от службы. Таким образом, ежегодно не служащий казак должен был заработать для обеспечения повинностей около 75 руб.

По расчетам сер. 1890-х гг. доходность одной десятины земли в Кубанской области может быть определена в 4,80 руб.(расчеты чиновников областного правления). Но это относится к тем землям, где можно заниматься хлебопашеством или лесным промыслом.[139] Допуская, что среднее количество удобных земель в области к 1914 г. составляло 7,5 дес. на душу м.п., нетрудно высчитать, что стоимость повинностей равнялась доходу с 15,6 дес. удобной земли. Совершенно очевидно, что даже для обеспечения выполнения земских повинностей земли явно не хватало (даже с корреляцией доходности земли за прошедшие годы)

Однако такая доходность являлась минимальной, при нерациональном ведении хозяйства. Земля могла давать гораздо больший доход. Но для полного обеспечения казака и исправного выхода на службу, по расчетам Л.Тмутараканского, требовалось минимум 7 дес. распашной земли и 7 дес. покосов и выгулов, при наличии трех пар рабочего скота и одного плуга.[140] При этом хозяин должен быть дома, не отвлекаться на выполнение воинской повинности.

Следует так же отметить, что в закубанских станицах не было не только необходимых 7 дес. распашной земли, а иногда и 2–3 дес. на душу. Те

дополнительные наделы, которые были выделены в 1906 г. жители станиц не имели возможности обрабатывать, поскольку они находились довольно далеко от станиц. Поэтому в основном дополнительные наделы сдавались в аренду.

Основной отраслью производства предгорных станиц был лесной промысел, на втором месте — скотоводство.[141] Некоторые станицы настолько бедны, что жители вынуждены зарабатывать на хлеб отхожими промыслами. Наиболее распространен «уход за Лабу, Кубань» был в следующих станицах: Екатеринодарский отдел — ст. Ключевая, Кутаисская, Ставропольская, Черноморская; Майкопский — ст. Абхазская, Андриюковская, Апшеронская, Баговская, Баракаевская, Бесленеевская, Губская, Дагестанская, Даховская, Кабардинская, Кубанская, Линейная, Нефтяная, Нижегородская, Прусская, Псебайская, Самурская, Севастопольская, Тверская, Царская, Ширванская; Лабинский — ст. Ахметовская, Каладжинская, Отважная, Бесстрашная, Надежная; Баталпашинский — Зеленчугская, Исправная, Кардоникская, Красногорская, Передовая, Преградная, Сторожевая, Усть-Джегутинская; Темрюкский — ст. Эриванская, Шапсугская.[142]

Если посмотреть на карту области, то эти селения располагаются линией от запада к востоку в предгорьях пяти отделов, преимущественно в Майкопском. Дома в этих станицах были в основном турлучные, крытые соломой. Строевой лес практически весь идет на продажу. Если распахивается земля, то зачастую несколькими «списавшимися» хозяевами, то есть в супряге.[143] Доходность лесных промыслов в станицах Закубанского отдела довольно сильно варьировалась — на семью приходилось от 12,9 до 188,13 руб. в год. В среднем доходность составляла 45 руб. в год на семью.[144]

Таким образом, для нагорных станиц ведение хозяйства на 14 дес. было просто невозможным и недостижимым, тогда как усредненные цифры показывают надел в 7,5 дес. удобной земли на каждого. Следовательно, во многих станицах области положение казаков было куда более худшим, чем исходя из обобщающих отчетов.

Теперь рассмотрим расходы казаков, выходящих на службу. Те из малолетков, которые вытягивали жребий служить, освобождались от всех натуральных и денежных повинностей на время прохождения службы. Однако при перечислении в строевой разряд казак должен был иметь свое собственное холодное оружие и строевого коня, обмундирование. Первоначально эти расходы не регулировались. В

1875 г. казачьи полки были уравнены с драгунскими в вопросах прохождения службы и требования к обмундированию и строевому коню возросли. В соответствии с приказом по Военному ведомству от 12 авг. 1885 г. № 199, при выходе на службу казаки должны были иметь следующие предметы:

а) Всем казакам: папаху форменную, башлык, три рубахи, трое подштанников, пару новых форменных сапог, три пары холщовых портянок, пару суконных портянок или шерстяных чулок, две пары теплых перчаток, два утиральника (рушника), сумку суконную или кожаную с мелкими вещами (шило, дратва, иголки, нитки, ножик, гребенка, платяная щетка и проч.), нагайку, черкеску с погонами форменную, черкеску произвольного цвета, две пары шаровар произвольных, газыри, бурку, папаху повседневную, пару сапог или чевяки с кожаными ноговицами, полушубок или ватный бешмет, капсюльницу (натруска).

б) Кому положено иметь: револьверный кобур со шнуром и патронными гнездами, поясной ремень, патронташ, темляк (портупея), седло с прибором, уздечка, недоуздок, торба для овса, две пары подков, скребница, щетка, тренога, переметные сумы, холщовые сумы для овса и сухарей, выючка в пять сажень длиной.[145]

В дальнейшем список предметов дополнялся. Стоимость указанных предметов вместе с кинжалом и шашкой указана в следующей таблице:

Таблица 3.2.7.

Стоимость предметов обмундирования и снаряжения казака при выходе на службу в начале XX в.[146]

Предметы обмундирования

Рублей

Копеек

Предметы обмундирования

Рубли

Копейки

4 рубахи

4

00

Уздечка

4

00

4 подштанников

2

00

Недоуздок

1

50

3 пары портянок

0

60

Чамбур

1

50

2 пары перчаток

0

50

Аркан

1

20

2 повсед. черкески

12

00

4 подковы

1

00

3 бешмета

9

00

Холщовые сумы и саквы

1

80

2 пары сапог

9

00

3 щетки платяные и сапожная

0

85

2 пары шерст. портянок

2

00

Набрюшник

0

30

Бурка и башлык

10

00

Чувяки с ноговицами

3

25

Шашка с портупеей

9

00

3 папахи

6

00

Кинжал и пояс

7

50

Парадная черкеска и бешмет

18

00

Патронташ

2

00

Сетка для сена

1

30

Чехол на винтовку

2

20

Вьючка

0

20

Седло с прибором

40

00

Сумка с мелочью

2

00

Арчак

2

00

Щетка и скребница

1

50

Нагайка

1

20

Торба

0

30

Сумы

6

00

Итого

165

95

Таким образом, при выходе на службу необходимо было потратить значительную сумму. В случае выхода на службу нескольких сыновей — разорение хозяйство было гарантировано. Комиссия по изучению порядка отбывания казаками воинской повинности при Главном управлении казачьих войск в начале XX отмечала, что в Донском войске только 22% хозяйств могут безболезненно снарядить для выхода на службу одного члена семьи, 45% теряют хозяйственную устойчивость и 33% не могут без внешней помощи снарядить казака на службу.[147]

Теперь надо остановиться на приобретении лошадей. В Кубанском казачьем войске ежегодно на службу выходило около 3.500 конных казаков, естественно, ежегодно было необходимо 3.500 строевых лошадей. Одной из важнейшей составляющей мобилизационной готовности казачьих войск было обеспечение конским составом. Этот вопрос специально изучался в каждом войске при инспекционных поездках начальника ГУКВ Щербов-Нефедовича в конце XIX — начале XX вв. По Кубанскому казачьему войску были получены следующие цифры: на 214 станиц области и 409.688 душ м.п. коренного населения приходилось 440.035 лошадей.[148] То есть, на каждого коренного жителя приходилось 1,075 лошади, что вполне достаточно. Однако на самом деле положение было далеко не такое благоприятное. Например, в Закубанском отделе только 10% семейств имели строевых лошадей.[149] Представление о количестве безлошадных хозяйств в области дает следующая таблица:

Таблица 3.2.8.

Распределение лошадных и безлошадных хозяйств в области

в 1903 и 1912 гг.[150]

Отделы

Число дворов и хозяйств в 1903 г.

Число дворов и хозяйств в 1912 г.

Всего

Лошад

ных

Безлошадных

Всего

Лошад

ных

Безлошадных

Екатери-нодарский

13.151

8.491

4.665

(35,5%)

15.264

10.323

4.941

(32,4%)

Баталпа-шинский

16.615

10.204

6.411

(38,6%)

17.040

11.393

5.647

(33,1%)

Ейский

4.192

2.138

2.054

(49%)

4.378

3.594

784

(17,9%)

Кавказский

13.272

7.877

5.395

(40,6%)

8.040

5.389

2.651

(33%)

Лабинский

18.637

9.781

8.856

(47,6%)

8.192

5.606

2.586

(31,6%)

Майкопс—

кий

20.876

10.346

10.521

(50,4%)

22.755

13.147

9.608

(42,2%)

Темрюкский—

Таманский

2.618

1.886

732

(28%)

2.021

1.354

667

(33%)

По области

89.357

50.723

38.634

(42,2%)

77.699

50.807

26.884

(34,6%)

Данные таблицы свидетельствуют, что около трети хозяйств области не имели лошадей. Конечно, не все эти хозяйства были казачьими, однако для значительной части казачьих хозяйств обзаведение строевой лошастью было обременительно. Если обратиться к сведениям, непосредственно относящимся к станичному подворному коневодству, то картина обеспеченности казаков лошадьми будет выглядеть еще

более тягостной. Следующая таблица отражает состояние подворного коневодства в казачьих станицах за 1906 г.:

Таблица 3.2.9.

Сведения о состоянии подворного коневодства в Кубанской области
за 1906 г.[151]

Отделы

Табуны строевых лошадей

Станичное подворное коневодство

Число табунов

Поголовье лошадей

Число производителей

Слученных кобыл в 1905 г.

Приплод в 1906г

Ейский

30

3.428

117

3.446

—

Кавказский

22

2.639

102

2.856

740

Темрюкский

21

2.033

98

2.188

680

Лабинский

27

3.241

77

1.870

597

Екатеринодарский

4

371

60

1.823

274

Баталпашинский

15

1.153

35

459

105

Майкопский

10

1.031

34

738

22

Итого

129

13.895

523

13.380

3.292

Из данных таблицы видно, что подворное коневодство не могло удовлетворить ежегодную потребность в строевых лошадях, даже если весь приплод считать благополучно дожившим до 4-летнего возраста и годным к строевой службе. Для поддержания подворного коневодства в 1905 г. была выделена сумма в 3.300 руб. на премии за лучших

трехлеток, и 5.000 руб. ежегодно для кредитования построек общественных конюшен в беднейших станицах. Даже оплату прогонов при поездках за общественными производителями войско брало на себя.[152]

Начальник войскового штаба ТКВ указывал, что вопрос «обеспечения молодых казаков надлежащим конским составом, так равно и относительно снабжения их вполне доброкачественным конским снаряжением, представляют собою тот краеугольный в данном случае камень, на правильной постановке которого только может быть сколько-нибудь надежно обосновано то весьма сложное здание, которое разумеется под общим названием «военная служба...».[153]

А.С.Собриевский отмечал, что ни что так не разоряет казака, как покупка и ремонт строевого коня, которого некоторым приходится приобретать дважды и трижды за время службы.[154] В докладе начальника войскового штаба ТКВ по данному вопросу отмечалось, что главной причиной многочисленной отбраковки строевого коня является низкое качество пород, господствующих в областях. При этом начштаба вообще предлагал обеспечивать малолетков строевыми лошадьми за счет войска.[155]

Стоимость строевой лошади в Кубанской области в начале XX в. колебалась в пределах 125–140 руб., а стоимость коня для конвойца доходила до 400 руб.[156] Поэтому практически все атаманы отделов соглашались с тем, что значительная часть казачества не может самостоятельно снаряжаться на службу за свой счет без разорения хозяйства, и предлагали увеличивать пособие на справку до 250–300 руб.[157]

Действительно, материальная помощь при выходе на службу была одним из направлений политики по поддержанию казачества и обеспечению исправного выхода на службу. По результатам поездок начальника ГУКВ Щербов-Нефедовича было принято решение о субсидировании конных казаков при выходе на службу в размере 100 руб. для покупки лошади. В 1904 и 1905 гг. было принято решение о выделении адресных 50-рублевых пособий для жителей станиц нагорной полосы при выходе на службу в пластунские батальоны.[158]

Вторым направлением политики по обеспечению выхода на службу — было связывание станичного общества круговой порукой, вплоть до принудительного лишения права распоряжения имуществом и сдачи в

аренду паевого надела для возмещения расходов станичных обществ при покупке справки казаку. Ф.А.Щербина отмечает, что подобное вмешательство в право распоряжения имуществом было типичным для казачьей общины на всем протяжении рассматриваемого периода. Но подобные случаи носили характер воздействия на ленивых и нерадивых казаков, пьяниц, и скорее носили характер прецедентов.[159] Однако с принятием положения об общественном управлении в казачьих войсках 1891 г., на общину ложилась обязанность обеспечить выход на службу. Например, количество земли, отобранной у казаков и принудительно сданной в аренду в 1895 г. достигало 29.953 дес.; в 1896 г. — 42.594 дес.; в 1897 г. — 55.349 дес.; в 1898 г. — 55.819 дес. В отдельных станицах совокупная площадь таких участков достигало значительных размеров: в ст. Темиргоевской — 18% всех посевных площадей; Григориполисской — 10%; Березанской — 7%; Иркиевской — 13%; Новорождественской — 5,5%.[160] Войсковые институты самоуправления в данном случае эволюционировали в сторону превращения в репрессивно-карательные учреждения.

При рассмотрении расходов казаков на военную службу следует иметь в виду, что помимо разовых трат на коня и снаряжение при выходе на действительную военную службу, льготные казаки не освобождались от воинской повинности. В этом отношении несомненный интерес представляют подсчеты М.Хорошхина стоимости воинской повинности на всем протяжении периода нахождения казака в служилом разряде. Представление о расходах казаков дает следующая таблица:

Таблица 3.2.10.

Расчет стоимости воинской повинности казака.[161]

Возрастные группы

Количество

служащих на 1.000 чел.

Разряд

Повинности

Стоимость в течение года для всех в руб.

18

19

20

20

20

20

Пригото—

вительный

Обмундирование и снаряжение

25 рабочих дней строевого обучения

30 дней летних сборов

270

125

450

21–22

23–24

17

16

Полки первой очереди

Строевой конь и справка

Фураж лошадям

Стоимость годовой рабочей силы

3.145

663

6.000

25–26

27–28

15

14

Полки второй очереди

20 рабочих дней сборов, содержание строевого коня и обмундирования

4.843

29–30

31–32

13

12

Полки третьей очереди

Ремонт обмундирования и снаряжения

675

33–37

21

Запас

Т о же

255

Итого

17.026

Конечно, данный расчет необходимо несколько скорректировать. Во-первых, сведения опубликованы в 1881 г. и сам расчет производился еще несколько ранее. Естественно, что к началу XX в. стоимость всех повинностей возросла значительно. Например, справка (полный комплект обмундирования, снаряжения и строевой конь) в 1881 г. по расчету М.Хорошхина обходился в 198,5 руб. Тот же комплект обмундирования и конь в начале XX в. обходился (см. указанные выше цифры) уже в 296 руб. (считая стоимость коня в 130 руб.), то есть в полтора раза больше. Таким образом, если стоимость воинской повинности для всех казаков войска без исключения равнялась примерно 17 руб. ежегодно, то в начале XX в. эта сумма составляла 25,5 руб. Следует отметить, что это при распределении на всех казаков. Если же считать, что в среднем в год в десяти возрастных группах служилого разряда находилось 168 казаков, то стоимость воинской повинности на

каждого в год равнялась 101,35 руб. в ценах 1881 г., или около 152 руб. в ценах начала XX в.

Именно учитывая совокупность тягости воинской повинности, ее реальной стоимости можно понять тех авторов, которые настойчиво твердили об оскудении казачества, о сокращении земельных наделов, о необходимости мер по поддержанию казачьего населения. Выше приводились высказывания о том, что одному хозяину сложно обработать более пяти десятин, что казачьему «малоземелью» позавидовал бы любой мужик центральных губерний России, что причина обнищания казаков их лени и в нежелании вести интенсивное хозяйство с применением передовой агротехники и пр. Все это верно, когда речь идет о хлебопашестве. Но для казаков служилого разряда заниматься хлебопашеством было просто невозможно в силу того, что значительную часть времени и средств они отдавали службе. Напомним, что ежегодно в служилом разряде находилось почти 40.000 человек (во всех очередях и запасе). Таким образом, данная часть казачества не могла накопить необходимую сумму для приобретения трех пар рабочего скота и орудий труда, необходимых для самообеспечения на 14 дес. земли (см. выше расчеты Л.Тмутараканского). При чем данный вывод просто теряет всякий смысл и значение, учитывая то, что значительная часть казачьих хозяйств просто не имела необходимых 7 дес. распашной и 7 дес. земли для других нужд. В данной связи следует отметить следующее. Средний душевой надел у казаков был довольно велик и в начале XX в. Однако, говоря о средних показателях, можно обратиться к рассуждениям П.П.Орлова, вызванные заметкой в газете «Кубанский край» об особой тягости воинской повинности для горцев. По данным 1909 г. в некоторых станицах и аулах Кубанской области средний душевой надел казака равнялся 5,1 дес. на душу м.п. у горцев — 3,1 дес. При частном же сопоставлении выяснилось, что в селениях горцев: Адамиевский, Ассоколай, Атлексировский, Габукай, Эдепсукай, Джеракаевский, Егибокаевский, Кувинский, Панахес, Суворово-Черкесский наименьший надел составляет 2,5 дес., наибольший — 4,8 дес. на душу м.п. В казачьих станицах: Васюринской, Бжедуховской, Кардоникской, Рязанской, Корсунской, Дондуковской, Баталпашинской, Отрадной, Елисаветинской, Благовещенской наименьший надел равен 1,4 дес. наибольший — 12,6 дес. на душу м.п.[162]

Таким образом, совершенно очевидно, что тяжесть отбывания воинской повинности ложилась не равномерно на казачье население Кубани.

Следовательно, необходимо рассмотреть процесс расслоения в среде казачества в начале XX в.

Данный вопрос не имеет однозначного ответа в отечественной историографии. Совершенно справедливо замечание В.П.Трута, что споры вокруг данной проблемы во многом обуславливаются отсутствием четких критериев и подходов к оценке уровня социально-экономического благосостояния казачьего хозяйства.[163]

Относительно вопроса социального расслоения казачества, В.П.Трут предлагает следующий обзор мнений отечественных историков.

Одним из первых исследователей данной проблемы был И.П.Борисенко. Он еще в начале 30-х годов, проделав большую работу по конкретному процентному подсчету уровня социальной дифференциации в казачьей среде, пришел к выводу, что 5–10% казаков были бедняками; 60–65% середняками и 10–15% кулаками. В особую группу, стоявшую между середняками и бедняками, И.П.Борисенко выделил 8–15% маломощных казачьих хозяев. С его точкой зрения полностью согласились Н.Т.Лихницкий и С.Бойков. В своих работах они опирались на данные, полученные в исследовании И.П.Борисенко. В то же время о преобладании среди казачьих хозяйств середняцких говорил Н.Л.Янчевский.

Иного мнения придерживался И.М.Разгон, по мнению которого среди казаков преобладали бедняки. По его подсчетам, на Кубани 48% всех казачьих хозяйств являлись бедняцкими; 41,1% середняцкими; 10,9% кулацкими.

В 50-х годах в исторической литературе появляются новые процентные выкладки соотношения различных социальных групп среди казачества. Причем мнения исследователей относительно того, какая из них преобладала, разделились. Так П.В.Семернин считал, что наибольшим был процент середняцких хозяйств. Они, согласно его расчетам, составляли от 41 до 62% от общего числа казачьих хозяйств. Бедняцких было 25–30%, а кулацких 21–23%.

Разделяя общий вывод П.В.Семернина о преобладании в казачьей массе середняка, В.П.Зайцев привел несколько отличные данные: 33,3% среди казаков составляли бедняки; 45% середняки; 21,7% кулаки.

Позже с аналогичных позиций выступил еще целый ряд историков. Например, говоря о кубанском казачестве, И.П.Осадчий пришел к

заклучению о том, что бедные казачьи хозяйства здесь составляли 35,5%; средние 43,5%; зажи-точные — кулацкие 21 %.

В.П.Трут указывает на то, что исходя только из величины земельного надела, количества рабочего и домашнего скота, инвентаря и пр., оценивать степень социальной дифференциации в отношении казачества было бы несколько неправомерно. Историк приводит следующий пример. В Донской области 15,6% казачьих хозяйств имело рабочего скота; 15,3% — коров; 8,5% вообще числилось без всякого скота; а 25,8% не имело инвентаря. Но в то же время вполне вероятно, что иной хозяин, совершенно не имея никакого скота, активно занимался садоводством или виноградарством и получал доходы, даже превосходившие средний уровень. Или, не имея сельхозинвентаря, строил свое хозяйство на товарном скотоводстве. И таких всевозможных вариантов было довольно много. Другие же казаки, располагая несколькими головами домашнего скота, лошадьё, парой рабочих быков и несколькими простейшими сельскохозяйственными орудиями, еле-еле сводили концы с концами. Следуя подходу, основанному на наличии или отсутствии скота и инвентаря, первые считались бедняками, а последние в эту категорию не попадали.

В свете всего отмеченного, В.П.Трут указывает на разработанную А.И.Козловым методику оценки социальной дифференциации качественно иного уровня. В ее основе лежит выработанный указанным автором комплексный многоуровневый подход, опирающийся на социолого-статистический метод. Одним из ключевых ее элементов явился определенный А.И.Козловым годовой прожиточный минимум наиболее распространенной по составу казачьей и крестьянской семьи Юго-Востока России. При этом учитывались не только уровень потребления, особенности каждого района региона, но и специфика второстепенных факторов, на первый взгляд не оказывавших существенного влияния на экономику казачьего хозяйства. Проанализировав с помощью своей методики значительный фактический материал, А. И. Козлов пришел к выводу, что центральной фигурой среди казачества региона являлся середняк. На долю середняцких хозяйств, по подсчетам А.И.Козлова, приходилось 51,6%; бедняцких 24,6%; кулацких 23, 8% . Таким образом, доля середняцких хозяйств среди казачества Дона, Кубани и Терека была преобладающей. Данное обстоятельство, наряду со спецификой внутренней организации казачьей общины, придавало ей известную устойчивость. Это, безусловно, тормозило процесс социально-экономического разрушения общины. Но объективно обусловленные

капиталисти-ческие отношения, социальная дифференциация казачества неуклонно развивались и ставили на повестку дня целый ряд эконо-мических и социальных проблем и противоречий, разрешить которые в рамках существовавших отношений было практичес-ки невозможно.[164]

К выводу о преобладании середняцких и бедняцких хозяйств на Кубани пришел И.Кулиш. При этом автор основывался в своих расчетах на количестве скота, размере надела и выделении и применении наемной рабочей силы, наличии рабочего инвентаря в хозяйствах. Выводы И.Кулиша следующие: численность кулацких хозяйств в среде кубанского казачества была невелика — около 15%; доля середняцких хозяйств — около 40–45%; и бедняцких, соответственно, около 40%.[165] То есть в сравнении с результатами А.И.Колзлова, доля кулацких хозяйств меньше, а бедняцких — больше.

В.Н.Ратушняк, анализируя эволюцию казачьих хозяйств в конце XIX — начале XX вв. приводит следующие цифры. В 1897 г. к найму рабочей силы прибегали 12,5% казачьих хозяйств, постоянно выделяли работников — 5,2%. В 1916 г. к найму рабочей силы прибегали 35,7% казачьих хозяйств, выделяло наемных работников — 9,4%. Здесь же следует отметить цифры обеспеченности рабочим скотом: 4 гол. и более — 13,8% хозяйств; без рабочего скота — 12,4%; 1 гол. — 27,1%; 2–3 гол. — 46,7%.[166]

Данные показатели весьма интересны для сопоставления. Видно, что количество казачьих хозяйств, прибегающих к наемному труду и имеющих 4 и более голов (в расчетах В.Н.Ратушняка под «одной головой» подразумевается рабочая пара) очень близки — 12,5% и 13,8 % (как представляется, значительное увеличение количества хозяйств, использующих наемную силу в 1916 г. объясняется отсутствием значительного числа казаков дома, и этот найм был вынужденным, под влиянием конъюнктурных причин. Хотя нельзя исключать и роста хозяйств предпринимательского типа, особенно в условиях возможной аренды станичных паев, хозяева которых отправились на войну). При этом число хозяйств без рабочего скота и с 1 парой равнялось 39,5%, то есть практически столько же, сколько бедняцких хозяйств указывает И.Кулиш.

При этом В.Н.Ратушняк приводит интересные данные, свидетельствующие о наличии зависимости между размером паявого надела, количеством скота, количеством арендованной земли, наличием

рабочего инвентаря, количеством своих и наемных работников. Чем больше в хозяйстве рабочего скота, тем больше размеры используемых земель (в т.ч. арендованной), больше приходится сельскохозяйственных орудий, больше своих и наемных работников.[167]

Указанные сопоставления и соответствия свидетельствуют о том, что применяемые указанными исследователями методики и сравнительные характеристики довольно точно отражают степень и характер имущественной дифференциации казачьих хозяйств. Б.А.Трехбратов указывает, что в основном в хозяйствах, использующих наемный рабочий труд, численность наемных работников колебалась от 10 до 50 человек.[168] Именно такое хозяйство можно с полным правом причислить к хозяйству предпринимательского типа.

Однако насколько категории, имеющие важнейшее значение при оценке уровня социально-экономического развития крестьянства, могут быть использованы для оценки тех же показателей в казачьей среде? Выше отмечалось, что практически у всех историков советского периода исходной установкой при исследовании социально-экономического положения казачества было определение последнего как полупривилегированного сословия или привилегированного крестьянства. Как представляется, более корректно будет оценивать положение казачества с существенной корректировкой, исходя из величины стоимости усиленной воинской повинности, отбываемой казаками. Таким образом, необходимо исходить из других показателей, которые А.И.Козлов удачно охарактеризовал как «прожиточный минимум». Исходя из этих показателей, ученый выделил в среде южнороссийского казачества 51,6% середняцких хозяйств; бедняцких — 24,6%; кулацких 23, 8%. В данной связи обращает на себя внимание градация, предложенная Л.И.Футорянским, проведенная на основе количества скота в хозяйстве и засеваемых площадей. Сведения следующей таблицы отражают указанные показатели:

Таблица 3.2.11.

Расслоение казачьих хозяйств Кубани по количеству рабочего скота
посевам в 1917 г.[169]

По рабочему скоту

По количеству посевов

Беднота

28,1%

40,5%

Середняки

55,3%

44,2%

Богатые

16,6%

15,3%

Выше указывалось, что обследование казачьих хозяйств Дона показало, что в войске только 22% хозяйств могут безболезненно снарядить для выхода на службу одного члена семьи, 45% теряют хозяйственную устойчивость и 33% не могут без внешней помощи снарядить казака на службу. Следует обратить внимание, что показатели обследования казачьих хозяйств Дона весьма близки показателям градации, предложенной А.И.Козловым. и Л.И.Футорянским. Таким образом, следует скорее согласиться с предлагаемыми характеристиками А.И.Козловым.

В начале XX в. в среде казачества проявило себя и нарастало новое явление, связанное с выделением части казачьих хозяйств, ведущих довольно крупное производство — сельской буржуазии.

Л.И.Футорянский указывает, что отличием кулацкого хозяйства от предпринимательского, или фермерского, является способ организации производства. Кулак в основном занимается не расширением производства, но спекуляцией, ростовщичеством, прибегает к кабальным формам эксплуатации бедняков. Тогда как предприниматель, или фермер вкладывает в производство капитал, стремиться к усовершенствованию орудий труда, интенсификации производства и «цивилизованному» использованию наемной рабочей

силы. Критерий для выделения такого хозяйства — не менее 10 голов рабочего скота и от 25 дес. посевов. На Кубани ученый выделяет 5,3% таких хозяйств.[170]

Эта была та группа казаков, которая тяготилась службой, общинными порядками и стремилась к изменению порядка землепользования. Во второй главе уже рассматривалось изменение отношения в среде казачества к службе. В данной связи интересно привести цитату из «Обзора Кубанской области», составленного П.Орловым. Автор-составитель писал: «Кубанские казаки и до сих пор сохранили под своей военной кавказской оболочкой славный дух своих предков, стяжавший им громкую славу.... будучи в общей массе проникнуты одними взглядами и убеждениями, казаки представляют из себя прекрасный материал для военного дела».[171]

На самом деле это было несколько не так. Военные качества казачьих подразделений проанализированы в предыдущей главе, единство же казаков было довольно сомнительным. Кроме того, стремления и интересы, прежде всего в социально-экономической сфере, далеко не были едины. В казачьей среде довольно прочное место занимала идея бесспорного права на владения занимаемыми землями. В ответах на казачью анкету 1928 г. приводятся такие высказывания. С.М.Топорков пишет: « казачье звание и земли, которые казаками завоеваны, будут отстаиваться всеми силами».[172] При этом вопрос владения землей не связывался со службой. С.Макеев указывает, что будущее России и казачества — в «свободе, равенстве, братстве», но при этом казачество сохранится как «отдельная каста, сословие» и вольности казачьи «никто никогда не посмеет отнять».[173]

В приведенных высказываниях ясно видна идеологема, безусловно, сложившаяся гораздо ранее — стремление к освобождению от службы с сохранением земли. Главным препятствием на пути реализации данных устремлений были существующие порядки отбывания воинской повинности и землепользования и общине. Нельзя не согласиться с выводами В.И.Ленина об искусственном перенаселении в земледельческих областях и тем, что главным тормозом социально-экономических процессов в деревне являлась община[174] Н.И.Лебедев также указывал, что в начале XX в. казачья община являлась тормозом в развитии производительных сил, и в Государственной Думе обсуждался вопрос о переходе к подворному и отрубному землепользованию.[175] Однако главная цель аграрной политики царизма в рассматриваемый период состояла в том, «чтобы притупить аграрные противоречия,

сохранить частное и казачье землевладение и землепользование».[176] Цель простая — сохранение военного потенциала и опоры трона в казачьих войсках, что прямо указывалось в отзывах атаманов отделов.[177]

При этом решение казачьих проблем — прогрессирующее малоземелье, неопределенность юртовых границ, частые переделы и неопределенность прав на земли — попросту игнорировались, либо предпринимались косметические меры.[178] Проблему малоземелья предлагалось решить за счет переселения казаков на Дальний Восток.[179]

В общественном мнении также не было единства по поводу дальнейшего развития и устройства казачьего землевладения и землепользования. Определенной, если можно сказать, идеологической поддержкой мероприятий войсковых властей по поддержанию общинного землепользования (запрет на долгосрочную аренду, межевание и переделы земель) можно встретить в работах Л.Тмутараканского, который безоговорочно выступал за сохранение общинного землевладения, гарантировавшее выход на службу, окончательное разорение беднейших казачьих хозяйств.[180] По поводу владельческих прав станичных обществ на используемую землю И.Иваненков писал, что изначально войску даровалось право пользования землей за службу, содержание границы в безопасности и местных административных учреждений.[181] При заселении Закубанья был нарушен «принцип права первоприобретателей земли» — Черноморцев, когда в частную собственность стали передаваться участки охотников-переселенцев. Однако тогда казаки не думали об ущемлении своих прав, так как всякий зажиточный черноморец стремился избавиться от «чести исполнить великую государственную задачу» заселения Закубанья. И.Иваненков задается вопросом — полное ли право собственности на земли у казаков? Автор считает, что — нет, казаки выступают лишь пользователями, так как «принцип полной собственности на землю разрушал бы основную идею казачьей общины».[182]

В данном случае вышеуказанные авторы выступали за сохранение существующих порядков землевладения и землепользования, феодальных в своей основе, тормозящих развитие производительных сил в казачьей среде, имущественной и социальной дифференциации. Такая позиция обеспечивала сохранение казачьей общины как источника военной и полицейской силы, гарантировала исправный

выход на службу через круговую поруку. Вопрос же оскудения казачества в таком случае просто нельзя было решить иначе, как только через перераспределение земли в пользу казачьих общин, которые продолжали бы использовать малопродуктивные экстенсивные формы хозяйствования, получать доход за счет сдачи земли в аренду, платы за усадьбы с иногородних и пр.

Существовали другие предложения и подходы в решении аграрных проблем казачества. В данной связи несомненный интерес представляет документ, не датированный и без заголовка, отложившийся в материалах Ф-970 РГВИА. Поскольку документ находился в материалах военно-походной канцелярии главной императорской квартиры, то можно предположить, что его содержание использовалось в поисках решения земельных проблем казачества. Судя по соседним документам, приблизительное время составления — 1909–1910 гг. документ представляет собой итоговое заключение некоего сбора сельских хозяев, обсуждавших земельный вопрос. В редактировании представленного заключения участвовали Ф.А.Топорнин, А.П.Мещерский, С.С.Бехтерев, Н.А.Павлов, П.П.Мигулин, А.А.Шульц. Никаких сведений о данных лицах не обнаружено. Само заключение содержит положения, некоторые из которых уместно привести: а) современный сельскохозяйственный кризис не может быть связан с необходимостью перераспределения сельскохозяйственных земель; б) перераспределение земель не может привести к повышению урожайности, напротив, понизит и без того низкий уровень урожайности в настоящее время; в) малоземелье — явление частное, а землеобеспеченность крестьян России намного выше, чем в соседних странах; г) «Все меры по урегулированию земельного вопроса в интересах народа — государственных должны быть направлены главнейшим образом в сторону увеличения производительности сельского хозяйства. А это может быть достигнуто: а) увеличением обрабатываемой ныне земельной площади; б) улучшением приемов хозяйства (интенсификации и рационализации) уже занятой обрабатываемой площади»; д) все предлагаемые меры должны проводится комплексно, но при этом «...никакая мера не будет в этом отношении действительной до тех пор, пока населению не будет дана

п о л н а я с в о б о д а (разрядка в тексте документа — А.М.) от опеки и в умах его не будет водворено начало частной собственности, ибо в отсутствии сознания совершенного права собственности, систематически вытравлявшегося нашим фальшиво-попечительским режимом бюрократии и общества, лежит главная причина всех наших

современных бедствий и полного разорения и приниженности всего земледельческого промысла населения».[183]

С большей частью положений данного документа нельзя не согласиться. Интересно отметить, что мысль о праве частной собственности казачьих общин на отведенные им земли имела место на Кубани и пропагандировалась. Еще в 1902 г., в докладе Екатеринодарскому юридическому обществу П.С.Ширский обосновывал указанное право. В частности, автор указывал, что в Черномории землевладение носили служилый характер, то есть земля жаловалась за службу. Однако с созданием ККВ ситуация кардинально изменилась. Если прежде собственником земель выступало государство в лице войска, которое являлось также и государственным учреждением, то с размежеванием земель — отмежеванные земли отходили станицам на правах собственности. В противном же случае, это «было бы совершенно противоречащим всей законодательной политике правительства, если бы реформа эта (размежевание — А.М.) не предоставляла права собственности на отведенную землю».[184]

В среде самого казачества к идее перехода к частной собственности на землю отношение было негативное, поскольку подобный переход привел бы к немедленному исчезновению войска как института и казачества как военной силы. Но уже вызревали мысли о необходимости изменения существующего порядка землепользования. В.П.Колесников отмечал, что при переделах земля эксплуатируется хищнически, поскольку казак не заинтересован в правильных агротехнических мероприятиях на временном участке. В данной связи он предлагал «так изменить порядок землепользования, чтобы всякий казак имел бы возможность всю свою жизнь пользоваться трудами своих рук, приложенными к земле, и чтобы результаты своего труда мог бы передать своему потомству».[185]

Понятно, что в данном случае В.П.Колесников выражал интересы зажиточной части казачества, стремившихся к освобождению от ограничений общинного землепользования. Пока мысль о необходимости перехода земель в частную собственность не звучит, однако дальнейшую эволюцию и взглядов, и порядка землевладения и землепользования предугадать не сложно. Совершенно очевидно, что подобные взгляды и предложения отражали существующую и набирающую силу тенденцию к расширению бессословного землевладения.

Казачье хозяйство не могло нормально развиваться в силу невозможности совмещения продуктивного земледелия и отбывания воинской повинности. Нормальное существование казаку могло обеспечить отгонное скотоводство, для которого не было условий в начале XX в. В предвоенный период посевные площади на Кубани занимали 70% земель сельскохозяйственных земель. Рост зернового производства вызвал рост коневодства — как тягловой силы, прирост которого в период с 1904 по 1914 гг. достиг 29%. Зерновое производство повлекло и увеличение свиноводства на 9%. Но при этом скотоводство в целом сокращалось — крупный рогатый скот на 18%, овцеводство — на 35%.[186] Таким образом, отрасль, могущая обеспечить казаку существование и выход на службу, неуклонно сокращалась.

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод, что в начале XX в. система обеспечения казаков пришла к глубокому кризису. Меры по поддержанию казачьего благосостояния в рамках существующих порядков обеспечения казака наделом в обмен на службу не могли решительным образом повлиять на решение проблемы. В казачьей среде все большее место занимают хозяйства, не могущие выполнять весь объем повинностей, не имеющие средств и потребностей для интенсификации хозяйства. Вопрос о существовании казачества как сословия был фактически предрешен всем ходом социально-экономического развития империи в целом и области, для которого казачья община являлась помехой и тормозом.

В отношении войска можно сказать следующее. Как финансовый институт войско продолжало существовать в основном за счет государственных субсидий (50,2% бюджета 1910 г.), но при этом значительно снизились относительные доходы от процентов на капитал (до 3,8%) и повысились доходы от пошлин за использование и аренду соляных, нефтяных, угольных промыслов (до 14,4%).[187] Таким образом, финансирование войска продолжало носить экстенсивный ростовщический характер.

В целом существование Кубанского войска как административной единицы и пользователя земли было сдерживающим фактором в развитии экономики области. Иногороднее население владело незначительными, по сравнению с войсковыми, участками земель, но при этом умудрялось, по словам Л.Я.Апостолова, жить «весьма недурно», занимаясь торговлей и промышленностью.[188]

Выше указывалось, что общая численность промышленных предприятий в Черномории была в 1850 г. равна 151 (в т.ч. 5 салотопенных, 27 кожевенных, 67 маслобойных, 42 кирпичных, 3 гончарных, 1 пивоваренный). На первое января 1914 г. в Кубанской области числилось 30 чугунолитейных заводов, 12 котельных, 7 винокуренных, 158 кожевенных, 5 салотопенных, 25 мыловаренных, 1 шерстомойный, 10 сыроваренных, 570 маслобойных, 160 гончарных, 653 кирпичных, 17 лопатных, 3 солеваренных, 95 кирпично-черепичных, 30 пиво — и медоваренных, 2 ваточных, 8 воскосвечных, 35 известковых, 6 цементных, 25 лимонадных, 12 лесопильных, 6 табачных, 8 консервных, 12 капсюльных, 488 паровых мельниц, 927 — водяных, 30 — конных, 1335 ветряных, а всего — 4.652 промышленных предприятий![189] Можно смело утверждать, что в подавляющем большинстве столь значительный рост — заслуга иногороднего населения. Та же картина в торговле — в период с 1895 по 1904 гг. доля казачьего населения в общем числе торговавших в среднем равнялась 9,35%.[190]

О тенденциях социально-экономического развития Кубанского казачьего войска и казачьего хозяйства можно сказать следующее. Кубанское казачье войско как хозяйственный организм исчерпал себя уже в последней трети XIX в. Существование феодального института, основанного на феодальном принципе наделения землей за службу не имело дальнейших перспектив развития в условиях превращения региона во внутреннюю территорию России, развития капитализма. Причины консервации войска и принятия мер по поддержанию его существования заключались в конъюнктурной необходимости расширения социальной базы царизма и использования военных возможностей населения казачьих областей при трудностях финансирования современной армии. Развивающийся капитализм неизбежно разрушал систему хозяйственно-экономического обеспечения отправления казачеством воинской повинности, стирал искусственные сословные рамки и ограничения. Казачье хозяйство в новых условиях было не в состоянии полностью обеспечить потребности казаков как военно-служилого сословия. Структурные изменения в экономике области привели к сокращению традиционных отраслей хозяйства казаков — скотоводства, а интенсивно развивающееся земледелие было невозможно успешно развивать в условиях усиленной военной службы. Таким образом, наблюдался кризис экономических мобилизационных возможностей казачьего хозяйства и без глубоких реформ система самообеспечения казачества существовать не могла.

Примечания:

- [1] Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. Краснодар, 1996. С. 220–221.
- [2] Фелицын Е.Д., Щербина Ф.А. Кубанское казачье войско. Репринтное издание. Краснодар, 1996. С. 91.
- [3] Шевченко Г.Н. Черноморское казачество в конце XVIII — первой половине XIX вв. Краснодар, 1993. С. 44.
- [4] Там же. С. 36–37.
- [5] Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. С. 222.
- [6] Там же. С. 221.
- [7] ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 162. Л. 138.
- [8] Там же. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2764. Л. 3–4.
- [9] Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. С. 221.
- [10] РГВИА. Ф. 643. Оп. 2. Д. 19. л. 2 об-4.
- [11] Там же. Л. 11 об.
- [12] Там же. Ф. 330. Оп. 1. Д. 27. Л. 79–80 об, 88–89 об.
- [13] Отношение ген.-фельдм. кн. Барятинского к военному министру ген.-адъют. Сухожанету, от 2-го апреля 1861 года, № 514//АКАК. Т. 12. Ч. 3. Док. № 764. С. 1051–1052
- [14] Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. С. 225–226.

[15] Составлена по сведениям: Попко И.Д. Черноморские казаки в их военном и гражданском быту: очерки края, общества, вооруженной силы и службы в двух частях. Репринтное издание. Краснодар, 1998. С. 91–92.

[16] Составлена по сведениям: Попко И.Д. Черноморские казаки в их военном и гражданском быту: очерки края, общества, вооруженной силы и службы в двух частях. Репринтное издание. Краснодар, 1998. С. 92–93.

[17] Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. В 2-х т. Т. 2. История войны казаков с Закубанскими горцами. Репринтное воспроизведение изд. 1913 года. Краснодар, 1992. С. 723.

[18] Ратушняк В.Н. Эволюция землепользования и систем земледелия на Кубани (конец XVIII в. — 1914 г.)//Актуальные проблемы истории и историографии Северного Кавказа. Краснодар, 2000. С. 27.

[19] ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 162. Л. 269–269 об

[20] Собриевский А.С. Торговое общество казаков в Черноморском (Кубанском) казачьем войске//Кубанский сборник. Т. 4. Екатеринодар, 1898. Паг. 14. С. 143–144.

[21] Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. Изд. 3-е, перераб. и доп. М., 1968. С. 9.

[22] ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 227. Л. 1–1 об, 4–4 об.

[23] ПСЗ 2. Т. 39 (1864). СПб., 1867. Ст. 41094.

[24] Там же. Т. 40 (1865). СПб., 1867. Ст. 42815.

[25] Там же. Т. 44 (1869). СПб., 1873. Ст. 46998. П. 10.

[26] Там же. Т. 40 (1865). СПб., 1867. Ст. 41887.

[27] ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 148. Л. 54–69, 71–101 об.

[28] ПСЗ 2. Т. 37 (1862). СПб., 1865. Ст. 38256. § 4.

[29] Короленко П.П. Азовцы//Киевская старина. 1891. Т. 34. № 7 (июль). С. 56, 71.

[30] То же//Там же. № 8 (авг.). С. 182.

[31] Там же. С. 190–192.

[32] Об упразднении Азовского казачьего войска//Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. (С 1 января 1865 по 1 января 1866 года). Т. 1. СПб., 1870. С. 191–205.

[33] Бентковский И. Заселение западных предгорий главного кавказского хребта//Кубанский сборник. Т. 1. Екатеринодар, 1883. Паг 2. С. 15–16.

[34] Мартыненко Д.М. О состоянии области и войска за 1908–1909 год. Извлечение из отчета Начальника области и Наказного Атамана Кубанского казачьего войска//Кубанский сборник. Т. 15. Екатеринодар, 1910. С. 6–7; Т. 16. Екатеринодар, 1911. С. 6–7.

[35] ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 162. Л. 96.

[36] Памятная книжка Кубанской области на 1876 год. Екатеринодар, 1876. Отд. 2. С. 9.

[37] Кубанская справочная книжка 1883 года. Екатеринодар, 1883. С. 31.

[38] Первая всеобщая перепись населения Российской Империи. Т. 65. Кубанская область/Под ред. Н.А.Тройницкого. СПб.: Изд. Центр. Стат. Комитета, 1905. С. 34–35.

[39] ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 101. Л. 1.

[40] Там же. Л. 10–11, 14–15, 35–36.

[41] ПСЗ 2. Т. 40 (1865). СПб., 1867. Ст. 41878.

[42] ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 162. Л. 280.

[43] ПСЗ 2. Т. 65 (1880–1881). СПб., 1884. Ст. 61488.

[44] Орлов П.П. Справочная книжка для Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1910. С. 664.

[45] Составлена по сведениям: ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 162. Л. 96, 121, 124–124 об, 95–97.

[46] ПСЗ 2. Т. 37 (1862). СПб., 1865. Ст. 38256. § 118.

[47] Там же. § 140.

[48] Там же. Т. 44 (1869). СПб., 1873. Ст. 46998.

[49] ПСЗ 3. Т. 3 (1883). СПб., 1886. Ст. 1317. П. 2.

[50] Там же. П. 7.

[51] Матющенко П.П. Аграрные реформы в кубанском казачьем войске в 60–70-е гг. XIX в. // Из дореволюционного прошлого кубанского казачества. Краснодар, 1994. С. 114.

[52] О дозволении русским подданным не войскового сословия селиться и приобретать собственность в землях казачьих войск // Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. (С 1 января 1868 по 1 января 1869 года). Т. 4. СПб., 1871. С. 62–64.

[53] ПСЗ 2. Т. 45 (1870). СПб., 1874. Ст. 48640.

[54] Фелицын Е. Сравнительные таблицы численности народонаселения, браков, рождаемости и смертности в Кубанской области за 5 лет, с 1871 по 1876 годы // ПККО на 1877 год. Екатеринодар, 1877. Отд. 2. С. 147–154; Его же. Статистические таблицы народонаселения в Кубанской области за 7 лет, с 1871 по 1877 гг. // ССОК. Т. 7. Тифлис. 1880. С. 537–570; Движение населения в Кубанской области и Черноморском округе за пятилетие с 1888 по 1892 гг. // КСК на 1894 год. Екатеринодар, 1894. Паг. 2. С. 88; Первая всеобщая перепись населения Российской Империи. Т. 65. Кубанская область / Под ред. Н.А.Тройницкого. СПб.: Изд. Центр. Стат. Комитета, 1905. С. 28–29, 34–35.

[55] Ратушняк В.Н. Сельскохозяйственное производство Северного Кавказа в конце XIX — начале XX века. Ростов н/Д, 1989. С. 14.

[56] Венюков М.И. К истории заселения Западного Кавказа, 1861–1863 гг.//Русская старина. 1878. № 6. С. 267–270.

[57] Значение размежевания земель у Кубанских казаков//Одесский вестник. 1867. 20 сент. № 205.

[58] Там же.

[59] Столетие Военного Министерства. Т. 11. Ч. 4. Землеустройство казачьих войск/Сост. Н.А.Чернощев. СПб., 1911. С. 152–157.

[60] ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 13. Л. 1–2.

[61] Там же. Д. 208. Л. 25–26 об.

[62] Там же. Ф. 318. Оп. 1. Д. 517. Т. 2. Л. 58–59 об.

[63] ПСЗ 2. Т. 44 (1869). — СПб., 1873. — Ст. 46996.

[64] Там же. Ст. 47011.

[65] История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. — 1917 г.). М., 1988. С. 125–126.

[66] ПСЗ 2. Т. 36 (1861). СПб., 1863. Ст. 36947.

[67] Там же. Т. 47 (1872). СПб., 1875. Ст. 50654.

[68] Иваненко К.С. Землевладельцы кубанской области и раздел земель. Екатеринодар, 1901. С. 3.

[69] Матющенко П.П. Указ. соч. С. 118–119.

[70] Из Донского войска//Голос. 1871. 8 (20) апр. № 96.

[71] ПСЗ 2. Т. 37 (1862). СПб., 1865. Ст. 38266. §67.

[72] Там же. Т. 43 (1868). СПб., 1873. Ст. 45711.

[73] Там же. Ст. 46120.

[74] ПСЗ 2. Т. 44 (1869). СПб., 1873. Ст. 47346.

[75] Положение об обеспечении генералов, штаб — и обер-офицеров и классных чиновников Кубанского и Терского казачьих войск//КСК на 1891 год. Екатеринодар, 1891. С. 280–281.

[76] ПСЗ 2. Т. 52 (1877). СПб., 1879. Ст. 57191.

[77] Иваненко К.С. Землевладельцы кубанской области и раздел земель. Екатеринодар, 1901. С. 2.

[78] Ширский П.С. Поземельные права станичных обществ. Екатеринодар, 1902. С. 8–9.

[79] Труханович А.П. Аренда казачьих общинных земель в Кубанской области в пореформенный период//Из дореволюционного прошлого кубанских казаков. Краснодар, 1993. С. 133.

[80] Сборник циркуляров Начальника кубанской области и Наказного Атамана кубанского казачьего Войска и Кубанского областного правления. Екатеринодар, 1901. С. 1075–1077, 708.

[81] ПСЗ 3. Т. 32 (1912). Пг., 1915. Ст. 37511.

[82] Шацкий П.А. Пореформенная колонизация Кубанской области и развитие земледелия на Кубани//Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1961 г. Рига, 1963. С. 503.

[83] Басханов А.Н., Басханов М.Н., Егоров Н.Д. Линейцы. Очерки по истории станицы Лабинской и Лабинского отдела Кубанской области. Никосия, 1996. С. 121.

[84] Шацкий П.А. Сельское хозяйство Предкавказья в 1861–1905 гг. (Историческое исследование)//Некоторые вопросы социально-экономического развития Юго-Восточной России. Ставрополь, 1970. С. 152–163.

[85] Его же. Пореформенная колонизация Кубанской области и развитие земледелия на Кубани/ Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1961 г. Рига, 1963. С. 502.

- [86] Невская Т.А. Особенности развития верхнекубанских станиц в конце XIX — начале XX вв.//Краснодару — 200 лет. (Тезисы краевой научно-практической конференции). Краснодар, 1993. С. 105.
- [87] Короленко П.П. Поземельный вопрос в Кубанском войске//Казачий вестник. 1886. 20 фев. № 15.
- [88] Его же. То же//Там же. 23 фев. № 16; 27 фев. № 17; 2 марта. № 18.
- [89] ГАКК. Ф.252. оп. 1. Д. 143. Л. 5–10 об.
- [90] РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2093. Л. 1–1 об.
- [91] Кубанская область: Города, станицы, села и слободы. Общие выводы относительно промысловых занятий Кубанской области//СМОМПК. Вып. 8. Тифлис, 1889. Паг. 3. С. 387–389.
- [92] Шацкий П.А. Сельское хозяйство Предкавказья в 1861–1905 гг. (Историческое исследование)// Некоторые вопросы социально-экономического развития Юго-Восточной России. Ставрополь, 1970. С. 33–35.
- [93] ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2615. Л. 4–5.
- [94] Там же. Ф. 252. Оп. 2. Д. 412. Л. 27 об — 28 об, 59 об — 60.
- [95] Сведения о недоимочной сумме по войсковому капиталу, числящейся на неслужилых нижних чинах Кубанского казачьего войска//КОВ. 1874. 23 февр. № 8.
- [96] Составлена по сведениям: ГАКК. Ф. 668. Оп. 1. Д. 152. Л. 1 об-2, 3 об-4, 5 об-6, 8 об-9, 10 об-11, 15 об-16, 17 об-18, 18 об-19, 20 об-21.
- [97] ГАКК. Ф. 668. Оп. 1. Д. 54. Л. 94–95.
- [98] Там же. Д. 153. Л. 5 об-6, 66–67.
- [99] Собриевский А.С. К вопросу об упадке экономического благосостояния кубанского казачества. (Несколько мыслей не казака). Б/м, б/г. С. 7.

[100] ПСЗ 2. Т. 38 (1863). СПб., 1866. Ст. 40046; ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 178. Л. 11–13.

[101] РГВИА. Ф. 643. Оп. 2. Д. 84. Л. 3–4, 37–38 об.

[102] Там же. Л. 44, 102–103 об.

[103] Там же. Л. 266–267, 503.

[104] Настоящее положение коневодства в казачьих войсках (военно-статистический очерк)//Военный сборник. 1877. № 4. С. 308–321.

[105] Краснов Н. Влияние развития коневодства и скотоводства на отправление казаками воинской повинности (военно-статистический очерк)//Военный сборник. 1877. № 10. С. 256.

[106] Там же. С. 257.

[107] Там же. С. 258.

[108] Там же. С. 259.

[109] Хорошхин М. Военно-статистический обзор казачьих войск//Военный сборник. 1881. № 9. С. 145.

[110] Там же. С. 147.

[111] ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 1794. Л. 6–7 об.

[112] Там же. Ф. 668. Оп. 1. Д. 683. Л. 1–2 об.

[113] ПСЗ 3. Т. 11 (1891). СПб., 1894. Ст. 7782. П. 152–155.

[114] Орлов П.П. Справочная книжка для Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1910. С. 560.

[115] ГАКК. Ф. 318. Оп. 2. Д. 1633. Л. 40–41.

[116] Отчет о состоянии Кубанской области и Кубанского казачьего войска за 1889–1891 гг. Бм, б/г. С. 4–21.

[117] Население Кубанской области по данным вторых экземпляров листов переписи 1897 г./Под ред. Л.В.Македонова. Екатеринодар, 1907–1908. С. 546.

[118] Составлена по сведениям: Население Кубанской области по данным вторых экземпляров листов переписи 1897 г. Екатеринодар, 1907–1908. С. 548.

[119] Составлена по сведениям: Население Кубанской области по данным вторых экземпляров листов переписи 1897 г. Екатеринодар, 1907–1908. С. 549.

[120] Население Кубанской области по данным вторых экземпляров листов переписи 1897 г. Екатеринодар, 1907–1908. С. 550.

[121] Шершенко А.И. Правовое и экономическое положение иногородних на Северном Кавказе в связи с хозяйственным развитием края//ССОСК. Т. 1. Ставрополь, 1906. С. 14.

[122] Каплин Н.М. О состоянии области и войска за 1910 г. Извлечение из отчета Нач. обл. и Наказ. Атам. Куб. каз. войска//Кубанский сборник. Т. 17. Екатеринодар, 1912. Паг. 2. С. 5; Селевко А. Отчет о состоянии Кубанской области за 1913 г. с 19-ю таблицами//Там же. Т. 20. Екатеринодар, 1912. Паг. 2. С. 8–9.

[123] Доклад о результатах командировки начальника Главного управления казачьих войск генерал-лейтенанта Щербов-Нефедовича в 1899 г. в Кубанскую и Терскую области. СПб., 1902. С. 3.

[124] Там же. С. 3.

[125] Составлена по сведениям: Доклад о результатах командировки начальника Главного управления казачьих войск генерал-лейтенанта Щербов-Нефедовича в 1899 г. в Кубанскую и Терскую области. СПб., 1902. С. 2–9.

[126] Воробьев Б. Земельный вопрос у казаков. СПб., 1908. С. 7.

[127] Там же. С. 8.

[128] Там же. С. 52.

[129] Мельников Л. Призрак «малоземелья» на Кубани//КОВ. 1897. 22 июня. № 133.

[130] То же//Там же. 24 июня. № 134.

[131] То же//Там же. 25 июня. № 135.

[132] Мельников Л. Призрак «малоземелья» на Кубани //КОВ. 1897. 25 июня. № 135.

[133] Иваненко Н.С. Семья-двор и семейное имущество казаков вообще и в частности по положению 10 мая 1862 года//Кубанский сборник. Т. 11. Екатеринодар, 1904. С. 285–331.

[134] Скворцов С.А. Землевладение в кубанской области. Использование земель общинами Кубани. Краснодар, 1925. С. 14.

[135] Справочник по Ставропольской епархии. Ставропольская губерния и Кубанская область. (Обзор городов, сел, станиц и хуторов)/Сост. Н.Т.Михайлов. Екатеринодар, 1910. С. 475–476.

[136] Щербина В.А. Хозяйственно-экономический быт казачьих поселений по бассейнам рек: Пшехи, Пшиша и Псекупса, в Закубанском уезде Кубанской области//Кубанский сборник. Т. 2. Екатеринодар, 1891. С. 19.

[137] Составлена по сведениям: Извлечение из отчета Начальника области и Наказного Атамана Кубанского казачьего войска за 1902 г.//Кубанский сборник. Т. 8. Екатеринодар, 1901. Отдел 2. С. 18; Каплин Н.М. О состоянии области и войска за 1910 г. Извлечение из отчета Нач. обл. и Наказ. Атам. Куб. каз. войска// Кубанский сборник. Т. 17. Екатеринодар, 1912. Паг. 2. С. 17–26; Селевко А. Отчет о состоянии Кубанской области за 1913 г. с 19-ю таблицами//Там же. Т. 20. Екатеринодар, 1912. Паг. 2. С. 23..

[138] Екатеринодар-Краснодар: Два века города в датах, событиях, воспоминаниях... Материалы к Летописи. Краснодар, 1993. С. 287.

[139] Об устройстве земских повинностей и введении государственного поземельного налога в Кубанской области// КОВ. 1894. 2 нояб. № 84.

- [140] Тмутараканский Л. Об экономически-социальном значении поземельного владения Кубанских казаков// Кубанский сборник. Т. 16. Екатеринодар, 1911. С. 230–231.
- [141] Македонов Л.В. В горах Кубанского края. Быт и хозяйство жителей нагорной полосы Кубанской области. Воронеж, 1908. С. 17.
- [142] Там же. С. 18.
- [143] Там же. С. 48–49, 71–72.
- [144] Щербина В.А. Указ. соч. С. 24.
- [145] Кубанская справочная книжка на 1891 год. Екатеринодар, 1891. С. 183.
- [146] Македонов Л.В. Указ. Соч. С. 157.
- [147] РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2110. Л. 8–9.
- [148] Доклад о результатах командировки начальника Главного управления казачьих войск генерал-лейтенанта Щербов-Нефедовича в 1899 г. в Кубанскую и Терскую области. СПб., 1902. С. 8–9.
- [149] Щербина В.А. Указ. соч. С. 4.
- [150] Составлена по сведениям: Статистика Российской империи. Т. 61. Военно-конская перепись 1903–1904 гг. СПб., 1906; То же. Т. 83. Военно-конская перепись 1912 года. СПб., 1914.
- [151] Северо-Кавказский альманах на 1908–1909 гг./Ред. Б.М.Городецкий. Екатеринодар 1908. С. 146.
- [152] ПСЗ 3. Т. 25 (1905). СПб., 1908. Ст. 26857, 26876.
- [153] РГВИА. Ф. 643. Оп. 2. Д. 86. Л. 6.
- [154] Собриевский А.С. К вопросу об упадке экономического благосостояния кубанского казачества. (Несколько мыслей не казака). Б/м, б/г. С. 11–12.
- [155] РГВИА. Ф. 643. Оп. 2. Д. 86. Л. 3 об-5.

[156] ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 10527. Л. 19.

[157] Там же. Л. 1–1об, 7–8 об, 9–10.

[158] ПСЗ 3. Т. 24 (1904). СПб., 1907. Ст. 24433; Т. 25 (1905). СПб., 1908. Ст. 26924.

[159] Щербина Ф.А. Земельная община Кубанских казаков//Кубанский сборник. Т. 2. Екатеринодар, 1891. С. 61 и далее.

[160] Кулиш И. Расслоение кубанского казачества в конце XIX и начале XX в.в.//Труды Кубанского пед. института. Т. I (IV). Краснодар, 1930. С. 101–102.

[161] Хорошихин М. Военно-статистический обзор казачьих войск//Военный сборник. 1881. №11 (ноябрь). С. 105–106.

[162] Ответ на статью «Черкесы и воинская повинность», помещенную в газете «Кубанский край» № 74 (396) (1911 год)//Орлов П.П. Сборник рассказов и статей. Екатеринодар, 1911. С. 267–268.

[163] Трут В.П. Казачий излом. (Казачество Юго-Востока России в начале XX века и в период революции

1917 года). Ростов н/Д, 1997. С. 47–48.

[164] Там же. С. 47–49.

[165] Кулиш И. Указ. соч. С.104, 109, 121.

[166] Ратушняк В.Н. Сельскохозяйственное производство Северного Кавказа в конце XIX — начале XX века. Ростов н/Д, 1989. 141, 145.

[167] Там же. С. 144.

[168] Трехбратов Б.А. Наемный труд в сельском производстве Юга России в период капитализма. (Методология, историография, источники, особенности формирования сельскохозяйственного пролетариата). Краснодар, 1980. С. 60–61.

[169] Футорянский Л.И. Казачество на рубеже веков. Оренбург, 1997. С. 82.

[170] Там же. С. 87–89.

[171] Обзор Кубанской области по поручению Наказного Атамана Кубанского казачьего войска генерал-лейтенанта Бабыча/Под ред. И.Кияшко. Сост. П.Орлов. Екатеринодар, 1911. С. 86.

[172] Казачество: Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. Ростов н/Д, 1992. С. 242–244.

[173] Там же. С. 183–185.

[174] Ленин В.И. Аграрный вопрос в России к концу XIX в.//Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 17. М. 1961. С. 136–137.

[175] Лебедик Н.И. Кризис аграрной политики царизма в казачьих районах перед Великой Октябрьской революцией//Казачество в октябрьской революции и гражданской войне. Черкесск, 1984. С. 236–241.

[176] Матющенко П.П. Особенности административно-аграрный мероприятий в казачьих областях Северного Кавказа (вторая половина XIX — начало XXвв.)//Голос минувшего. Краснодар, 2000. № 3–4. С. 16.

[177] Трут В.П. Казачий излом. (Казачество Юго-Востока России в начале XX века и в период революции 1917 года). Ростов н/Д, 1997. С. 42.

[178] Матющенко П.П. Казачий вопрос в аграрной политике царизма//Проблемы истории казачества. Волгоград, 1995. С. 262,270–271.

[179] Его же. Аграрные проблемы Северного Кавказа на рубеже XIX — XX вв.//Голос минувшего. Краснодар, 1998. С. 28–30.

[180]Тмутакаканский Л. Об экономически-социальном значении поземельного владения кубанских казаков//Кубанский сборник. Т. 16. Екатеринодар, 1911. С. 230–231и далее.

[181] Иваненков И. Права на земли Кубанских казаков. (По поводу собрания казачьей рады)//КОВ. 1907. 5 янв. № 4.

[182] Там же.

[183] РГВИА. Ф. 970. оп. 3. Д. 1354. Л. 257–258.

[184] Ширский П.С. Поземельные права станичных обществ. (Доклад Помощника Присяжного Поверенного П.С.Ширского Екатеринодарскому юридическому обществу). Екатеринодар, 1902. С. 8–9.

[185] Колесников В.П. Казачье землепользование на Кубани и меры к его улучшению. Екатеринодар, 1909. С. 15.

[186] Сельское хозяйство Кубани и пути его развития. (На правах рукописи). К докладу кубанского окружного исполнительного комитета IV пленуму крайисполкома. Краснодар, 1928. С. 3.

[187] Каплин Н.М. О состоянии области и войска за 1910 г. Извлечение из отчета Нач. обл. и Наказ. Атам. Куб. каз. войска//Кубанский сборник. Т. 17. Екатеринодар, 1912. Паг. 2. С. 64–65.

[188] Апостолов Л.Я. Географический очерк Кубанской области. Тифлис, 1897. С. 231.

[189] Весь Кавказ. Промышленность, торговля и сельское хозяйство Северного Кавказа и Закавказья/Сост. М.С.Шапсович. Баку, 1914. С. 35–36.

[190] Шершенко А.И. Правовое и экономическое положение иногородних на Северном Кавказе в связи с хозяйственным развитием края//ССОСК. Т. 1. Ставрополь, 1906. С.31.

Заключение

История казачества России, Кубанского казачьего войска во многом до сегодняшнего дня остается привлекательной для историков, содержит вопросы, требующие ответа, волнующие современников. При обращении к истории казачества следует иметь в виду, что организационной формой существования казачьего населения империи в рассматриваемый период было войско, которое выступает родовым

понятием для понимания сущности казачества, при разработке казачьего законодательства, при рассмотрении истории казачьих войск.

В представленной работе исследованы наиболее важные, на взгляд автора, проблемы истории Кубанского казачьего войска и кубанского казачества. Проанализированы тенденции развития казачества как военного сословия, рассмотрены взгляды современников на казачьи военные подразделения и эволюция правительственной политики по отношению к казачьим войскам, дана этносоциальная характеристика кубанского казачества. Основываясь на анализе обширного комплекса источников и литературы, можно сделать некоторые выводы, относительно указанных вопросов.

Преобразования в Кавказских казачьих войсках были тесно связаны с необходимостью скорейшего завершения покорения Северо-Западного Кавказа и хозяйственно-экономического освоения Закубанья. Именно эти задачи легли в основу планов по созданию Кубанской области и Кубанского казачьего войска, переселению казаков за Кубань. Рассматривая процесс создания Кубанского казачьего войска, необходимо отметить, что в значительной степени данное преобразование было направлено на разрушение замкнутости черноморских казаков и обособленности Черноморского войска. Для реализации поставленной цели был выбран «инструмент» — создание нового войска и переселение казаков за Кубань. Данные мероприятия должны были разрушить самобытную черноморскую общность, облегчить проведение реформ в области управления, самоуправления и других.

При подготовке новых казачьих законоположений, которой занимались как местный комитет, так и специальный комитет в Санкт-Петербурге, выявилась существенная разница установках, которыми руководствовались члены местного комитета и установках к работе особого комитета в столице. Если первый стремился сохранить максимальную самостоятельность войска, прежде всего в военных вопросах, то столичные власти преследовали цель объединения, насколько возможно, казачьего сословия с гражданским населением под одним общим гражданским управлением. На практике оказалось, что интересы казачества как военного сословия практически не учитывались, а решения принимались в пользу гражданских властей и «развития гражданственности» у казаков.

В целом работу местного комитета по подготовке положения о новом войске следует признать неуспешной. Причинами тому было отсутствие четкой программы по будущему устройству казачьих войск, несовпадение взглядов правительства на будущее устройство казаков и членов комитета, разногласия центральных властей и местного кавказского начальства. Одним из главных факторов являлось «запаздывание» работы местных комитетов в условиях проведения общероссийских реформ.

Во второй половине XIX — начале XX вв. система высшего управления казачьими войсками претерпела значительные изменения в рамках двух периодов реформирования. Первый период с конца 50-х гг. XIX в. до начала русско-японской войны, и второй — с 1904 -1905 по 1914 гг. Содержанием первого периода, которому предшествовала всеобъемлющая подготовка, было сосредоточение центрального управления казачьими войсками в Управлении иррегулярных войск, переименованного сначала в Главное управление иррегулярных войск, потом — в Главное управление казачьих войск. С расширением функций и полномочий ГУКВ, происходило расширение штатов, что сказывалось на качестве управления, осуществлявшегося по единому шаблону, без учета положения отдельных войск. Недостатки в управлении привели к перераспределению функций в пользу местных административных учреждений. Данная тенденция подтверждала не способность эффективного централизованного управления и необходимость преобразований.

В ходе русско-японской войны обнажились недостатки русской армии в целом, казачьих войск в частности. Обсуждение опыта, приобретенного в ходе войны, привело к значительным преобразованиям в армии и в системе управления казачьих войск в рамках второго этапа реформ. Основным содержанием стала ликвидация существующих отличий в положении казачьих частей от регулярных войск. Данные преобразования объективно вели к ликвидации различий в положении казачества и остального населения империи, что породило стремление к воссозданию особого управления казачьими войсками, однако в силу объективных причин (война, начавшаяся революция) данным начинаниям не удалось получить развития.

В развитие системы управления кавказскими казачьими войсками и местного самоуправления необходимо выделить следующие этапы. Первый этап охватывает время с 1850-х до сер. 1860-х гг., в течение которого осуществляется подготовка проектов казачьих

законоположений в рамках правительственного подхода на максимальное сближение казачьих войск с гражданским населением, максимальную унификацию административного устройства казачьих областей по образцу имперских территорий. Второй этап — с сер. 1860-х — сер. 1880-х гг. — реформирование кавказских казачьих войск, направленное на приведение системы управления в соответствие с общей системой гражданского управления населения России. Третий этап — с сер. 1880-х — 1904 гг. — реформа кавказских казачьих войск кн. А.М.Дондукова-Корсакова, основная цель которой — сохранение сословной замкнутости казачества, поддержание боевых качеств, создание в лице казаков прочной социальной базы царизма, дальнейшее развитие и изменение местных законоположений по самоуправлению с указанной целью. На четвертом этапе происходит перераспределение хозяйственных функций в пользу местных администраций и наказного атамана — 1904–1905–1912 г.

В целом во второй половине XIX — начале XX вв. не сложилось законченной системы управления кавказскими казачьими войсками, в полной мере отвечающей потребностям времени и интересам правительства. Постоянные изменения в стране, затрагивающие самые основы режима, требовали поиска адекватных мер по сохранению существующего порядка вещей. Необходимо отметить, что в случае с казачьими войсками правительству удалось найти способы к сохранению в казачьей среде опоры, в том числе через реорганизацию системы управления и самоуправления. Однако эти меры не могли полностью нейтрализовать естественное движение в условиях развития капиталистических отношений к разрушению всяческих сословных рамок и законодательных ограничений.

В 60–70-е гг. XIX в. основным содержанием в реформирование воинской повинности Кубанского казачьего войска стало сокращение срока службы и уменьшение численности казаков на действительной военной службе. Преобладающими в это время стали взгляды на кавказское казачество как на внутренние войска, утратившие свое боевое значение и по необходимости переходящие в русло мирной жизни. Программы по реформе воинской повинности, системы в принятии законов не было, поскольку сами войска находились в процессе реформирования, армия в целом переживала период значительных изменений.

В 1880-е гг. наблюдается пересмотр взглядов на Кавказские казачьи войска как утратившие боевое значение, что вполне укладывалось в

общегосударственную политику на усиление кавалерии. В 80–90-е гг. XIX в. в отношении казачьей службы видны две тенденции. Первая заключалась в поиске способов облегчения воинской повинности. Особенных успехов в этом направлении не удалось достичь. Вторая тенденция заключалась в усилении боевого потенциала войска. Увеличивалось количество полков, которые сводились в крупные объединения — дивизии и бригады, так же увеличивалась численность самих полков. Появляется необходимость в обучении казаков приговорительного разряда, что свидетельствует о негативном влиянии на боевые качества мирной жизни в отсутствии непосредственного соприкосновения с неприятелем.

Место казачьих частей в кавалерии было в некотором смысле двойственным и неопределенным. Эта двойственность проистекала из различных причин — разнородности вооружения, тактики ведения боя, боевым навыкам. С одной стороны происходило сближение казачьих подразделений с общевойсковыми кавалерийскими подразделениями. Это проявлялось в распространение на казаков действия строевых кавалерийских уставов, то есть унификации тактики ведения боя. С другой — в процессе обучения присутствовало стремление сохранить некоторые традиционные навыки верховой езды, но в общей тактике ведения боя казачьим частям навязывались общеармейские нормы. Традиция сохранялась в отдельных элементах, однако, как представляется, использование традиционного опыта казачества, более привыкшего к неожиданным рейдам, засадам, преследованиям противника с изматыванием последнего было бы более продуктивно.

Несмотря на усилия правительства по поддержанию казачьего сословия, казачьи войска все менее и менее становятся способными к выполнению службы наравне с регулярной кавалерией. Причины этому были как социально-экономические (дороговизна лошадей и обмундирования), так и военные (некачественный офицерский состав, трудности в комплектовании частей, недостатки общего командования и нецелесообразное использование возможностей казачьих подразделений).

В отношении казачьих привилегий и повинностей необходимо отметить следующее. В середине XIX в. у казаков было две безусловные привилегии — освобождение от уплаты денежных земских сборов и рекрутских наборов, причем после 1874 г. последняя потеряла всякое значение. Помимо этого, за казаками были закреплены льготы условные, так как не каждый мог ими воспользоваться — за

исключением права довольствия солью из войсковых соляных магазинов — право торговли в войске, право заводить рыбные заводы с уплатой пошлин. Необходимо отметить, что остальные земские повинности — дорожную, квартирную, подводную, содержание почт — казаки отбывали, а поскольку инфраструктура области была развита довольно слабо в сер. XIX в., то эти повинности ложились тяжким бременем на казачье население.

Помимо повинностей земских, казаки выполняли тяжелейшую повинность заселения новых территорий и хозяйственно-экономического их освоения. При переселении на новые места казаки сталкивались с необходимостью жизнедеятельности в совершенно незнакомых условиях, при постоянной военной опасности, отсутствия медицинской помощи и, как следствие, высокой смертности, в том числе среди детей.

Воинская повинность была для казаков в три раза более тягостной, чем для остального населения империи, что привело в конечном итоге к кризису мобилизационных возможностей войска. Одной из форм использования казачества на действительной военной службе, было привлечение казачьих частей для выполнения полицейских функций. В использовании казачьих подразделений для наведения порядка и восстановления спокойствия не было ничего необычного. На окраинах империи такая служба была обыденной. Новым было для казаков применение силы во внутренних губерниях, масштабы волнений в годы революции 1905–1907 гг. Оценивая участие казачьих подразделений в подавлении революционных выступлений следует учитывать, что казаки на действительной военной службе находились под воинской присягой, основным содержанием которой было подчинение командирам и защита существующего режима. Категорически нельзя оценивать факты участия казаков в полицейских акциях, исходя из политических соображений и пристрастий. Казачество с честью выполняло воинский долг. При этом нельзя игнорировать факты отказа казаков применять силу против невооруженных людей, сложную повседневную и опасную службу по защите мирного населения от бандитов и псевдореволюционных элементов.

Анализируя структурные изменения в социально-экономическом развитии Кубанской области и Кубанского казачьего войска в последней трети XIX в. следует сказать следующее. Значительную роль в области социальных процессов в рассматриваемый период играли попытки ограничения роста численности казачьего сословия и

дарование права выхода из состава войскового сословия. При этом последнее носило скорее демонстрационный характер и в большей степени было ориентировано на войсковое дворянство. В отношении рядового казачества можно выделить два этапа в развитии прав по выходу из войскового сословия — первый ограничивается 1860–1870-ми гг., когда право выхода только начало регламентироваться. Вторым совпал с реформой кавказских казачьих войск кн. А.М.Дондукова-Корсакова и заключался в усложнении процедуры выхода из состава войскового сословия.

В социальной политике гораздо большее значение имели мероприятия по отношению к иногороднему населению, заключающиеся в развитии прав по переселению и приобретению оседлости в области и войсковых землях. Этот процесс был тесно связан (в отношении развития экономики) с изменением землевладения казачьего войска. Войсковые земли перестали представлять единое целое, и в их составе образовался значительный массив частновладельческих земель, составивших потенциальный земельный рынок, который и был востребован в процессе крестьянской колонизации Кубани.

Вышеуказанные процессы протекали параллельно с межеванием казачьих земель, приведшим к еще большему разрушению целостности войсковой земли как института, уменьшению душевого надела казаков, сокращению земельных площадей, пригодных для скотоводства.

Все вышеперечисленное привело к значительным структурным изменениям в экономике области — переходу к земледелию как основной отрасли хозяйства. Эти изменения привели к ускорению имущественной и социальной дифференциации в среде казачества, выделению зажиточного слоя казаков, потенциальных фермеров. Рассматривая имущественное положение казачьего хозяйства, необходимо учитывать расходы на военную службу и выполняемые казачьим населением натуральные повинности. Без учета вышеперечисленного невозможно представить себе реального потенциала казачьих хозяйств, могущих значительное время существовать за счет экстенсивной эксплуатации земельного надела — сдачи в аренду.

В отношении войска можно сделать вывод о крайне непродуктивных и экстенсивных источниках финансирования войскового бюджета, превращения войсковых институтов управления и самоуправления в

надзирающий аппарат, контролирующий исполнение казаками исполнение воинской и иных повинностей.

Основные тенденции в социально-экономическом развитии кубанского казачества в последней трети XIX в. были следующие — сокращение скотоводства и увеличение зернового производства за счет аренды земли иногородним населением; увеличение расходов на службу и снижение экономических мобилизационных возможностей казачьих хозяйств; расслоение в среде казачества и складывание прослойки зажиточного казачества, тяготившегося выполняемыми повинностями, особенно воинской.

Указанные тенденции особенно остро проявились в начале XX., когда значительная часть казаков стремилась к отбыванию воинской повинности на общих основаниях, поскольку расходы на службу стали просто непомерно велики в сравнении с доходами. При этом углубляется имущественная дифференциация в казачьей среде, величина душевого надела стремительно уменьшается, с другой стороны, часть казаков превращается из воинов-земледельцев в фермеров.

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод, что в начале XX в. система обеспечения казаков пришла к глубокому кризису. Меры по поддержанию казачьего благосостояния в рамках существующих порядков обеспечения казака наделом в обмен на службу не могли решительным образом повлиять на решение проблемы. В казачьей среде все большее место занимают хозяйства, не могущие выполнять весь объем повинностей, не имеющие средств и потребностей в интенсификации хозяйства. Вопрос о существовании казачества как сословия был фактически предрешен всем ходом социально-экономического развития империи в целом и области, для которого казачья община являлась помехой и тормозом.

В целом о тенденциях развития Кубанского казачьего войска и кубанского казачества как военного сословия следует сделать следующий вывод. Кубанское казачье войско как административная единица, военный и хозяйственный организм исчерпало себя уже в последней трети XIX в. Существование феодального института, основанного на феодальном принципе наделения землей за службу не имело дальнейших перспектив развития в условиях превращения региона во внутреннюю территорию России, развития капитализма. Причины консервации войска и принятия мер по поддержанию его

существования заключались в конъюнктурной необходимости расширения социальной базы царизма и использования военных возможностей населения казачьих областей при трудностях финансирования армии. Развивающийся капитализм неизбежно разрушал систему хозяйственно-экономического обеспечения отправления казачеством воинской повинности, стирал искусственные сословные рамки и ограничения. Таким образом, к началу XX в. сложилась ситуация, требующая коренной реорганизации войсковых институтов, без которой войско и казачество как военное сословие было обречено на исчезновение.

bookkuban.htmlbookkuban.html

Список принятых сокращений

АКАК — Акты кавказской археографической комиссии
АКВ — Азовское казачье войско
БСЭ — Большая советская энциклопедия
ГАКК — Государственный архив Краснодарского края
Главком — главнокомандующий
ГУИВ — Главное управление иррегулярных войск
ГУКВ — Главное управление казачьих войск
ГШ — Генеральный штаб
Е.и.в. — его императорское величество
ЗКОРГО — Записки кавказского отделения русского географического общества
ИКОРГО — Известия кавказского отделения Русского географического общества
ИРГО — Известия Русского географического общества
КВВ — Кубанские войсковые ведомости
ККВ — Кубанское казачье войско
КЛКВ — Кавказское линейное казачье войско
КОВ — Кубанские областные ведомости
КСК — Кубанская справочная книжка
Начштаба — начальник штаба
ОЛИКО — Общество любителей изучения Кубанской области
ПККО — Памятная книжка Кубанской области
ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи
РГВИА — Российский Государственный военно-исторический архив

РГИА — Российский Государственный исторический архив
СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
ССОСК — Сборник сведений о Северном Кавказе
УИВ — Управление иррегулярных войск
ЧКВ — Черноморское казачье войско

Основные опубликованные источники

Законодательство. Одним из важнейших источников является Полное собрание законов Российской империи, содержащее положения утвержденные императором. К 1917 г. было издано три собрания, для нас наибольший интерес представляют второе и третье. [\[1\]](#) В данном издании находятся практически все важнейшие законодательные акты, освещающие все стороны жизнедеятельности казачьего войска.

Обширный комплекс документов, связанных с управлением казачьими областями содержится в 55-томном специальном сборнике правительственных распоряжений по казачьим войскам. [\[2\]](#) Разбросанность законодательных актов приводила к сложностям их практического использования на местах, поэтому Главное управление казачьих войск предприняло попытку издания сборника важнейших постановлений по каждому войску, содержащих важнейшие постановления по управлению, землеобеспечению и воинской повинности. [\[3\]](#)

Несомненный интерес представляют публикации законодательных актов членами Кубанского статистического комитета в местных продолжающихся и периодических изданиях. Были опубликованы как отдельные законоположения, [\[4\]](#) так и важнейшие положения, акты по различным отраслям управления, прохождения службы, местного самоуправления. [\[5\]](#) Так же следует отметить справочную книжку П.П.Орлова, в которой собраны сведения о законодательстве по управлению, службе и образованию в ККВ. [\[6\]](#)

Делопроизводственные, административные материалы, отчеты высших должностных лиц, сборники документов. Из опубликованных материалов весьма ценными являются отчеты высших кавказских администраторов — наместника, главнокомандующего Кавказской армией, главноначальствующего

гражданской частью на Кавказе. В этих изданиях зафиксированы позиции по различным вопросам кавказского начальства, общие принципы управления краем, итоги административной деятельности за отчетные периоды. [\[7\]](#)

Так же несомненный интерес представляют отчеты начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска, и доклад по результатам поездки по области начальника ГУКВ П.О.Щербов-Нефедовича. [\[8\]](#) Отчеты начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска были опубликованы как отдельными изданиями, [\[9\]](#) так и в виде выдержек из отчетов в местных периодических и продолжающихся изданиях. [\[10\]](#) Первоначально не было единого образца для составления подобных отчетов, однако в 1861 г. военным министерством был составлен образец, по которому необходимо было составлять указанные отчеты. [\[11\]](#) Данный источник по характеру происхождения конечно близок к отчетам высших должностных лиц, однако по характеру содержащегося в них материала более близок к статистическим материалам. В отчетах содержится информация практически по всем сторонам жизнедеятельности населения — численность, сельское хозяйство, промышленность, финансы, но необходимо учитывать, что в первую очередь в отчетах идет речь о войске и казачьем населении.

Для ясного представления порядка и характера управления областью огромное значение представляют распоряжения и приказы начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска. Эти делопроизводственные материалы нередко публиковались, [\[12\]](#) кроме того, был издан отдельный сборник, охватывающий период с 1879 по 1900 год. [\[13\]](#)

О положении дел на местах, непосредственно в населенных пунктах области дают представление ревизионные обзоры, поведившиеся по поручению наказного атамана. Материалы обзоров дают представление о порядке делопроизводства, наиболее характерных недостатках системы управления, содержат статистические выкладки. [\[14\]](#)

Сборники документов. Пореформенный период истории Кубанского казачьего войска слабо отражен в опубликованных сборниках документов. Для дореволюционных исследователей современные им события не являлись предметом собственно источниковедческого интереса. Видимо поэтому в

предреволюционный период документов по пореформенному периоду практически не публиковалось, в отличие от начальных этапов истории Черноморского войска.

Некоторые документы, в основном посвященные событиям переселения казаков за Кубань были опубликованы П.П.Короленко и П.Кириловым. В работе использованы документы по 26-му полку, опубликованные П.Кириловым, дающие полную картину первых лет жизни переселенцев. [\[15\]](#)

В советский период специальных сборников по казачеству просто не могло появиться. Следует выделить «Хрестоматию по истории Кубани», в которой собран значительный комплекс документов, правда в основном по социально-экономической проблематике. [\[16\]](#) В исследовании использованы материалы сборника, посвященного революционному движению на Кубани в годы первой русской революции. В него вошли документы, относящиеся к истории волнений в казачьих частях. [\[17\]](#)

Несомненный интерес представляет издание «Екатеринодар-Краснодар: Два века города в датах, событиях, воспоминаниях...». Это издание содержит обширный комплекс разнообразных источников по истории города, который являлся столицей Кубанского войска. [\[18\]](#)

Статистические материалы. Источники данной группы можно разделить на общестатистические материалы, освещающие развитие сельского хозяйства и промышленности области, демографическую ситуацию и непосредственно относящиеся к развитию войска и кубанского казачества.

Общая статистика. Поскольку казачество являлось одной из важнейших составляющих вооруженных сил Российской империи, точнее — кавалерии, для военного ведомства важно было точно знать военный потенциал каждого войска. В связи с этим составлялись общестатистические обзоры, освещающие демографическую ситуацию, возможности оснащения казаков лошадьми. Такие исследования проводились как по поручению центральных властей, так и местного военного начальства. [\[19\]](#)

Определенный интерес представляют статистические очерки, подготовленные как частными лицами (например — церковнослужителем Н.Т.Михайловым), так и членами Кубанского

статистического комитета, чья работа носила более или менее постоянный характер. [\[20\]](#)

Демографическая статистика. Материалы по демографической статистике в рассматриваемый период представляют довольно значительный объем. Причин этому несколько. Во-первых, вторая половина XIX в. — время расцвета земской статистики. Во-вторых, в указанный период Кубань являлась одним из самых привлекательных регионов для переселенцев, что создавало предпосылки для отслеживания ситуации. В-третьих, существовала необходимость в получении информации по численности казачьего сословия для отслеживания мобилизационных возможностей. При этом недостатком кубанской области было отсутствие земской статистики, поэтому в основном доступны материалы статистики административной — менее надежной.

Непосредственно по казачьему населению, также как и по иногороднему, исчерпывающая информация содержится в отчетах наказного атамана и начальника области. Помимо этого, несомненный интерес представляют сведения о потерях казачьего войска в ходе отбывания военной повинности. Такой учет велся постоянно, и иногда сведения публиковались, [\[21\]](#) а в начале XX в. их обобщил И.И.Кияшко. [\[22\]](#) Помимо статистики потерь, публиковались сведения об офицерах войска, проживающих в области. [\[23\]](#)

Публикаций, содержащих статистические сведения о населении области на страницах Кубанской справочной книжки (далее — КСК), Памятной книжки Кубанской области (далее — ПККО), Кубанского сборника, Кубанского календаря, Кавказского календаря и других изданиях было огромное количество. Следует выделить статистические подсчеты Е.Д.Фелицина, охватывающие 5–7-летние периоды, а также подобные очерки по области в целом и по Абинской равнине. [\[24\]](#) Несомненный интерес представляют сведения по половозрастному и сословному распределению населения Кубанской области. [\[25\]](#)

Безусловно, одним из самых значительных источников, дающих всеобъемлющее представление о половозрастном, сословном, профессиональном, национальном составе населения Кубанской области являются материалы первой всероссийской переписи населения 1897 года. [\[26\]](#) Поскольку это был первый опыт

проведения подобной переписи, то материалы ее не были свободны от недостатков и неточностей. Эти недостатки нашли отражение в трудах Л.В.Македонова. [\[27\]](#)

Аграрная статистика. Статистика промышленного производства. Кубанская область являлась одним из крупнейших производителей сельскохозяйственной продукции в России, в области особую ценность представляла земля — ставшая камнем преткновения между казачьим и не казачьим населением. Распределение земельных угодий, размеры наделов, состав землевладельцев — одни из важнейших показателей, необходимых для понимания истории хозяйственно-экономического развития казачества и войска. В данной связи особую ценность представляют опубликованные сведения в периодических и продолжающихся изданиях, отражающих интересующие нас сведения. [\[28\]](#)
Представление о качестве земледелия в области дают сведения об урожайности. [\[29\]](#)

Обширный материал по коневодству предоставляют военно-конские переписи конца XIX — начала XX вв. Материалы переписей дают представление об общем количестве лошадей в области, о количественном распределении поголовья среди хозяев. [\[30\]](#)

Промышленная статистика в общем объеме опубликованных статистических материалов занимает весьма незначительное место. Следует выделить описание промышленных предприятий области, опубликованное в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа» и во многом уникальное издание 1914 г., представляющее описание промышленных и торговых предприятий, сельскохозяйственного производства всего Кавказа. [\[31\]](#)

Опубликованные статистические материалы по Кубанскому казачьему войску в основном включают сведения о военном составе, численности частей, количестве нижних чинов и офицерском корпусе, отчетность по войсковым капиталам. [\[32\]](#)

Публицистика и материалы периодической печати. Как представляется, принципиальной разницы в отдельно изданных публицистических работах и материалах периодики нет. Работы эти носят характер ответов на злободневные вопросы казачества,

иногда содержат материалы мемуарного характера, статистические выкладки. Однако, в абсолютном большинстве цель публикации подобных работ — сформировать «правильное», по мнению автора, общественное мнение. Среди отдельно опубликованных значительное место занимают работы, посвященные земельному вопросу. П.Вихляев, Б.Воробьев, В.Колесников, А.С.Собриевский, П.С.Ширский пытались выяснить причины упадка казачьего хозяйства, найти меры по улучшению землепользования, определить «права» казаков на земли области, поднимали вопрос о необходимости коренного изменения существующего порядка землепользования. [\[33\]](#)

Несомненный интерес представляют работы И.Дукмасова с проектом заселения черноморского побережья казаками и П.Орлова, одного из ярких казачьих авторов-идеологов. [\[34\]](#) Оценке действий 2-го Урупского полка была посвящена работа П.Ширского, во многом написанная под влиянием революционных событий. [\[35\]](#)

Материалы периодической печати чрезвычайно насыщены самым разнообразным материалом. Особая ценность этих свидетельств заключается в содержащихся оценках современников тех или иных событий, бытовые детали и подробности, ускользающие от взгляда исследователя в сугубо научной работе. С другой стороны, материалы периодической печати имеют ряд недостатков с точки зрения достоверности, неточностей и требуют критического подхода.

Материалы по истории войска содержатся как в центральных, так и в местных газетах, журналах и периодических изданиях. Среди них следует выделить официальный орган военного министерства «Русский инвалид», «Разведчик», «Кубанские войсковые ведомости», вскоре переименованные в «Кубанские областные ведомости», «Кавказ», «Голос казачества», «Вольная Кубань».

Довольно большой объем среди публикаций занимают посвященные переселению казаков за Кубань и обустройству на новых местах. [\[36\]](#) Видимо, уже современники интуитивно осознавали, чувствовали значимость данного события для судеб северокавказского казачества. Надо отметить, что эти публикации явились предтечей создания работ по истории отдельных полков Кубанского казачьего войска.

К подобного рода публикациям, не имеющим четко выраженной характеристики (с одной стороны — материалы периодики, по

содержащемуся материалу — несомненно историографический факт), так же следует отнести очерк И.Петренко о Кубанском казачьем дивизионе в Польше. [\[37\]](#)

Так же публиковались отклики и критические замечания на преобразования в казачьих войсках. Это особенно ценные свидетельства, отражающие отношение к проводимым преобразованиям современников. [\[38\]](#)

Интересно отметить, что большая часть исследователей, занимающихся изучением земельных отношений, выступала на страницах периодической печати по злободневным вопросам землевладения и землепользования. В этих статьях обсуждались вопросы прогрессирующего казачьего малоземелья, обнищания казачьих хозяйств, нарушений и злоупотреблений при межевании со стороны чиновников. [\[39\]](#)

Поскольку казачество было военным сословием, небезынтересными будут статьи о военной составляющей кубанцев. Это разнообразный материал, отражающий содержание и оценку учебных сборов, тактических свойств казачьих подразделений, проблемы обмундирования и обеспечения лошадьми и проблемы в мирное время. [\[40\]](#)

Помимо воинской, казаки отбывали ряд натуральных повинностей. Однако проектировались меры по введению на казачьих землях поземельного обложения — доводы сторонников подобной меры отражены в статье «Об устройстве земских повинностей и введении государственного поземельного налога в Кубанской области». [\[41\]](#)

Несомненный интерес представляют заметки о праздновании 200-летия Кубанского казачьего войска, насыщенные рядом подробностей, позволяющих оценить степень значимости данного события как для властей, так и для самих казаков. [\[42\]](#)

Источники личного происхождения. К источникам личного происхождения, используемых в монографии, следует отнести материалы анкеты, проведенной среди виднейших деятелей казачества в эмиграции атаманами Дона, Кубани и Терека и правлением Казачьего союза в 1928 г. В первую очередь для исследования интересны размышления авторов по поводу права казаков на земли и сопряженные с этим правом повинности. [\[43\]](#)

Справочные издания и материалы.

Словари. Одним из интереснейших источников является словари. Так, оценивая характер и объем материала, содержащегося в статьях, можно не только получить фактографический материал, но и составить представление о значимости рассматриваемого феномена в период составления словаря. Так, например, в словаре Брокгауза и Эфрона содержится всеобъемлющая информация по военному составу войска, землевладению, финансам. [\[44\]](#) В советских словарях, как правило, информация о ККВ ограничивается мене чем десятком строк, в которых указываются даты создания и упразднения войска, географическая локализация, акцентируется внимание на фактах выступлений казаков на стороне советской власти. [\[45\]](#)

Из новейших словарей следует выделить энциклопедический словарь, посвященный непосредственно истории Кубани. Издание содержит значительный объем информации по различным сторонам жизнедеятельности войска, биографические справки выдающихся казачьих деятелей. [\[46\]](#)

Определенный интерес вызывает «Казачий словарь-справочник», изданный в США в 1969 г. Это издание, несмотря на значительный объем фактографического материала, создавалось исходя из концепции существования особого народа — казаков, поэтому требует критичного подхода. [\[47\]](#)

Непосредственно по Кубанскому казачьему войску следует выделить несколько справочных изданий и компилятивных работ, в которых изложены в хронологическом порядке основные даты по истории казачьих войск, перечень участия войска в войнах и военных походах, награды и отличия. Это, прежде всего издание Главной Императорской квартиры — справочная книжка по казачьим войскам. [\[48\]](#) По всей видимости, именно это издание послужило основой для работы Ю.Галушко. [\[49\]](#)

Несомненный интерес представляют материалы, относящиеся к порядку прохождения казаками действительной военной службы, обучения в войске. Это строевые уставы и специальные сборники по военной части. [\[50\]](#)

Важнейшим источником для любой научной работы являются библиографические указатели. В дореволюционный период нередко публиковались библиографические справки в продолжающихся и периодических изданиях, например, справка в «Записках Кавказского отделения Русского географического общества» за 1861–1862 гг. [\[51\]](#) Подобные обзоры регулярно публиковались в «Кавказском календаре», в частности за 1867, 1882, 1890, 1891, 1893 и 1895 гг.; в «Кубанском сборнике» тт. 5–10, 14–15, 19, 21

Так же составлялись библиографические обзоры по отдельным изданиям. Следует выделить обзор публикаций в «Кавказском календаре», составленный Н.А.Архангеловым, библиографический указатель по газете «Северный Кавказ» и библиографический очерк Б.М.Городецкого к 50-летию «Кубанских областных ведомостей». [\[52\]](#)

Существенное значение имеют указатели важнейших законодательных актов, относящихся к истории войска. Такие указатели за некоторые периоды времени публиковались в «Кавказском календаре», а так же в отдельно вышедшем издании В.С.Шамрая. [\[53\]](#)

В советский период специальных указателей по истории казачества не публиковалось, однако указатели по истории Кубани содержат значительный объем публикаций, относящихся к проблеме. Это, прежде всего издания, подготовленные кубанскими историками и исследователями. [\[54\]](#) Так же следует отметить указатель работ членов кубанского областного статистического комитета в местных периодических и продолжающихся изданиях, а также указатель трудов членов ОЛИКО. [\[55\]](#)

В современный период интерес к казачьей проблематике послужил причиной появления специальных библиографических указателей, исключительно по истории казачества. [\[56\]](#)

Картографические материалы. В данном исследовании использовались карты-схемы М.Венюкова, отражающие динамику заселения Закубанья. [\[57\]](#) А так же «Карта Кубанской области составленная по новейшим сведениям 1882 г. Е.Д.Фелицина», [\[58\]](#) и «Карта волостей Кубанской области». [\[59\]](#)

Так же в работе были использованы фотодокументы — сборник фотографий «Горячий ключ». [\[60\]](#)

[_ednref1](#)Примечания:

- [1] Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе (далее — ПСЗ 2.). — СПб., 1830–1884. 55т.; Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье (далее — ПСЗ 3.). — СПб., 1885–1916. 33 т.
- [2] Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. Т. 1–55. — СПб., 1865–1916.
- [3] Действующие в иррегулярных войсках постановления, изданные с 1 января 1865 г. по 1 января 1878 г. Ч. 3. Кубанское, Терское и Астраханское казачьи войска. — СПб., 1878. — 316 с.
- [4] Об освобождении казачьих офицеров от обязательной службы// Памятная книжка Кубанской области (далее — ПККО) на 1874 год. — Екатеринодар, 1873. — Паг. 3. с. 7–10; Правила о сроках обязательной службы для стипендиатов казачьих войск// Там же. С. 102–103; Положение об общественном управлении в казачьих войсках// ПККО на 1877 год. — Екатеринодар, 1877. — Паг. 3. С. 6–34; Положение о воинской повинности и о содержании строевых частей Кубанского и Терского казачьих войск (Высочайше утверждено 1 августа 1870 г.)// ПККО на 1880 год. — Екатеринодар, 1880. — Паг. 3. С. 1–24.
- [5] Законоположения и правительственные распоряжения, касающиеся Кубанской области и Кубанского казачьего войска и распоряжения областного начальства// Кубанская справочная книжка (далее — КСК) 1894 года. — Екатеринодар, 1894. — Паг. 5. С. 1–143.
- [6] Орлов П.П. Справочная книжка для Кубанского казачьего войска по части военной. — Екатеринодар, 1910. — 926 с., XIV, фото.
- [7] Отчет по Главному управлению Наместника Кавказского за первое десятилетие управления Кавказским и Закавказским краем е.и.в. великим князем Михаилом Николаевичем. 6 дек. 1862 г. — 6 дек. 1872

г. — Тифлис, 1873. — XVII, 414, [25] с; Воронцов — Дашков И.И. Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем генерал — адъютанта графа Воронцова — Дашкова. — СПб. 1907. — 164 с.

[8] Щербов — Нефедович П.О. Доклад о результатах командировки начальника Главного управления казачьих войск генерал-лейтенанта Щербов — Нефедовича в 1899 году в Кубанскую и Терскую области. — СПб., 1902. — [4],60,25 с.

[9] Отчет начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска за ... (1885–1886, 1888–1889, 1891–1915 гг.). — Екатеринодар, 1886–1916.

[10] Извлечение из отчета начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска за 1898–1903 годы \ Кубанский календарь на 1900–1905 гг. — Екатеринодар, 1900–1905; То же за 1906 год// Там же на 1908 г. — Екатеринодар, 1908. — С. 1–147 (приложения); О состоянии области и войска за 1907–1910 годы: Извлечение из отчета начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска/ Под ред. Д.М. Мартыненко// Кубанский сборник. — Екатеринодар. 1909–1912. Т. 14. — Паг. 1. С. 1–166, 1910. Т. 15. — Паг. 1. С. 1–178, 1911. Т. 16. — Паг.1. С. 1–188, 1912. Т. 17. — Паг. 1. С. 1–288; Селевко А.С. Извлечение из отчета начальника области за 1912–1913 гг.// Там же. — Екатеринодар 1914–1915. Т.19. — Паг. 1. С. 1–270, Т. 20. — Паг. 1. С. 1–294.

[11] ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 123. Л. 5–26.

[12] Кубанское казачье войско. Приказания, объявления и циркуляры Кубанского казачьего войска за 1884 год. Б/м, б/г. — 35 с.

[13] Сборник циркуляров начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска с приложением циркуляров бывшего Войскового хозяйственного правления с 1879 по 1900 год. — Екатеринодар, 1901. — 1234 с.

[14] Записка по ревизии станиц и селений Кубанской области. Екатеринодарского, Майкопского и Баталпашинского отделов за время 3–29 августа 1883 г. — Б/м, б/г. — 111 с; Ревизионный обзор населенных пунктов Ейского отдела Кубанской области, произведенный в 1903 году атаманом Ейского отдела полковником А.Я.Кухаренко. — Ейск, 1903. — 134 с.

[15] Кирилов П. Кубанская старина. К истории колонизации Закубанского края: (Первый командир 26-го полка. От 12 апреля 1863 г. по 1 октября 1864 г. — полковник Пистелькорс)// КОВ. 1899. №№ 246,248,249–255,257–260.

[16] Хрестоматия по истории Кубани: Документы и материалы. — Краснодар, 1975. — 407 с.

[17] Революционное движение на Кубани в 1905–1907 гг. Сборник документов и материалов. — Краснодар, 1956. — 374 с.

[18] Екатеринодар-Краснодар: Два века города в датах, событиях, воспоминаниях... Материалы к Летописи. — Краснодар, 1993. — 800 с., ил.

[19] Статистика Российской империи. Волости и гмины 1890 года. Ч. 3. Т. 17. Вып. 16 и 21. LXVI. Кубанская область. — СПб.: Изд-е ЦСК МВД, 1892. 34с., карт.; Корольков Г. Военно-статистическое обозрение Кубанской области. — Тифлис: Типография Штаба Кавказского военного округа, 1900. — 4, 353 с; Обзор Кубанской области: По поручению Наказного Атамана Кубанского казачьего войска ген. — лейт. Бабыча/ Под ред. И.И.Кияшко. Сост. старшина Орлов. — Екатеринодар, 1911. — 215 с.

[20] Михайлов Н.Т. Ставропольская губерния и Кубанская область: (Обзор городов, сел, станиц и хуторов). Справочник по Ставропольской Епархии. — Екатеринодар, 1911. — 501, [4] с; Кубанская область: (Статистический очерк)// Северо-Кавказский альманах на 1908–1909 гг./ Ред. Б.М.Городецкий, Л.В.Борисов. — Екатеринодар, 1908. — Отд. 2. С. 99–160, карта; Статистические сведения о населенных местах Кубанской области // Кубанская справочная книжка на 1883 год. — Екатеринодар, 1884. — Отд. 1. С. 45–73; Статистические сведения о всех населенных местах Кубанской области и Черноморского округа// Кубанская справочная книжка на 1891 год. — Екатеринодар, 1891. — Отд. 1. С. 148–191; Обзор Кубанской области за 1886 г. — Б/м,б/г. — 54 с.

[21] Ведомость о числе больных, умерших, бежавших и выключенных по болезни нижних чинов конных полков, пластунских батальонов и местных команд Кубанского казачьего войска, расположенных в Кубанской области за май, июнь месяцы 1889 г. — Б/м, б/г.-13 с.

[22] Кияшко И.И. Именной список генералам, штаб — и обер-офицерам, старшинам, нижним чинам и жителям Кубанского казачьего войска (бывших Черноморского и Кавказского линейного казачьих войск) убитым, умершим от ран и без вести пропавшим в сражениях, стычках и перестрелках с 1788 по 1908 гг. — Екатеринодар, 1911. -342 с.

[23] Список (по старшинству в чинах) генералов, штаб — и обер-офицеров Кубанского казачьего войска по состоянию на 1 июля 1913 г — Екатеринодар, 1913.-527 с.

[24] Фелицин Е. Сравнительные таблицы численности народонаселения, браков, рождаемости и смертности в Кубанской области за 5 лет, с 1871 по 1876 годы// ПККО на 1877 год. — Екатеринодар, 1877. — Отд.2. С. 147–154; Его же. Статистические таблицы народонаселения в Кубанской области за 7 лет, с 1871 по 1877 гг.// ССОК. Т. 7.-Тифлис. 1880.-С. 537–570; Движение населения в Кубанской области и Черноморском округе за пятилетие с 1888 по 1892 гг.// КСК на 1894 год. — Екатеринодар, 1894.-Паг. 2. С. 88; Абинская равнина. Статистический очерк о движении населения Кубанской области с 1863 по 1872 год. — Б/м, б/г.-175 с.

[25] Списки населенных мест Кубанской области с указанием местоположения и числа жителей (по полам)// ПККО на 1884 год. — Екатеринодар, 1874.-Отд. 2. С. 214–232; Численность и распределение народонаселения Кубанской области по сословиям: (По официальным сведениям к 1 января 1882 года)// КСК на 1883 год. -Екатеринодар, 1883.-С. 25–31.

[26] Первая всеобщая перепись населения Российской Империи. Т. 65. Кубанская область/ Под ред. Н.А.Тройницкого. — СПб.: Изд. Центр. Стат. Комитета, 1905.-XII, 263 с.

[27] Македонов Л.В. О местной разработке по вторым листам переписи 1897 г. статистических сведений о населении Кубанской области// Кубанский сборник. Т. 9.-Екатеринодар, 1902.-С. 159–177; Его же. О разработке статистических данных о населении Кубанской области по вторым листам всеобщей переписи населения 1897 г.// Там же. Т. 11.-Екатеринодар, 1905.-С.65–80; Население Кубанской области по данным вторых экземпляров листов переписи 1897 г./ Под ред. Л.В.Македонова.-Екатеринодар, 1907–1908.-587 с.

[28] Ведомость о числе жителей в станицах, селах, поселках, колониях и аулах Кубанской области с показанием количества земли, принадлежащей каждой населенной местности// ПККО на 1875 год. — Екатеринодар, 1874. — Отд. 2. С. 12–28; Перечень участков, отмежеванных городам, колониям, монастырям, станицам, селам, аулам и частным владельцам кубанской области: (Ход межевых работ по 1 ноября 1875 г.)// Там же, на 1876 год. -Екатеринодар, 1876.-Отд. 2. С. 71–115; Землевладение в Кубанской области. По сведениям 1875 года// Там же, на 1876 год. — Екатеринодар, 1876.-Отд. 2. С. 4; Землевладение городов, станиц, аулов, селений и поселков Кубанской области, с показанием душевого надела// Там же, на 1877 год. — Екатеринодар, 1877.-Отд. 2. С. 125–136; Распределение землевладения в Кубанской области: (По официальным сведениям к 1 января 1882 года)// КСК на 1883 год. — Екатеринодар, 1883.-С.24; Ейский отдел: Общая ведомость земель частного владения лиц войскового сословия Кубанского казачьего войска// Кубанский сборник. Т. 3.-Екатеринодар, 1894.-Паг. 10. С. 1–14.

[29] Статистические данные о пространстве, составе населения, формах землевладения, размерах запашки, урожае, количестве скота и др. в поселениях, расположенных в районе, ограниченном средним и нижним течением рек Урупа и Белой и верхним реки Кубани. — Б/м, б/г.-101 с; Урожай 1911–1912, 1917 годов по Кубанской области. — Екатеринодар, 1911–1912, 1914.

[30] Статистика Российской Империи. Т. 31. Военно-конская перепись 1891 года. — СПб., 1894. — 150 с., табл.; Т. 44. То же. За 1898 год. — СПб., 1898. — 80 с.; Т. 61. То же. За 1903–1904 годы. — СПб., 1906. — 80 с.; Т. 83. То же за 1912 год. — СПб., 1914. — 442 с.

[31] Кубанская область: Города, станицы, села и слободы. Общие выводы относительно промысловых занятий в Кубанской области// СМОМПК. Вып. 8. — Тифлис, 1889. — Паг. 3. С. 1–395; Весь Кавказ. Промышленность, торговля и сельское хозяйство Северного Кавказа и Закавказья. Первый год. Издания. — Баку, 1914. — 1238 с.

[32] Состав Кубанского казачьего войска// ПККО на 1877 год. — Екатеринодар, 1877. — Паг. 3. С. 143; Кубанское казачье войско// Там же на 1881 год. — Екатеринодар, 1881. — Паг. 3. С. 126–131; Военный состав и служебная деятельность Кубанского казачьего войска: Приложение к отчету Начальника Кубанской области и Наказного

Атамана Кубанского казачьего войска за 1915 год. — Екатеринодар, 1915. — 35 с; Перечень сметы доходов и расходов общего капитала Кубанского казачьего войска за 1916 год. — Б/м, б/г. — 6 с.

[33] Вихляев П. Аграрный вопрос с правовой точки зрения. — М., 1906; Воробьев Б. Земельный вопрос у казаков. — СПб., 1908; Колесников В. Казачье землепользование на Кубани и меры к его улучшению. — Екатеринодар, 1909; Собриевский А.С. К вопросу об упадке экономического благосостояния Кубанского казачества. — Екатеринодар, 1912; Ширский П.С. Поземельные права станичных обществ в Кубанской области. — Екатеринодар, 1902. — 26 с.

[34] Дукмасов И. О заселении Черноморского побережья Кавказа казачьим войском. — М., 1887; Орлов П. Кубанские казаки: Откуда повелось Кубанское казачье войско и как оно несло государственную службу на благо Руси. — Екатеринодар, 1908.

[35] Ширский П. Восстание 2-го Урупского казачьего полка в 1905 году. — Екатеринодар, 1917. — 25 с.

[36] Новые казачьи поселения в Закубанском крае// ЗКОРГО. Кн. IV. — Тифлис, 1864. — Паг. 4. С. 21–22; П. Обзор колонизации Закубанского края// Русский инвалид. 1864. 17(29) окт., №230; М.В. (Венюков М.) Население Северо — Западного Кавказа в три эпохи его колонизации Русскими: в 1841, 1860 и 1863 годах: (с 3 картами)// ЗРГО. Кн. 1. — СПб., 1864. — Паг. 2. С. 1–9; Каменев Н. Несколько слов о колонизации Западного Кавказа вообще и Псекупского полка в особенности// КВВ. 1867. 7 окт., № 39; Захаров С. О населении 27(ныне 25) конного полка Кубанского казачьего войска// Там же. 1867. 28 окт., № 42; Раковский. История 25(ныне 23) конного полка Кубанского казачьего войска// Там же. 1867. 11 нояб. № 43, 18 нояб. № 45, 2 дек. № 47, 16 дек. № 49; Саньков. Описание поселения 5-й (Урупской) бригады кубанского казачьего войска и отдельных действий ее частей против непокорных горцев// Там же. 1868. 16 марта. № 11, 23 марта. № 12; Щербаков А. Абинский конный казачий полк// Там же. 1868. 23 марта. № 12; Краткий исторический очерк Кубанского казачьего полка (ныне 2-я бригада)// Там же. 1868. 11 мая. № 18, 18 мая. № 19; Гродеков Н. Колонизация нагорной полосы Кубанской области// Записки для чтения. СПб., 1869. Авг., сент., окт., нояб. и дек. С. 54–64; Барилко И.Г. Переселение за Кубань Черноморского (ныне Кубанского) войска в 1860-м и 61-м годах по проекту князя Барятинского и Главнокомандующего правым флангом — Закубанским графа Евдокимова. Воспоминание // КОВ.

1911. 8 окт. № 213; Щербина Ф.А. Колонизация Кубанской области// Киевская старина. Т. VII. — Киев, 1883. — С. 529–545; Бороздин К.М. Колонизация Кавказа// Наблюдатель. — Спб., 1885. № 5. — С. 129–147.

[37] Петренко И. Кубанцы и кавказские горцы в Польше. Очерк по истории Кубанского казачьего дивизиона//КОВ. 1910. 22 мая. № 110; 18 июня. № 130; 19 июня. №131; 19 июня. № 151; 14 -16 июля. № 151–153.

[38] Сафонов. Заметки по поводу пересмотра казачьих положений Кубанского и Терского войск, с окончанием Кавказской войны// Современная летопись. Воскресное прибавление к «Московским ведомостям». 1865. № 13; Военно-окружная система на Кавказе, в Оренбургском крае и в Сибири// Русский инвалид. 1865. 6 (18) авг.; По вопросам о преобразованиях в казачьих войсках// Там же. 1869. 24, 27, 29 мая и 15 июля; Преобразования управления Кубанскою и Терскою областями// Иллюстрированная газета. 1875. Т. 25. № 8. С. 114–115; П-в С. Уничтожение казачества//Окраины России. 1909. Т. 4. № 37–38. С. 524–528; Баратов Н. Организация высшего местного управления Кавказскими казачьими войсками и горскими народами Северного Кавказа//Военный сборник. 1913. №. 2. С. 157–166;

[39] Значение размежевания земель у Кубанских казаков// Одесский вестник. 1867. 20 сент.; Иваненков Н. Права на земли кубанских казаков: (По поводу собрания казачьей рады)// КОВ. 1907. 5 янв. № 4; Из Кубанской области (Дополнительные земельные наделы станицам)//Неделя.№ 24.-СПб., 1891. -С. 762–763; Короленко П.П. Поземельный вопрос в кубанской области// Казачий вестник. 1886. № 15. 20 фев., № 16. 23 фев., № 17. 27 фев., № 18. 2 марта; Мельников Л. Призрак «малоземелья» на Кубани// КОВ. 1897. № 133. 22 июня, № 134. 24 июня, № 135. 25 июня; Орлов П. Казачьи вопросы: (С Кубани)// Голос казачества. 1912. № 33–34; Щербина Ф.А. Как и кто у Кубанских казаков их земли урезывал и отнимал//Вольная Кубань. 1918. 14,17 янв.

[40] Заколюжный С. Тактические свойства пластунов: По поводу приказа по Кубанскому казачьему войску 29 апр. 1893 г.//Разведчик. 1894. № 185. С. 366; Кравцов И. Об осенних полковых сборах Кубанского казачьего войска в 1868 году// Кавказ. 1869. № 37. 26 марта; Кубанец. Боевая сторона Кубанцев// Казачий вестник. 1883. № 20. 9 марта; Его же. Льготное состояние Кубанцев// Там же. 1883. № 30. 13 апр.; П-ов. Казачья лошадь и обмундирование: (Голос с Кавказа)// Санкт-Петербургские ведомости. 1909. 12 (25) мая; С Кубани

(Проблемы казачества в мирное время)// Русский инвалид. 1869. № 104. 2 (14) сент.

[41] Об устройстве земских повинностей и введении государственного поземельного налога в Кубанской области// КОВ. 1894. № 82–85. 26, 29 окт., 2,5 нояб.

[42] Б-в Н. К двухсотлетию Кубанского казачьего войска, 1696–1896// Русский вестник. 1896. № 12. С. 53–64; В.Ч. 200-летие Кубанского войска// разведчик. 1896. № 310. С. 831.

[43] Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. — Ростов н/Д, 1992. — 320 с.

[44] Казаки// Энциклопедический словарь/Издатели Ф.А.Брокгауз, А.Эфрон. Т. 13А. — СПб., 1894. — С. 882–894.

[45] Казачество// БСЭ. Изд. — 2-е. Т. 19. — М., 1965. — С. 362–363; Казачество// Историческая энциклопедия. Т. 6. — М., 1965. — С. 815–823; Кубанское казачье войско// Там же. Т. 8. — М., 1965. — С. 242.

[46] Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 года/ Под ред. Б.А.Трехбратова. — Краснодар, 1997. — 560 с., ил.

[47] Казачий словарь-справочник. В 3-х т./Сост. Г.В.Губарев. — Репринтное воспроизведение изд. 1969 г. — М., 1992.

[48] Казачьи войска. Каткая хроника казачьих войск и иррегулярных частей. Справочная книжка Главной Императорской квартиры/ Под ред. В.К.Шенка. Сост. В.Х. Казин. — СПб., — 1912. — 462 с.

[49] Галушко Ю. Казачьи войска России: Краткий историко-хронологический справочник казачьих войск до 1914 года. — М., 1993. — 232 с., ил., карт.

[50] Дополнение к строевым кавалерийским уставам для казаков. — СПб., 1884. — 18, 4 с.; Устав строевой казачьей службы. Ч. 1. Одиночное, взводное и пешее ученье. 1899 год. — СПб., 1910. — 293 с.

[51] Библиографический указатель вышедших в 1861 и 1862 годах книг и статей, касающихся географии и истории Кавказа// ЗКОРГО. Кн., 2. — Тифлис, 1864. — Паг. 2. — С. 79–132.

[52] Список главных статей и заметок, помещенных в Кавказском календаре за все 64 года его издания (1846–1910 гг.)//Кавказский календарь на 1910 год. Ч. 1–2. — Тифлис, 1910. — С. 923–928; Архангелов Н.А. Библиографический указатель литературы о Кубанской области, Кубанском казачьем войске и Черноморском округе из ставропольской газеты «Северный Кавказ» в первое десятилетие (1884–1893 гг.) ее издания// Труды ставропольской ученой архивной комиссии. Вып. 11: 1910. — Ставрополь, 1910. — С. 1–78; Городецкий Б.М. По поводу 50-летия издания «Кубанских областных ведомостей» 1863–1913: (Библиогр. набросок)// Кубанский сборник на 1914 год. Т. 19. — Екатеринодар, 1914. — Паг. 2. С. 623–644.

[53] Хронологическое показание достопримечательных событий в Кавказском и Закавказском крае и важнейших постановлений правительства, относящихся к этому краю.[С 1869-го по 1 июля 1871 г.], [С 11 янв. 1871 г. по 2 июля 1872 г.], [С 6 дек. 1862 г. по 8 сент. 1873 г.]// Кавказский календарь на 1872 , 1873, 1874 годы. — Тифлис, 1872–1874; Шамрай В.С. Хронология важнейшим событиями и законоположениям, имеющим отношение к истории Кубанской области и Кубанского казачьего войска. — Екатеринодар, 1911. — 67 с.

[54] История краснодарского края. (Указатель советской исторической литературы 1917–1962 гг.)/ Отв. ред. Г.Г.Мошкович. — Краснодар, 1964. — 56 с.; История Кубани: Библиогр. указ. сов. ист. лит., 1963–1975 г. Вып. 1. Досоветский период./ Сост. П.П.Матющенко, А.И.Слуцкий, В.Н.Ратушняк и др. — Краснодар, 1979. — 71 с.

[55] Кубанский обл. стат. комитет. Труды КОСК 1873–1915: Библиогр. указ./ Сост. О.А.Репнина. — Краснодар, 1989. — 86 с.; Общество любителей изучения кубанской области. Труды ОЛИКО.: Библиогр. указ. — Краснодар, 1993. — 77 с.

[56] Казачество: истоки и возрождение: Библиогр. список лит-ры// Сост. Т.Ю.Кравцова, Л.А.Петрова. — Ставрополь, 1991. — 105 с., ил.; Казачество: Библиогр. справ./ Авт.-сост. И.А.Аверин. — М., 1995. — 111 с.

[57] [Венюков М.] М.В. Население Северо-Западного Кавказа в три эпохи его колонизации русским в 1843, 1860 и 1863 гг.//ИРГО. 1864. Кн. 1.Отд. 2. С. 1–9.

[58] РГВИА. Ф. 330. Оп. 64. Д. 224.

[59] Карта волостей Кубанской области// Статистика Российской империи. Волости и гмины 1890 года. Ч. 3. Т. 17. Вып. 16 и 21. LXVI. Кубанская область. — СПб.: Изд-е ЦСК МВД, 1892.

[60] «Горячий ключ» и его окрестности Кубанской области:(фотоальбом). — Б/м, б/и., 1896. — 20 с.

Приложение 2.

Краткий перечень военных походов и участия в боевых действиях казаков Кубанского казачьего войска.[1]

1873 год — сотни Ейского полка участвовали в Хивинском походе.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг.

1877 год:

16 апреля — в кавалерийской перестрелке у селения Азат-Кова;

4 мая — в штурме Гелевердинских высот;

4–5 мая — во взятие крепости Ардаган;

9 мая — в атаке турецких войск у селения Александровское;

28 мая — в бою с турецким отрядом у селения Мелик-Кея;

30 мая — в отражении вылазки осажденных войск Карса с северных фортов;

6–28 июня — в обороне крепости Баязет;

23–24 июня — в обороне Зорского перевала;

июль — январь 1878 г. — оборона Шипкинского перевала;

4 сентября — в сражении с турецкими войсками на горе Большой Ягны;

20–22 сентября — в сражении с турецкой армией под Аладжинскими высотами и у гор Большой и Малый Ягны;

23 октября — в сражении у села Деве-Бойну;

5–6 ноября — в штурме и взятии Карса;

1878 год:

17 июля — во взятии Эрзерума;

1881 год — участвовали в Ахалтекинской экспедиции, переходе через перевал Копетдаг, в штурме и захвате крепости Геок-Тепе.

1885 год — участвовали в боях с афганцами на р. Кушка

Русско-японская война 1904–1905 гг.

1904 год:

11–18 октября — в боях у Сандепу;

ноябрь–декабрь — в 500-километровом рейде по японским тылам к Хунхе, Нючожуан и Инкоу;

1905 год:

25–29 января — в боях у деревни Суману;

февраль — в рейде по японским тылам в районе Хайчен

и Дашицяо;

май — в рейде на Синминтинь и Факумынь;

7 мая — в атаке противника у деревне Донсязой.

[\[1\]](#) Агафонов О.В. Казачьи войска Российской империи. М.; Калининград. С. 338–339; Казачьи войска. Каткая хроника казачьих войск и иррегулярных частей. Справочная книжка Главной Императорской квартиры/ Под ред. В.К.Шенка.Сост. В.Х. Казин. СПб., 1912. С. 167–168; Галушко Ю. Казачьи войска России: Краткий справочник казачьих войск до 1914 года. М., 1993. С. 99–124.

Приложение 3.

Штаты строевых частей Кубанского казачьего войска,

утвержденные по 1 янв. 1885 г.[\[1\]](#)

1. Штат кубанского казачьего полка шестисотенного состава.

Наименование должности	Численность в военное время	Численность в мирное время
Штаб — и обер- офицеров	1	1
	3	3
Командир полка, полковник	4	4
Есаулов	7	7
Подъесаулов	8	8
Сотников		
хорунжих		
Классных чиновников	1	1

Старший врач	1	1
Младший врач	1	1
Ветеринарный врач	1	1
Делопроизводитель	1	1
Священник (в Закавказье)		
Нижних чинов	6	6
Вахмистров	40	25
Старших урядников	40	25
Младших урядников	1	1
Штаб-трубачей	12	12
Трубачей	18	48
Приказных казаков	750	750
Нестроевых	4	4
Писарей	1	1
Каптенармус	9	9
Мед. фельдшеров	3	3
Вет. фельдшеров	6	6
Фельдшерских учеников	1	1
Лазаретных служителей	1	1
Причетник	1	1

Оружейных мастеров	1	1
Оружейных подмастерьев	19	19
Мастеровых	24	9
Обозных	34	34
Казачков для прислуги		
Итого	1029	960

2. Штат Кубанского казачьего дивизиона.

Наименование должности	Численность
Штаб — и обер-офицеров	1
Командир дивизиона, полковник	2
Есаулов	2
Подъесаулов	2
Сотников	4
Хорунжих	
Классных чиновников	1
Младший врач	12
Ветеринарный врач	
Строевых нижних чинов	2
Вахмистров	8
Старших урядников	8
Младших урядников	1
Штаб-трубач	6
Трубачей	16

Приказных Казачков	237
Нестроевых нижних чинов	2
Писарей	3
Медицинских фельдшеров	1
Старший ветеринарный фельдшер	7
Мастеровых	15
казаков для прислуги	2
обозных	
Итого	321

3. Штат пластунского батальона четырехсотенного состава.

Наименование должности	Численность в мирное время	Численность в военное время
Штаб — и обер-офицеры	1	1
Командир батальона, полковник	1	2
Войковых старшин	2	4
Есаулов	3	6
Подъесаулов	7	14
Сотников	8	16
Хорунжих		
Классных чиновников	1	1
Старший врач	1	1
Младший врач	1	1

Делопроизводитель	1	1
Священник		
Строевых нижних чинов	4	4
Фельдфебелей	31	21
Старших урядников	43	29
Младших урядников	1	1
Батальонных горнистов	8	8
Сотенных горнистов	16	40
Приказных	632	632
Казаков		
Нестроевых нижних чинов	4	4
	1	1
Писарей	6	6
Каптенармус	1	1
Мед. фельдшеров	4	4
Ст. ветеринарный фельдшер	1	1
Лазаретных служителей	1	1
Причетников	1	1
Оружейных мастеров	12	12
Подмастерьев	59	6
Мастеровых	29	51
Обозных		

Кзаков для прислуги		
Итого	884	874

4. Штат конно-артиллерийской батареи Кубанского казачьего войска.

Наименование чинов	Численность в военное время	Численность в мирное время
Штаб — и обер-офицеров	1	1
Командир батареи, войсковой старшина	1	1
Есаулов	1	1
Подъесаулов	1	1
Сотников		
Хорунжих		
Нижних чинов	1	1
Вахмистров	3	2
Взводных урядников	3	2
Каптенармусов	11	4
Младших урядников	1	1
Пользующихся правами по образованию	3	2
Трубачей	12	4
Бомбардиров	30	20
Кзаков-бомбардиров	140	92
Кзаков-канониров		
В запасном взводе	1	—
Взводных урядников	3	—

Младших урядников	4	—
Бомбардиров		
Итого	217	137

5. Штат местных команд Кубанского казачьего войска.

Команда	Число чинов								
	Обер-офицеров	Урядников		Горнистов	Приказных	Казак	Писарей	Фельдшеров	Казак для прислуги
		Ст.	М.						
Усть-Лабинская	2	2	3	1	6	96	1	1	2
Прочно-окопская	1	2	2	1	6	78	1	—	1
Лабинская	1	2	2	1	6	67	1	—	1
Уманская	1	2	2	1	6	64	1	—	1
Крымская	1	2	2	1	6	49	1	1	1
Баталпашинская	1	2	2	1	6	61	1	1	1
Отраденская	1	2	2	1	6	37	1	1	1
Итого	9	14	15	7	42	452	7	4	8
Всего	558								

[\[1\]](#) Свод штатов военно-сухопутного ведомства. Книга третья. Казачьи войска с их Управлениями. СПб., 1885. С. 111–144.

Библиографический список

Источники

Законодательство. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб., 1830–1884. 55т.

1. ПСЗ 2. Т. 2 (1827). СПб., 1830. Ст. 878, 938, 058; Т. 15. (1840). СПб., 1841. Ст. 13450; Т. 17 (1842). СПб., 1843. Ст. 15809; Т. 20 (1845). СПб., 1846. Ст. 18739; Т. 31 (1856). СПб., 1857. Ст. 30408, 30850; Т. 33 (1858). СПб., 1860. Ст. 33042; Т. 35 (1860). СПб., 1862. Ст. 35421, 35822, 36327;

Т. 36 (1861). СПб., 1863. Ст. 36578, 36711, 36947, 37004, 37408, 37502, 37752, 37801; Т. 37 (1862). СПб., 1865. Ст. 37987, 38256, 38266, 38572; Т. 38 (1863). СПб., 1866. Ст. 39966, 40026, 40046; Т. 39 (1864). СПб., 1867. Ст. 41048, 41050, 41094, 41410; Т. 40 (1865). СПб., 1867. Ст. 41659, 41878, 41887, 42044, 42484, 42815, 43245, 43393; Т. 42 (1867). СПб., 1871. Ст. 44560; Т. 43 (1868). СПб., 1873. Ст. 45711, 46120; Т. 44 (1869). СПб., 1873. Ст. 46652, 46996, 46998, 47011, 47346, 47585, 47850; Т. 45 (1870). СПб., 1871. Ст. 48413, 48429а, 48607, 48876; Т. 46 (1871). СПб., 1874. Ст. 49641, 49712; Т. 47 (1872). СПб., 1875. Ст. 50654, 51392; Т. 49 (1874). СПб., 1877. Ст. 53325; Т. 51 (1876). СПб., 1878. Ст. 55514; Т. 52 (1877). СПб., 1879. Ст. 57191, 57414; Т. 53 (1878). СПб., 1880. Ст. 58432, 58547; Т. 54 (1879–18 февр. 1880). СПб., 1881. Ст. 59441, 60417; Т. 55 (1880–1881). СПб., 1884. Ст. 61488.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб., 1885–1916. 33 т.

2. ПСЗ 3. Т. 3 (1883). СПб., 1886. Ст. 1317, 1521, 1522, 1812; Т. 4 (1884). СПб., 1887. Ст. 2134; Т. 7 (1887). СПб., 1889. Ст. 4559, 4873; Т. 8 (1888). СПб., 1890. Ст. 5076, 5077, 5460; Т. 11 (1891). СПб., 1894. Ст. 7782; Т. 25 (1905). СПб., 1908. Ст. 25891, 26100; Т. 32 (1912). Пг., 1915. Ст. 37511.

3. Действующие в иррегулярных войсках постановления, изданные с 1 января 1865 г. по 1 января 1878 г. Ч. 3. Кубанское, Терское и Астраханское казачьи войска. СПб., 1878. 316 с.

4. Жалованная грамота Екатерины II Черноморскому казачьему войску на кубанские земли 30 июня 1792 г. // Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 г. — Краснодар, 1997. — С. 526.

5. Законоположения и правительственные распоряжения, касающиеся Кубанской области и Кубанского казачьего войска и распоряжения областного начальства // КСК на 1894 год. Екатеринодар, 1894. Паг. 5. С. 1–143.

6. О времени сборов льготных казаков в Кубанском казачьем войске для строевых учений и о сроках службы на кордонах // Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. (С 1 января 1868 года по 1 января 1869 года). Т. 4. СПб., 1871. С. 69–70.

7. О дозволении русским подданным невойскового сословия селиться и приобретать собственность в землях казачьих войск //Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. (С 1 января 1868 по 1 января 1869 года). Т. 4. СПб., 1871. С. 62–64.
8. О формировании Черноморского полка//КСК на 1891 год. Екатеринодар, 1891. С. 127.
9. Об освобождении казачьих офицеров от обязательной службы//ПККО на 1874 год. Екатеринодар, 1873. Паг. 3. С. 7–10.
10. Об упразднении Азовского казачьего войска//Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. (С 1 января 1865 по 1 января 1866 года). Т. 1. СПб., 1870. С. 191–205.
11. Орлов П.П. Справочная книжка для Кубанского казачьего войска по части военной. Екатеринодар, 1910. 926 с., XIV, фото.
12. Положение о воинской повинности и о содержании строевых частей Кубанского и Терского казачьих войск (Высочайше утверждено 1 августа 1870 г.)//ПККО на 1880 год. Екатеринодар, 1880. Паг. 3. С. 1–24.
13. Положение об обеспечении генералов, штаб — и обер-офицеров и классных чиновников Кубанского и Терского казачьих войск//КСК на 1891 год. Екатеринодар, 1891. С. 280–281.
14. Положение об общественном управлении в казачьих войсках//ПККО на 1877 год. Екатеринодар, 1877. Паг. 3. С. 6–34.
15. Правила для обучения строевой службе казаков приговорительного разряда Донского войска. (Высочайше утвержденные 26 марта 1876 г.)//КСК на 1891 год. Екатеринодар, 1891. С. 104–105.
16. Устав о воинской повинности. Высочайше утвержден 1 января 1874 года//Реформы Александра II. М., 1998. С. 338.
17. Учреждение управления Кавказского края. Свод гражд. закон. Том II, часть 2, изд. 1886 года//КСК на 1891 год. Екатеринодар, 1891. Паг. 2.С. 1–17.

Делопроизводственные, административные материалы, отчеты высших

ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ.

18. Воронцов—Дашков И.И. Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем генерал — адъютанта графа Воронцова — Дашкова. СПб. 1907. 164 с.

19. Казачий вопрос в Государственной Думе. Стенографический отчет С.-Петербургского Телеграфного агентства о заседании 13-го июня. Новочеркасск, 1906. 20 с.

20. Кубанское казачье войско. Приказания, объявления и циркуляры Кубанского казачьего войска за 1884 год. Б/м, б/г. 35 с.

21. Отношение ген.-фельдм. кн. Барятинского к военному министру ген.-адъют. Сухожанету, от 2-го апреля 1861 года, № 514//АКАК. Т. 12. Ч. 3. Док. № 764. С. 1048–1059.

22. Отчет по Главному управлению Наместника Кавказского за первое десятилетие управления Кавказским и Закавказским краем е.и.в. великим князем Михаилом Николаевичем. 6 дек. 1862 г. — 6 дек. 1872 г. Тифлис, 1873. XVII, 414, [25] с.

23. Сборник циркуляров начальника Кубанской области и Наказного Атамана Кубанского казачьего войска с приложением циркуляров бывшего Войскового хозяйственного правления с 1879 по 1900 год. Екатеринодар, 1901. 1234 с.

24. Щербов — Нефедович П.О. Доклад о результатах командировки начальника Главного управления казачьих войск генерал-лейтенанта Щербов — Нефедовича в 1899 году в Кубанскую и Терскую области. СПб., 1902. [4], 60, 25 с.

Опубликованные документы.

25. Кирилов П. Кубанская старина. К истории колонизации Закубанского края: (Первый командир 26-го полка. От 12 апреля 1863 г. по 1 октября 1864 г. — полковник Пистолькорс)//КОВ. 1899. № 246, 248, 249–255, 257–260.

26. Хрестоматия по истории Кубани: Документы и материалы. Краснодар, 1975. 407 с.

27. Екатеринодар-Краснодар: Два века города в датах, событиях, воспоминаниях... Материалы к Летописи. Краснодар, 1993. 800 с., ил.

Статистические материалы.

28. Ведомость о числе больных, умерших, бежавших и исключенных по болезни нижних чинов конных полков, пластунских батальонов и местных команд Кубанского казачьего войска, расположенных в Кубанской области за май, июнь месяцы 1889 г. Б/м, б/г. 13 с.

29. Весь Кавказ. Промышленность, торговля и сельское хозяйство Северного Кавказа и Закавказья/Сост. М.С.Шапсович. Баку, 1914. 1238 с.

30. Движение населения в Кубанской области и Черноморском округе за пятилетие с 1888 по 1892 гг.//КСК на 1894 год. Екатеринодар, 1894. Паг. 2. С. 88.

31. Ейский отдел: Общая ведомость земель частного владения лиц войскового сословия Кубанского казачьего войска//Кубанский сборник. Т. 3. Екатеринодар, 1894. Паг. 10. С. 1–14.

32. Кияшко И.И. Именной список генералам, штаб — и обер-офицерам, старшинам, нижним чинам и жителям Кубанского казачьего войска (бывших Черноморского и Кавказского линейного казачьих войск) убитым, умершим от ран и без вести пропавшим в сражениях, стычках и перестрелках с 1788 по 1908 гг. Екатеринодар, 1911. 342 с.

33. Корольков Г. Военно-статистическое обозрение Кубанской области. Тифлис: Типография Штаба Кавказского военного округа, 1900. 4, 353 с.

34. Кубанская область: Города, станицы, села и слободы. Общие выводы относительно промысловых занятий в Кубанской области//СМОМПК. Вып. 8. Тифлис, 1889. Паг. 3. С. 1–395.

35. Кубанская область: (Статистический очерк)//Северо-Кавказский альманах на 1908–1909 гг./Ред. Б.М.Городецкий, Л.В.Борисов. Екатеринодар, 1908. Отд. 2. С. 99–160, карта.

36. Михайлов Н.Т. Ставропольская губерния и Кубанская область: (Обзор городов, сел, станиц и хуторов). Справочник по Ставропольской Епархии. Екатеринодар, 1911. 501, [4] с.

37. О состоянии области и войска за 1907–1910 годы: Извлечение из отчета начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска/Под ред. Д.М. Мартыненко//Кубанский сборник. Екатеринодар. 1909–1912. Т. 14. Паг. 1. С. 1–166; 1910. Т. 15. Паг. 1. С. 1–178; 1911. Т. 16. Паг.1. С. 1–188; 1912. Т. 17. Паг. 1. С. 1–288.

38. Обзор Кубанской области: По поручению Наказного Атамана Кубанского казачьего войска ген. — лейт. Бабыча/Под ред. И.И.Кияшко. Сост. П.Орлов. Екатеринодар, 1911. 215 с.

39. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи. Т. 65. Кубанская область/Под ред. Н.А.Тройницкого. СПб.: Изд. ЦСК, 1905. XII, 263 с.

40. Распределение землевладения в Кубанской области. (По официальным сведениям к 1 января 1882 года)//КСК на 1883 год. Екатеринодар, 1883. С. 24.

41. Селевко А.С. Извлечение из отчета начальника области за 1912–1913 гг.//Кубанский сборник. Екатеринодар 1914–1915. Т.19. Паг. 1. С. 1–270; Т. 20. Паг. 1. С. 1–294.

42. Статистика Российской Империи. Т. 31. Военно-конская перепись 1891 года. СПб., 1894. 150 с., табл.; Т. 44. То же за 1898 год. СПб., 1898. 80 с.; Т. 61. То же за 1903–1904 годы. СПб., 1906. 80 с.; Т. 83. То же за 1912 год. Спб., 1914. 442 с.

43. Статистика Российской империи. Волости и гмины 1890 года. Ч. 3. Т. 17. Вып. 16 и 21. LXVI. Кубанская область. Черноморская губерния. СПб.: Изд-е ЦСК МВД, 1892. 34с., карт.

44. Фелицын Е.Д. Сравнительные таблицы численности народонаселения, браков, рождаемости и смертности в Кубанской области за 5 лет, с 1871 по 1876 годы//ПККО на 1877 год. Екатеринодар, 1877. Отд. 2. С. 147–154.

45. Его же. Статистические таблицы народонаселения в Кубанской области за 7 лет, с 1871 по 1877 гг.//ССОК. Т. 7. Тифлис. 1880. С. 537–570.

46. Численность и распределение народонаселения Кубанской области по сословиям: (По официальным сведениям к 1 января 1882 года)//КСК на 1883 год. Екатеринодар, 1883. С. 25–31.

Публицистика и материалы периодической печати.

47. Баратов Н. Организация высшего местного управления Кавказскими казачьими войсками и горскими народами Северного Кавказа//Военный сборник. 1913. №. 2. С. 157–166.

48. Барилко И.Г. Переселение за Кубань Черноморского (ныне Кубанского) войска в 1860-м и 61-м годах по проекту князя Барятинского и Главнокомандующего правым флангом — Закубанским графа Евдокимова. Воспоминание //КОВ. 1911. 8 окт. № 213.

49. Б-в Н. К двухсотлетию Кубанского казачьего войска, 1696–1896//Русский вестник. 1896. № 12. С. 53–64.

50. Бороздин К.М. Колонизация Кавказа//Наблюдатель. СПб., 1885. № 5. С. 129–147.

51. Бугайский П.Я. Казаки и пластуны. Историко-военный очерк. СПб., 1877. 46 с.

52. В.Ч. 200-летие Кубанского войска//Разведчик. 1896. № 310. С. 831.

53. Венюков М.И. К истории заселения Западного Кавказа, 1861–1863 гг.//Русская старина. 1878. № 6.-С. 252–253.

54. Вихляев П. Аграрный вопрос с правовой точки зрения. М., 1906. 63 с.

55. Военно-окружная система на Кавказе, в Оренбургском крае и в Сибири//Русский инвалид. 1865. 6 (18) авг.

56. Воробьев Б. Земельный вопрос у казаков. СПб., 1908. 64 с.

57. Гродеков Н. Колонизация нагорной полосы Кубанской области//Записки для чтения. СПб., 1869. Авг., сент., окт., нояб. и дек. С. 54–64.
58. Дукмасов И. О заселении Черноморского побережья Кавказа казачьим войском. М., 1887. 27 с.
59. Заколюжный С. Тактические свойства пластунов: По поводу приказа по Кубанскому казачьему войску 29 апр. 1893 г.//Разведчик. 1894. № 185. С. 366.
60. Захаров С. О населении 27(ныне 25) конного полка Кубанского казачьего войска// КВВ. 1867. 28 окт., № 42.
61. Зиссерман А. Колонизация Кавказа//Новое время. 1877. 13 (25) дек. № 645.
62. Значение размежевания земель у Кубанских казаков//Одесский вестник. 1867. 20 сент.
63. Иваненков И. Права на земли Кубанских казаков. (По поводу собрания казачьей рады)//КОВ. 1907. 5 янв. № 4.
64. Иваненко К.С. Землевладельцы Кубанской области и раздел земель. Екатеринодар, 1901. 14 с.
65. Из Донского войска//Голос. 1871. 8 (20) апр. № 96.
66. Каменев Н. Несколько слов о колонизации Западного Кавказа вообще и Псекупского полка в особенности//КВВ. 1867. 7 окт., № 39.
67. Колесников В. Казачье землепользование на Кубани и меры к его улучшению. Екатеринодар, 1909. 23 с.
68. Короленко П.П. Ведомость о русской колонизации Закубанского края на Западном Кавказе//КОВ. 1894. 9 апр., № 27.
69. Его же. Поземельный вопрос в Кубанской области//Казачий вестник. 1886. № 15. 20 фев.; № 16. 23 фев.; № 17. 27 фев.; № 18. 2 марта.
70. Кравцов И. Об осенних полковых сборах Кубанского казачьего войска в 1868 году//Кавказ. 1869. № 37. 26 марта.

71. Краткий исторический очерк Кубанского казачьего полка (ныне 2-я бригада)// КВВ. 1868. 11 мая. № 18, 18 мая. № 19.
72. «Кубанец». Боевая сторона кубанцев//Казачий вестник. 1883. № 20. 9 марта.
73. Его же. Льготное состояние Кубанцев//Казачий вестник. 1883. № 30. 13 апр.
74. Мельников Л. Призрак «малоземелья» на Кубани//КОВ. 1897. № 133. 22 июня; № 134. 24 июня; № 135. 25 июня.
75. Новые казачьи поселения в Закубанском крае//ЗКОРГО. Кн. IV. Тифлис, 1864. Паг. 4. С. 21–22.
76. Об устройстве земских повинностей и введении государственного поземельного налога в Кубанской области//КОВ. 1894. № 82–85. 26, 29 окт., 2,5 нояб.
77. Орлов П. Казачьи вопросы: (С Кубани)//Голос казачества. 1912. № 33–34.
78. Его же. Кубанские казаки: Откуда повелось Кубанское казачье войско и как оно несло государственную службу на благо Руси. Екатеринодар, 1908. 185 с.
79. Его же. Ответ на статью «Черкесы и воинская повинность», помещенную в газете «Кубанский край» № 396 (1911 год)//Орлов П.П. Сборник рассказов и статей. Екатеринодар, 1911. С. 265–276.
80. П. Обзор колонизации Закубанского края//Русский инвалид. 1864. 17(29) окт., №230.
81. Пантюхов И.И. Влияние малярии на колонизацию Кавказа//Кавказ. 1897. 17 дек. № 334.
82. Петренко И. Кубанцы и кавказские горцы в Польше. Очерк по истории Кубанского казачьего дивизиона//КОВ. 1910. 22 мая. № 110; 18 июня. № 130; 19 июня. №131; 14–16 июля. № 151–153.

83. П-в С. Уничтожение казачества//Окраины России. 1909. Т. 4. № 37–38. С. 524–528.
84. По вопросам о преобразованиях в казачьих войсках//Русский инвалид. 1869. 24, 27, 29 мая и 15 июля.
85. По казачьим войскам//Голос. Газета литературно-политическая. 1872. 20 окт.(1 нояб.), № 290.
86. П-ов. Казачья лошадь и обмундирование: (Голос с Кавказа)//Санкт-Петербургские ведомости. 1909. 12 (25) мая.
87. Пребывание на Кавказе в 1888 г. Их Императорских величеств Государя Императора Александра III Александровича и Государыни Императрицы Марии Федоровны с Августейшими детьми//Кавказский календарь на 1910 год. Тифлис, 1910. Ч. 2. Приложения. С. 50
88. Преобразования управления Кубанскою и Терскою областями//Иллюстрированная газета. 1875.Т. 25. № 8. С. 114–115.
89. Раковский. История 25(ныне 23) конного полка Кубанского казачьего войска//КВВ. 1867. 11 нояб. № 43;18 нояб. № 45; 2 дек. № 47; 16 дек. № 49.
90. С Кубани: (Проблемы казачества в мирное время)//Русский инвалид. 1869. № 104. 2 (14) сент.
91. Саньков. Описание поселения 5-й (Урупской) бригады Кубанского казачьего войска и отдельных действий ее частей против непокорных горцев//КВВ. 1868. 16 марта. № 11; 23 марта. № 12.
92. Сафонов. (Собственного Его Величества конвоя казак). Новые заботы Кавказского казачества с окончанием Кавказской войны//Современная летопись. Воскресное прибавление к «Московским ведомостям». 1865. № 13.
93. Его же. Заметки по поводу пересмотра казачьих положений Кубанского и Терского войск, с окончанием Кавказской войны//Современная летопись. Воскресное прибавление к «Московским ведомостям». 1865. № 23.

94. Сведения о недоимочной сумме по войсковому капиталу, числящейся на неслужилых нижних чинах Кубанского казачьего войска//КОВ. 1874. 23 февр. № 8.
95. Собриевский А.С. К вопросу об упадке экономического благосостояния кубанского казачества. (Несколько мыслей не казака). Б/м, б/г. 12 с.
96. Ширский П.С. Поземельные права станичных обществ. (Доклад Помощника Присяжного Поверенного П.С.Ширского Екатеринодарскому юридическому обществу). Екатеринодар, 1902. 32 с.
97. Его же. Восстание 2-го Урупского казачьего полка в 1905 году. Екатеринодар, 1917. 25 с.
98. Щербаков А. Абинский конный казачий полк//КВВ. 1868. 23 марта. № 12.
99. Щербина Ф.А. Как и кто у Кубанских казаков их земли урезывал и отнимал//Вольная Кубань. 1918. 14,17 янв.

Источники личного происхождения.

100. Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. Ростов н/Д, 1992. 320 с.
101. Салтан. Воспоминание//Кавказский сборник. Т. 1. Тифлис, 1877. С. 56–124.

Справочные издания и материалы.

102. Галушко Ю. Казачьи войска России: Краткий историко-хронологический справочник казачьих войск до 1914 года. М., 1993. 232 с.: ил., карт.
103. Дополнение к строевым кавалерийским уставам для казаков. СПб., 1884. 18, 4 с.
104. Казаки//Энциклопедический словарь/Издатели Ф.А.Брокгауз, А.Эфрон. Т. 13А. СПб., 1894. С. 882–894.

105. Инструкция казачьим частям, расположенным на пограничных с Персией и Турцией кордонах, об организации и обязанностях службы пограничных кордонов// РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 445.
106. Казачество//БСЭ. Изд. 2-е. Т. 19. М., 1965. — С. 362–363.
107. Казачество//Советская историческая энциклопедия. Т. 6. М., 1965. С. 815–823.
108. Кубанское казачье войско//Там же. Т. 8. М., 1965. С. 242.
109. Казачий словарь-справочник. В 3-х т./Сост. Г.В.Губарев. Репринтное воспроизведение изд. 1969 г. М., 1992.
110. Казачьи войска. Краткая хроника казачьих войск и иррегулярных частей. Справочная книжка Главной Императорской квартиры/Под ред. В.К.Шенка. Сост.В.Х. Казин. СПб., 1912. 462 с.
111. Расписание поселений Кубанской области по отделам и полковым округам//КСК на 1891 год. Екатеринодар, 1891 . С. 162– 164.
112. Расписание сухопутных войск на 1876 год, исправленное по 25-е января 1877 года. СПб., 1877. 242 с.
113. То же на 1891 год, исправленное по 25-е октября 1892 года. СПб., 1892. 137 с.
114. Свод штатов военно-сухопутного ведомства. Книга третья. Казачьи войска с их Управлениями. Кубанское казачье войско. СПб., 1885. С. 111–144.
115. Устав строевой казачьей службы. Ч. 1. Одиночное, взводное и пешее ученье. 1899 год. СПб., 1910. 293 с.
116. Хронологическое показание достопримечательных событий в Кавказском и Закавказском крае и важнейших постановлений правительства, относящихся к этому краю.[С 1869-го по 1 июля 1871 г.], [С 11 янв. 1871 г. по 2 июля 1872 г.], [С 6 дек. 1862 г. по 8 сент. 1873 г.]/Кавказский календарь на 1872 , 1873, 1874 годы. Тифлис, 1872–1874.

117. Шамрай В.С. Хронология важнейшим событиям и законоположениям, имеющим отношение к истории Кубанской области и Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1911. 67 с.

118. Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 года/Под ред. Б.А.Трехбрата. Краснодар, 1997. 560 с., ил.

Картографические материалы и фотодокументы.

119. Население Северо-Западного Кавказа в 1841, 1860 и 1863 гг.//[Венюков М.] М.В. Население Северо-Западного Кавказа в три эпохи его колонизации русским в 18431, 1860 и 1863 гг.//ИРГО. 1864. Кн. 1.Отд. 2. С. 1–9.

120. Карта Кубанской области, составленная по новейшим сведениям 1882 г. Е.Д.Фелицына//РГВИА. Ф. 330. Оп. 64. Д. 224.

121. «Горячий ключ» и его окрестности Кубанской области:(Фотоальбом). Б/м, б/и., 1896. 20 с.

Литература.

122. Абаза К.К. Кубанцы//Абаза К.К. Казаки: Донцы, Уральцы, Кубанцы, Терцы. Очерки из истории и стародавнего казацкого быта в общедоступном изложении для чтения в войсках, семье и школе. СПб., 1899. С. 139–295.

123. Абрамовский А.П., Кобзов В.С. Управление и воинская повинность оренбургского казачества во второй половине XIX — начале XX века. Челябинск, 1997. 199 с.

124. Агафонов О. Казачьи войска Российской Империи. Пантеон отечественной славы. М; Калининград, 1995. 560 с.: ил.

125. Апостолов Л.Я. Географический очерк Кубанской области. Тифлис, 1897. 306 с.: ил., карт.

126. Арканников Ф.В. Николаевская станица: (Статистико-этнографическое описание)//Кубанский сборник. Т. 1. Екатеринодар, 1883. Паг. 2. С. 546–617.

127. Аурих. Исторический обзор колонизации прибрежной Черноморской области Кавказа//ИКОРГО. Т. 9. Кн. 2 . Тифлис, 1887. С. 365, III.
128. Ауский С. Казаки. Особое сословие. М.; СПб., 2002. 447 с.
129. Баженов П.Н. Действия русской кавалерии во время Русско-Турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканах. СПб., 1904. 980 с., карт.
130. Басханов А.К., Басханов М.Н., Егоров Н.Д. Линейцы. Очерки по истории станицы Лабинской и Лабинского отдела Кубанской области. Никосия, 1996. 392 с.,: ил., карт.
131. Бежкович А.С. История заселения Кубани//Доклады Географического общества СССР: Отделение этнографии. Вып. 2. 1962–1965. Л., 1965. С. 26–44.
132. Бентковский И. Заселение Западных предгорий главного Кавказского Хребта//Кубанский сборник. Т. 1. Екатеринодар, 1883 . С. 1–86.
133. Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке. Военно-экономический потенциал России. М., 1973. 616 с.
134. Бобровский П. Кубанский егерский корпус. СПб., 1893. 211 с.
135. Бобырь-Бухановский Л.М. Условия развития и внутренний строй сельского хозяйства на Кубани//Известия ОЛИКО. Вып. 6. Екатеринодар. 1913. С. 217–253.
136. Бондарь Н.И. основные тенденции развития кубанского казачества в XIX веке (этносоциальный аспект)//Вопросы общественно-политических отношений на Северо-Западном Кавказе в XIX веке. Майкоп, 1987. С. 15–34.
137. Его же. Кубанское казачество (этносоциальный аспект)//Кубанское казачество: история, этнография, фольклор. М., 1995. С. 5–49.
138. Братков Н.Ф. Алексеевская и алексеевцы. Краснодар, 2000. 192 с.
139. Бреэре И. Казаки. М., 1992. 214 с.

140. Бугайский П.Я. Казаки и пластуны: Историко-военный очерк. СПб., 1877.

46 с.

141. М.В. [Венюков М.] Население Северо-Западного Кавказа в три эпохи его колонизации русским в 1841, 1860 и 1863 гг.//ИРГО. 1864. Кн. 1.Отд. 2. С. 1–9.

142. Военная подготовка в казачьих школах. Екатеринодар, 1911. 29 с.

143. Григорьев М. Строевое обучение льготных и приготовительных разрядов казаков// Военный сборник. 1901. № 5. С. 212–234; № 6. С. 92–105.

144. Гальцев В.С. Социально-экономическое и культурное развитие народов Северного Кавказа в 70–90-х гг. XIX века// Вопросы истории. 1954. № 10. С. 116–125.

145. Герман О.Б. Превращение казака из милиционера в солдата (из истории казачества второй половины XIX — начала XX в.)//Юристь-правоведъ. 1998. Вып 1. С. 71–75.

146. Гершельман Ф. Кавалерия в войнах XX века. СПб., 1908. 312 с., ил.

147. Глущенко В.В Казаки и государство. Ростов н/Д, 1998. 136 с.

148. Его же. Казак, что в имени твоём. Философия развития казачества. Ростов н/Д, 1999. 204 с.

149. Его же. Казаки и народы Кавказа. М., 1997. 170 с.

150. Его же. Казаки отечества былого и нынешнего. Ростов н/Д, 1999. 152 с.

151. Его же. Казачество в структуре государственности и политической истории России. СПб., 1999. 152 с.

152. Его же. Казачество Евразии: зарождение, развитие, интеграция в структуру российской государственности. М., 2000. 296 с.

153. Гольдентул И. Земельные отношения на Кубани: Краткий очерк. Ростов н/Д; Краснодар, 1924. 67 с.
154. Гужин Г.С., Гущина Л.А. История заселения и хозяйственного освоения территории Краснодарского края с 1792 по 1917 гг. Краснодар, 1993. 138 с.
155. Гулыга И.Е. I-й Полтавский кошевого атамана Сидора Белого полк Кубанского казачьего войска. 1788–1912. Тифлис, 1913. 106 с.: илл.
156. Демоз Л. Психоистория. Ростов н/Д., 2000. 511с.
157. Дергунов Ф.С. История станицы Ладожской. Краснодар, 2000. 288 с.: фото.
158. Дулимов Е.И. Российская власть и казачья государственность на Дону. Концепция спецкурса по специальности «Юриспруденция»// Казачий сборник. Ростов н/Д: ДЮИ, 2000. С. 8–68.
159. Его же. Казачество в системе политико-правовых отношений России (Спецкурсы по «Истории казачества»)/Казачий сборник Ростов н/Д: ДЮИ, 1998. С. 26–86.
160. Евсеева Л.Ф. «Станица моя, Фастовецкая». Краснодар, 1999. 176 с.
161. Зайончковский П.А. Военные реформы 1860–1870 годов в России. М., 1952. 372 с.
162. Его же. Отмена крепостного права в России. Изд. 3-е, перераб. и доп. М., 1968. 368 с.:карт.
163. Его же. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX-XX столетий. 1881–1903. М., 1973. 351 с.
164. Захарова Л.Г. Земская контрреформа 1890 г./Под ред. П.А.Зайончковского. М., 1968. 180 с.
165. Земля. [В Кубанской области]/Кубанский календарь на 1898 год. Екатеринодар, 1898. Отд. 2. С. 18–27.

166. Иваненко К.С. Семья-двор и семейное имущество казаков вообще и в частности по положению 10 мая 1862 года//Кубанский сборник. Т. 11. Екатеринодар, 1905. С. 281–331.

167. Ивченко И.В. Казачья община Кубани в трудах дореволюционных авторов//Из дореволюционного прошлого кубанского казачества. Краснодар, 1993. С. 156–164.

168. Ее же. Эволюция казачьего самоуправления на Кубани (на материалах законодательства)//Проблемы истории казачества. Волгоград, 1995. С. 13–31.

169. Илющенко Н.Н. История станицы Подгорной Краснодарского края. Волгоград, 1998. 224 с.

170. История казачества Азиатской России. В 3-х т./ Гл. ре. В.В.Алексеев. Т. 2. Вторая половина XIX — начало XX века. Екатеринбург, 1995. 256 с.

171. История казачества России: Учеб. пособие. Ростов н/Д, 2001. 256 с.: ил.

172. История лейб-гвардии казачьего Его Величества полка. 1775–1813–1875–1917/Сост. Б.Р.Хрещатицкий. СПб., 1913. 406 с., ил.

173. История народов Северного Кавказа (конец XVIII века — 1917 г.). М.: Наука, 1989. 440 с.

174. Казаки в войнах России. (Краткие исторические очерки). М., 1996. 98 с.

175. Казаки в войнах России/Под общ. ред. Б.Б.Игнатьева. М., 1999. 192 с.

176. Казаки. История. Нравы и обычаи. Расселение. Боевое искусство. Войны и восстания/Под ред. Б.А.Алмазова. СПб., 1999. Сер.: «Иллюстрированная история отечества». 88 с., ил.

177. Кириллов П. Новоминская станица: статистическое описание//Кубанский сборник. Т. 1. Екатеринодар, 1883. Паг. 2. С. 618–642.

178. Кириллов П. Станица Рязанская (бывшая Габукаевская): Историко-статистическое описание//Кубанский сборник. Т. 9. Екатеринодар, 1902. Паг. 1. С. 113–158.

179. Его же. К истории колонизации Закубанского края//Кубанский сборник. Т. 9. Екатеринодар, 1902. Паг. 1. С. 71–112.

180. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1989. 286 с.

181. Его же. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований. Заметки и размышления о новых подходах//Новая и новейшая история. 1995. № 1. С. 3–33.

182. Кожин В.В. Россия. Век XX—й (1901–1939). История страны от 1901 года до «загадочного» 1937 года. (Опыт беспристрастного исследования). М., 1999. 560 с.

183. Козлов А.И., Козлов А.А. Имперская политика огосударствления, милитаризации и закрепощения казаков в XVIII — начале XX вв.//Казачество: прошлое и настоящее. Волгоград, 2000. С. 95–125.

184. Колесников В.А. Однотворцы-казаки. К 200-летию со дня основания Рождественской, Каменнобродской, Сенгилеевской и Новотроицкой станиц. СПб., 2000. 319 с.

185. Колесников В.А., Федосов П.С. Два века станицы Расшеватской: (1801–2001). К 200-летию со дня основания. Ставрополь, 2001. 368 с.

186. Короленко П.П. Азовцы//Киевская старина. 1891. Т. 34. № 7 (июль). С. 53– 74; № 8 (авг.). С. 171–194.

187. Его же. Переселение казаков за Кубань в 1861 г., с приложением документов и записки полковника Шарапа//Кубанский сборник. Т. 16. Екатеринодар, 1911. Паг. 1. С. 256–576.

188. Краснов Н. Влияние развития коневодства и скотоводства на отправление казаками воинской повинности: (Военно-статистический очерк)//Военный сборник. 1877. Т. 117. № 10. С. 256–280.

189. Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма/Под ред. А.М.Анфимова. Ростов н/Д, 1990 . 256 с.: ил.

190. Крикунов В.П. Очерки социально-экономического развития Дона и Северного Кавказа в 60–90-е гг. XIX в. Грозный, 1973. 187 с.
191. Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани. М., 1967. 356 с., ил., фото.
192. Кулиш И. Классовое расслоение кубанского казачества в конце XIX и начале XX вв.//Труды Кубанского пед. института. Т. I (IV). Краснодар, 1930. С. 97–123.
193. Куценко И.Я. Кубанское казачество. Изд. 2-е, доп. Краснодар, 1993. 584 с.
194. Ладоха Г. Очерки гражданской борьбы на Кубани. Краснодар, 1923. 124 с.
195. Ламонов А. Исторический очерк о заселении станицы Кавказской Кубанского казачьего войска(1794–1894). 1897//Кубанский сборник. Т. 4. Екатеринодар, 1897. Паг. 13. С. 1–28.
196. Лебедик Н.И. Кризис аграрной политики царизма в казачьих районах перед Великой Октябрьской революцией//Казачество в октябрьской революции и гражданской войне. Черкесск, 1984. С. 236–241.
197. Ленин В.И. Аграрный вопрос в России к концу XIX в.//Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 17. М. 1961. С. 57–137.
198. Лихницкий Н.Т. Классовая борьба и кулачество на Кубани. Ростов н/Д, 1930. 113 с.
199. Лола М. О кубанском казачестве. Ростов н/Д; Краснодар, 1926. 110 с.
200. Македонов Л. В. В горах Кубанского края. Быт и хозяйство жителей нагорной полосы Кубанской области. Воронеж, 1908. 248 с.: прил.
201. Его же. О местной разработке по вторым листам переписи 1897 г. статистических сведений о населении Кубанской области//Кубанский сборник. Т. 9. Екатеринодар, 1902. С. 159–177.

202. Его же. О разработке статистических данных о населении Кубанской области по вторым листам всеобщей переписи населения 1987 г.//Кубанский сборник Т. 11. Екатеринбург, 1905. С.65–80.
203. Мальцев В.Н. Управление и самоуправление казаков Кубанской и Терской областей во второй половине XIX — начале XX века//Возрождение казачества: (история, современность, перспектива). Ростов н/Д, 1995. С. 50–51.
204. Мальцев В.Н. Административные реформы в казачьих областях Северного Кавказа во второй половине XIX в.//Проблемы истории казачества. Волгоград, 1995. С. 94–106.
205. Мамонов В.Ф. История казачества России. Т. 1. Екатеринбург; Челябинск, 1995. 238 с.
206. Маркедонов С.М. Феномен российского казачества//Социально-политическая ситуация на Кавказе: история, современность, перспективы. М., 2001. С. 106–119.
207. Матвеев О.В. Слово о кубанском казачестве//О.Матвеев. Слово о кубанском казачестве. С.Шептун. Из истории православной церкви на Кубани. Краснодар, 1995. С. 5–345.
208. Его же. Кубанское казачество в сословной структуре российской империи тенденции его развития в 60–80-е гг. XIX в.//Проблемы истории казачества. Волгоград, 1995. С. 32–43.
209. Его же. Военное дело//Очерки традиционной культуры казачеств России. М.; Краснодар, 2002. С. 402–417.
210. Матвеев О.В., Фролов Б.Е. Очерки истории форменной одежды кубанских казаков (конец XVII в. — 1917 г.). Краснодар, 2000. 236 с.: Цветные реконструкции Г.Г.Рябоконя.
211. Матющенко П.П. Аграрные реформы в Кубанском казачьем войске в 60–70-е гг. XIX в.//Из дореволюционного прошлого кубанского казачества. Краснодар, 1993. С. 107–121.
212. Его же. Казачий вопрос в аграрной политике царизма//Проблемы истории казачества. Волгоград, 1995. С. 259–281.

213. Его же. Аграрные проблемы Северного Кавказа на рубеже XIX — XX вв.//Голос минувшего. 1998. № 1–2. С. 27–29.

214. Его же. Особенности административно-аграрных мероприятий в казачьих областях Северного Кавказа: (вторая половина XIX — начало XX в.)//Голос минувшего. 2000. № 3–4. С. 11–17.

215. Мещеряков Г.П. Русская военная мысль в XIX в. М.: Наука, 1973. 316 с.

216. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII—

начало XX в.). Т.1. СПб., 2000. 548 с., ил.

217. Могилевцев Н.М. Краткие исторические сведения о Кавказском конном полке Кубанского казачьего войска//Кубанский сборник. Т. 3. Екатеринодар, 1894.

218. Мошкович Г.Г. Войсковое торговое общество и его роль в социально-экономическом развитии Кубани//Из дореволюционного прошлого кубанского казачества. Краснодар, 1993. С. 121–138.

219. Мужев И.Ф. Казачество Дона, Кубани и Терека в революции 1905–1907 гг. Орджоникидзе, 1963. 80 с.

220. Население Кубанской области по данным вторых экземпляров листов переписи 1897 г./Под ред. Л.В.Македонова. Екатеринодар, 1907–1908. 587 с.

221. Настоящее положение коневодства в казачьих войсках (военно-статистический очерк)//Военный сборник. 1877. № 4. С. 308–321.

222. Науменко В.Е., Фролов Б.Е. Регалии кубанского казачества. Краснодар, 2001. 126 с.

223. Невская Т.А. Особенности развития верхнекубанских станиц в конце XIX — начале XX вв.//Краснодару — 200 лет. (Тезисы краевой научно-практической конференции). Краснодар, 1993. С. 104–107.

224. Нелепин Р.А. История казачества. В 2-х т. Т. 1. СПб., 1995. 560 с.; Т. 2. СПб., 1995. 720 с.
225. Несколько казацких песен и поверий в ст. Разшеватской Кавказского уезда Кубанской области. Записаны со слов казака Григория Турищева учителем Разшеватской школы И.Живило//СМОМПК. Вып. 3. Тифлис, 1883. С. 91–100.
226. Новые казачьи поселения в Закубанском крае//ЗКОРГО. Кн. 6. 1864. Паг. 2. С. 21–22.
227. Орлов П.П. Ответ на статью «Черкесы и воинская повинность», помещенную в газете «Кубанский край» № 396–74 (1911 год)//Орлов П.П. Сборник рассказов и статей. Екатеринодар, 1911. С. 265–276.
228. Очерки истории Кубани с древнейших времен до 1920 г./ Под. общ. ред. В.Н. Ратушняка. Краснодар, 1995. 656 с.
229. Очерки традиционной культуры казачеств России. Т. 1./Под ред. Н.И.Бондаря. М.; Краснодар, 2002. 560 с.: ил.
230. Павловский С.В. Участие кубанских казаков в освобождении Болгарии от османского ига//Из дореволюционного прошлого кубанского казачества. Краснодар, 1993. С. 90–98.
231. Панарин М.Ф. Восстание казачьего полка в 1905 г.// Вопросы истории. 1973. № 5. С. 207–210.
232. Передельский Е. Станица Темижбекская и песни, поющиеся в ней//СМОМПК. Вып. 3. Тифлис, 1883. С. 1–90.
233. Перепеченко П. Из истории революционного движения в частях Кубанского казачьего войска (1905–1907 гг.)//Ученые записки Вологодского пед. института. Т. 14, исторический. Вологда, 1954. С. 121–154.
234. Попко И.Д. Черноморские казаки в их военном и гражданском быту: очерки края, общества, вооруженной силы и службы в двух частях. Репринтное издание. Краснодар, 1998. 190 с.
235. Ратушняк В.Н. Развитие капиталистического земледелия в Предкавказье в конце XIX — начале XX века//Научные труды

Краснодарского пед. института. 1969. Вып. 129. Краснодар, 1969. С. 237–244.

236. Его же. Земельный фонд Кубанской области и его распределение в период капитализма//Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1971. Вильнюс, 1974. С. 205–214.

237. Его же. Сельскохозяйственное производство Северного Кавказа в конце XIX — начале XX века. (К проблеме развития аграрного капитализма). Ростов н/Д, 1989. 256 с.

238. Его же. Казачество Кубани накануне октября// Кубанское казачество: проблемы истории и возрождения (к 200-летию основания города Екатеринодара и 43 кубанских станиц). Краснодар, 1992. С. 40–43.

239. Его же. История Кубани XVI начала XX в. в отечественной историографии 1920–1980 гг.//Проблемы историографии и истории Кубани. Краснодар, 1994. С. 26–43.

240. Его же. Эволюция землепользования и систем земледелия на Кубани (конец XVIII в. — 1914 г.)//Актуальные проблемы истории и историографии Северного Кавказа. Краснодар, 2000. С. 18–39.

241. Ратушняк В.Н., Матющенко П.П. О некоторых особенностях общественного развития и экономического положения казачества и иногороднего крестьянства Кубани во второй половине XIX — начале XX вв.//Проблемы общественной жизни и быта народов Северного Кавказа в дореволюционный период. Ставрополь, 1995. С. 43–53.

242. Ратушняк О.В. История кубанского казачества в эмигрантской казачьей периодике//Из дореволюционного прошлого кубанского казачества. Краснодар, 1993. С. 172–180.

243. Его же. Кубанцы в эмиграции (1920–1939 гг.)//Вопросы отечественной истории. Краснодар, 1995. С. 78–87.

244. Рукоусев Е.В. Казачество: права и обязанности сословия//Вопросы истории. 1998. № 5. С. 137–143.

245. Сельское хозяйство Кубани и пути его развития. (На правах рукописи). К докладу кубанского окружного исполнительного комитета IV пленуму крайисполкома. Краснодар, 1928. 64 с.

246. Скворцов С.А. Землевладение в Кубанской области. Использование земель общинами Кубани. Краснодар, 1925. 48 с.

247. Собриевский А.С. Торговое общество казаков в Черноморском (Кубанском) казачьем войске//Кубанский сборник. Т. 4. Екатеринодар, 1898. Паг. 14. С. 1–69.

248. Столетие Военного министерства, 1802–1902: Ист. очерк/ Гл. ред. Д.А.Скалон. — СПб., 1902–1914. Т.11. Ч.1–2. Главное Управление казачьих войск: Ист. очерк/ Сост. А.И.Никольский и др. СПб., 1902. 473 с.

Ч.3. Военная повинность казачьих войск: Ист. очерк/ Сост. А.И.Никольский, Н.А.Чернощеков. СПб., 1907. 697 с.

Ч.4. Землеустройство казачьих войск: Ист. очерк/ Сост. Н.А.Чернощеков. СПб., 1911. 457 с.

249. Тмутараканский Л. Об экономически-социальном значении поземельного владения кубанских казаков// Кубанский сборник. Т. 16. Екатеринодар, 1911. Паг. 3. С. 189–263.

250. Толстов В.Г. Историческая памятка Кубанского полка Кубанского казачьего войска. 1732–1912. Екатеринодар, 1912. 27 с.

251. Его же. История Хоперского полка Кубанского казачьего войска. 1696–1896. В 2-х т. Тифлис, 1900–1901.

252. Топчий А.Т. Буржуазные реформы 60–80-х гг. и проблемы уралосибирского казачества//Казачи Урала и Сибири в XVII — XX вв. Екатеринбург, 1993. С. 4–17.

253. Трехбратов Б.А. Революционное движение в армейских частях на Кубани и Черноморье в 1905 году. (В помощь лектору). Краснодар, 1976. 25 с.

254. Его же. Наемный труд в сельском производстве Юга России в период капитализма. (Методология, историография, источники,

особенности формирования сельскохозяйственного пролетариата). — Краснодар, 1980. — 76 с.

255. Трут В.П. Казачество России во время революции 1905–1907 годов//Казачий сборник. — Ростов н/Д: ДЮИ, 2000. — С. 305.

256. Его же. Казачий излом. (Казачество Юго-Востока России в начале XX века и в период революции 1917 года). Ростов н/Д, 1997. 256 с.

257. Труханович А.П. Аренда казачьих общинных земель в Кубанской области в пореформенный период//Из дореволюционного прошлого кубанских казаков. — Краснодар, 1993. С. 13–141.

258. Удо Г. История казачества в германоязычной литературе//Вестник МГУ. Серия 8. История. 1993. № 1. С. 69–76.

259. Успенский Б.А. История и семиотика. (Восприятие времени как семиотическая проблема)//Успенский Б.А. Избранные труды, том I. Семиотика истории. Семиотика культуры, 2-е изд., испр. и доп. М., 1996. С. 7–31.

260. Фадеев А.В. Вовлечение Северного Кавказа в экономическую систему пореформенной России. (К проблеме развития капитализма вширь)// История СССР. 1959. № 6. С. 40–63.

261. Его же. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957. 260 с.

262. Фелицын Е. Краткий очерк заселения Кубанской области. (Пояснительная записка к 20-верстной карте Кубанской области)//ИКОРГО. Т. 8. Кн. 2. Тифлис, 1883. С. 250–284.

263. Фелицын Е.Д., Щербина Ф.А. Кубанское казачье войско. Репринтное издание. Краснодар, 1996. 480 с.

264. Футорянский Л.И. Казачество и Революция 1905–1907 гг.//Ученые записки/ Пермский и Оренбургский пед. институты: Общественные науки. Вып. 32. Пермь, 1969. С. 84–100.

265. Его же. Казачество в системе социально-экономических отношений предреволюционной России.//Вопросы истории капиталистической России. Свердловск, 1972. С. 139–157.

266. Его же. Казачество на рубеже веков. Оренбург, 1995. 200 с.
267. Хорошхин М. Военно-статистический обзор казачьих войск//Военный сборник. 1881. Т. 139. № 5. С. 86–119; № 6. С. 309–324; Т. 140. № 7. С. 139–159; № 8. С. 366–387; Т. 141. № 9. С. 125–164; № 10. С. 311–340; Т. 142. № 11. С. 95–115.
268. Чертков А.С. Якутское казачество во второй половине XIX начале XX вв. М., 1996. 138 с.
269. Шацкий П.А. Пореформенная колонизация Кубанской области и развитие земледелия на Кубани//Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1961. Рига, 1963. С. 501–510.
270. Его же. Сельское хозяйство Предкавказья в 1861–1905 гг.: Историческое исследование//Некоторые вопросы социально-экономического развития Юго-Восточной России. Ставрополь, 1970. С. 3–320.
271. Шевченко Г.Н. Черноморское казачество в конце XVIII — первой половине XIX вв. Краснодар, 1993. 85 с.
272. Шершенко А.И. Правовое и экономическое положение иногородних на Северном Кавказе в связи с хозяйственным развитием края//ССОСК. Т. 1. Ставрополь, 1906. С. 1–138.
273. Щербина В.А. Хозяйственно-экономический быт казачьих поселений по бассейнам рек: Пшехи, Пшиша и Псекупса в Закубанском уезде Кубанской области// Кубанский сборник. Т. 2. Екатеринодар, 1891. Паг. 6. С. 1–54.
274. Щербина Ф.А.. История земельной собственности у кубанских казаков// кубанский сборник. Т. 1. Екатеринодар, 1883. Паг. 2. С. 87–124.
275. Его же. Колонизация Кубанской области//Киевская старина. 1883. Т. 7. № 12 (дек.). С. 529–545.
276. Его же. Земельная община Кубанских казаков//Кубанский сборник. Т. 2. Екатеринодар, 1891. Паг. 2. С. 1–208.

277. Его же. История кубанского казачьего войска. В — 2-х т. Т. 2. История войны казаков с закубанскими горцами. Репринтное воспроизведение изд. 1913 года. Краснодар, 1992. 880 с., илл.

278. Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. В 2-х т. Т. 2. Тифлис, 1907. 246 с.

279. Янчевский Н.Л. Разрушение легенды о казачестве. Краткий очерк истории колониальной политики в связи с эволюцией аграрных отношений. Ростов н/Д. 1931. 97 с.

На английском языке.

280. Maurice H. The Cossacks. — New York. 1945. — 237 p.

281. McNeal, Robert H. Tsar and Cossack, 1855–1914. — Macmillan and St. Anthony's College, Oxford, 1987. — 262 p., map's.

Диссертации и авторефераты.

282. Бабичев М.М. Аграрный вопрос и крестьянское движение на Кубани в период первой русской буржуазно-демократической революции 1905–1907 гг.: Автореф. дис...канд. ист. наук. М., 1958. 19 с.

283. Белоусов И.В. Казачий сепаратизм в России (1917–1920): истоки, сущность, последствия.: Дис... канд. ист. наук. М., 1998. 157 с.

284. Дубовиков А.М. Уральское казачество в пореформенный период. 1861–1904 гг. :Автореф. дис...канд. ист. наук. Самара, 2000. 26 с.

285. Игнатьев Б.Б. Развитие системы управления казачьих войск России (вторая половина XIX начало XX вв.): Дис... канд. ист. наук. М., 1997. 239 с.

286. Его же. Развитие системы управления казачьих войск России (вторая половина XIX — начало XX вв.): Автореферат дис... канд. ист. наук. М., 1997. 24 с.

287. Луцик Г.А. Революция 1905–1907 гг. на Кубани: Автореф. дис...канд. ист. наук. Симферополь, 1954. 20с.

288. Матвеев О.В. Кавказская война на Северо-Западном Кавказе и ее этнополитические и социокультурные последствия: Автореф. дис... канд. ист. наук. Краснодар, 1996. 30 с.

289. Телепень С.В. Казаки Кубани в военно-политических событиях Польши в конце XVIII — начале XX вв.: Автореф. дис... канд. ист. наук. Армавир, 1998. 19 с.